

№ 8 (308). АВГУСТ 2016

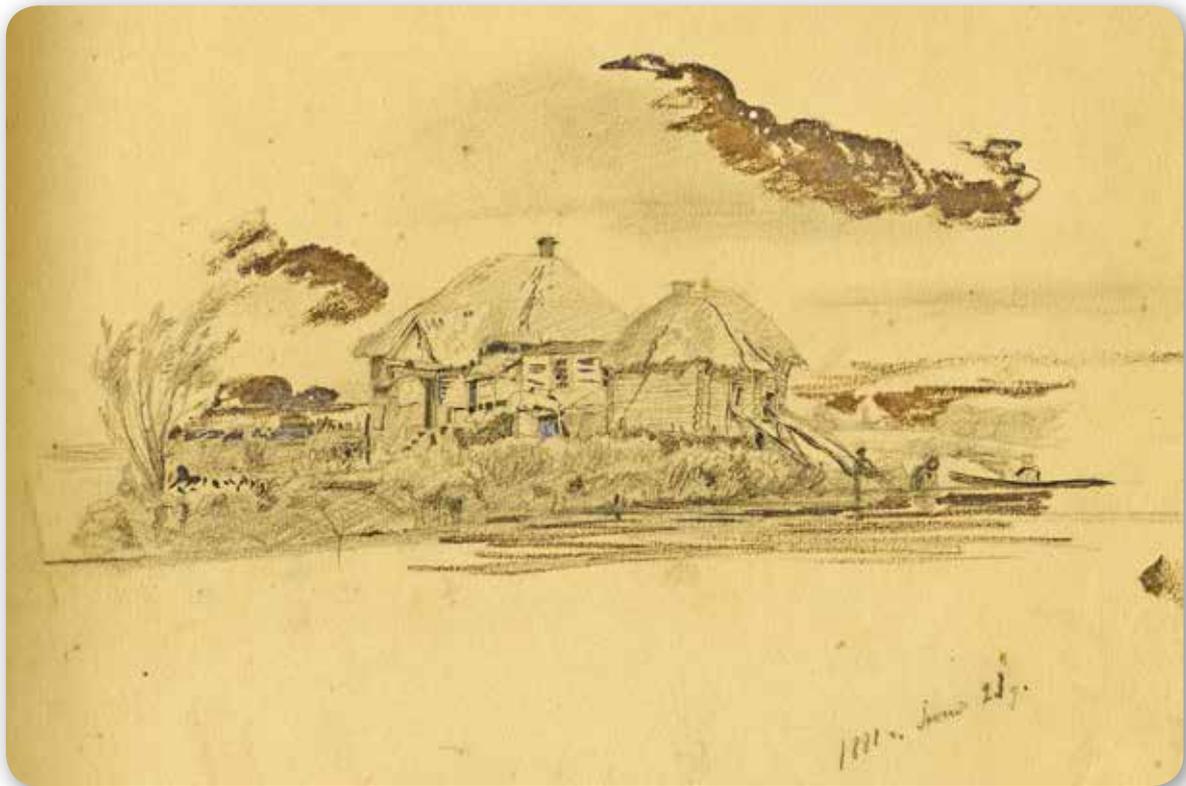
МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

А.П. РЯБУШКИН. КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА.
ФРАГМЕНТ. ХОЛСТ, МАСЛО. 1875 ГОД.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

АЛЬБОМ

*А.П. Рябушкин. Борисоглебск.
Рисунок. Июнь 1881 года.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки*

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова,
А.А. Белай, С.Ю. Жигитёв,
В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик

Е.С. Сухорукова

Редактор-корректор

О.В. Соловьева

Учредитель: ОАО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2016

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 14.07.2016.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8.

Тираж 43 000 экз.

Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп., д. 80/42

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

ЗАБЫТОЕ ИМЯ 2 Сергей Анатольевич Иванов
У истока двух творческих судеб
О русской оперной певице и педагоге
Маргарите Тихоновне Фитингоф (1899–?)

К 250-ЛЕТИЮ 16 Илья Александрович Шляпкин
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Первый русский историк
Н.М. КАРАМЗИНА Н.М. Карамзин (1766–1826)
Очерк жизни и творчества
(окончание)

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 32 Ирина Владимировна Грачева
Из пастухов в меценаты
О селе Любичи (ныне Луховицкого района
Московской области) и его уроженце —
известном купце и благотворителе
Петре Даниловиче Ларине (1735–1778)

СЛУЧАИ И КУРЬЕЗЫ 40 Кирилл Валерьевич Жижкевич
РУССКОЙ СТАРИНЫ Ловушка для простака
История, рассказанная
дореволюционной газетой

ПОЧТА 47 Алевтина Сергеевна Волкова
«Патриотическое» кошуново
Об одной «культурной акции»
московских транспортников

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ 48 Анна Сергеевна Жукова
Пыжевские прихожане
О старосте московской
Никольской церкви в Пыжах
купце Иване Егоровиче Гаврилове
(1838–1903) и семье Чеховых

ИССЛЕДОВАТЬ, 58 Ксения Всеволодовна Авилова
ВОССТАНОВИТЬ, Растительный
СБЕРЕЧЬ и животный мир Москвы
Как исторически складывался
и что ныне собой представляет
природный комплекс российской столицы

ХОЧУ ВАМ 80 Даниил Юрьевич Давыдов
РАССКАЗАТЬ... Сплыв по подземной реке
О диггерском путешествии
по реке Ханиловке

АЛЬБОМ 87 Галина Владимировна Аксенова
«Здесь родная стихия художника...»
Борисоглебская земля в рисунках
Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904)

Сергей Анатольевич Иванов

У истока двух творческих судеб

О русской оперной певице и педагоге
Маргарите Тихоновне Фитингоф (1899—?)

Для начала — две истории.

История первая

Выдающийся тенор, солист Государственного академического театра оперы и балета имени Т.Г. Шевченко (1965—1995), народный артист СССР (1975), лауреат Ленинской премии (1980) и Государственной премии имени Т.Г. Шевченко (1997), командор ордена «За заслуги перед Итальянской Республикой» (1998) — высшей государственной награды Италии — Анатолий Борисович Соловьяненко (1932—1999) происходил из потомственной шахтерской семьи. В доме любили музыку, вечерами слушали пластинки, пели. В молодые годы мать и отец нередко выступали в концертах шахтерской самодеятельности, в любительских спектаклях. Анатолий пел в школьном хоре, позже, поступив в Донецкий политехнический институт, — в студенческой самодеятельности. Как пишет А.К. Терещенко в книге, посвященной жизни и творчеству Соловьяненко¹, по окончании третьего курса Анатолий поехал в гости к своему школьному другу в Ленинград, и там между ними произошел следующий разговор: «Ну, а сейчас ты поешь?» — «Пою». — «И получается?» — «А не знаю, пою — и все». — «У меня тут товарищ есть, так он бегаёт к певице одной заниматься. Говорит, многому научился. Может, и ты зайдешь к ней?

Маргарита Тихоновна Фитингоф.

Фотография конца 1940-х годов.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 9

Пусть послушает, скажет, что делать”. — “Да неловко как-то...” — “Брось стесняться, не маленький”».

На другой день Анатолий не без робости предстал перед Маргаритой Тихоновной

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

*Анатолий Борисович Соловьяненко.
Конец 1990-х годов*

Фитингоф, в прошлом — солисткой Ленинградской оперы, которая, прослушав его, сказала: «Да, у вас отличные данные, молодой человек. Можете стать настоящим певцом. Но вот школы, извините, нет. Учиться надо. И немедленно. Вот вам мой совет: идите в консерваторию, там сейчас должно проходить отборочное прослушивание». Соловьяненко записали в длинную очередь желающих прослушаться, однако при этом выяснилось: репертуар абитуриента явно не отвечал требованиям приемной комиссии. «Не расстраивайтесь, впереди почти неделя, что-нибудь выучим», — успокоила Маргарита Тихоновна.

Экзамен прошел вроде бы неплохо: Анатолий спел, ни разу не сбившись, новую для себя песню Левко из оперы «Майская ночь» Н.А. Римского-Корсакова, но на следующий день в списках допущенных к экзаменам своей фамилии не обнаружил. А.К. Терещенко пишет: «Огорчился: видно, его полная музыкальная безграмотность помешала положительному решению комиссии. Перед отъездом зашел проститься с доброй Маргаритой Тихоновной.

— Полноте, друг мой, не огорчайтесь. Это только начало ваших испытаний, — утешала она расстроенного Анатолия. —

А то переезжайте учиться в Ленинградский политехнический, а я буду заниматься с вами вокалом. — Анатолий отрицательно покачал головой. — А не можете, — продолжила Маргарита Тихоновна, — тогда вот что я вспомнила: в Донецке в оперном театре поет мой старый товарищ, коллега еще по ленинградской сцене, Александр Коробейченко². <...> Я напишу вам рекомендательное письмо к Коробейченко. Зайдите к нему, не знаю, преподает ли сейчас Александр Николаевич, но может быть, вы ему понравитесь и он согласится с вами заниматься. <...> И передайте Александру Николаевичу от меня поклон и наилучшие пожелания».

Как далее рассказывает автор книги, Александр Николаевич встретил Анатолия весьма сдержанно: «“Хотите петь? Всего-то...” — в голосе скользнули нотки иронии. “У меня к вам письмо от Маргариты Тихоновны из Ленинграда”. — “Так давайте его сюда. Небось, недавно виделись? Как она там живет?” Выслушав рассказ Анатолия, Коробейченко долго и обстоятельно читал письмо <...> и вдруг совершенно неожиданно предложил: “Давайте послушаем, как поют большие мастера, а тогда поговорим о том, стоит ли этим вообще заниматься”.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Прослушав несколько оперных арий в исполнении Собинова, Джильи, Пертиле, Смирнова, Коробейченко спрятал пластинки и вновь обратился к Анатолию: “Ну, а теперь ваш черед, молодой человек. Что будете петь?”

Соловьяненко исполнил песню Левко, разученную в Ленинграде с Маргаритой Тихоновной, охваченный единственным желанием: поскорее уйти. “Как вас зовут, молодой человек?” — “Анатолий”. — “Так вот, Анатолий, голос у вас, бесспорно, есть. Если хотите учиться петь, то должны стремиться стать большим артистом. Для этого необходимы годы и годы учебы. Или петь, как они, — кивнул на полку с пластинками, — или оставайтесь хорошим инженером, вы, кажется, учитесь в политехническом? Это, поверьте, лучше, чем плохой артист. Ко мне нередко обращаются с просьбой прослушаться. Бывали случаи, когда природная красота голоса рождала надежды, но затем оказывалось, что этого мало, что не хватает необходимого ума или сценического обаяния, широты музыкального понимания; наконец, элементарного — умения трудиться до седьмого пота. Без всего этого большого артиста не может быть. Вообще-то всем молодым людям, стремящимся петь в опере, я говорю: одумайтесь, ведь это очень трудная профессия. Даже если у вас есть приличный голос и солидное образование, вы должны еще освоить огромный репертуар. Необходимы годы напряженной работы, исключительная память, владение иностранными языками. А сценическое мастерство? Умение двигаться по сцене, фехтовать, падать, жестикулировать, общаться с партнерами и т. д. Сколько придется заниматься? Много: каждый день на протяжении пяти-шести лет. Подумайте, хорошо подумайте — и тогда решайте”».

Эта встреча состоялась в 1952 году. Анатолий Соловьяненко принял решение и взял у Коробейченко в общей сложности около тысячи уроков по вокальному и сценическому мастерству (параллельно в 1954 году окончил с красным дипломом институт и начал преподавать там на кафедре инженерной графики). Десять лет упорных совместных занятий явились прологом к сенсации, которую А.Б. Соловьяненко произвел в 1962 году на смотре народных талантов в Киеве. Выдающиеся украинские певцы, входившие в состав компетентного жюри,

с изумлением слушали выступление молодого горного инженера. Он уверенно и профессионально исполнил произведения, относящиеся к мировому теноровому репертуару, — арию Радамеса из «Аиды» Д. Верди и ариозо Канио из «Паяцев» Р. Леонкавалло, покорив присутствующих манерой исполнения и бесподобной легкостью верхних нот. В том же году Анатолий Соловьяненко поступил стажером в Государственный академический театр оперы и балета имени Т.Г. Шевченко, через год победил в конкурсе юных вокалистов на право стажироваться в миланском театре «Ла Скала», а по возвращении из Италии стал солистом Киевской оперы, где проработал 30 лет (1965–1995)³.

В архиве А.Н. Коробейченко есть такая запись: «Я многих научил петь, надеюсь, мои советы помогут им в благородном деле. Но об одном своем ученике хочу сказать особо — это Анатолий Соловьяненко. Я с ним занимался длительное время и чрезвычайно настойчиво, все, что умел и знал, я передал ему. Счастлив оттого, что моя неистовость, любовь, трудолюбие, преданность пению передались ему и остаются в искусстве»⁴.

А началось все с Маргариты Тихоновны Фитингоф...

История вторая

Певица с мировым именем Ирина Петровна Богачева, народная артистка СССР (1976), лауреат Государственных премий РСФСР (1973) и СССР (1984), солистка оперы Санкт-Петербургского Мариинского театра (меццо-сопрано), профессор Санкт-Петербургской консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова, родилась в 1939 году в семье профессора Ленинградского политехнического института. Вместе с родными Ирина Богачева перенесла все тяготы блокады. Школьницей впервые попала в Мариинский театр (тогда Кировский театр оперы и балета). Ей, обладавшей прекрасными вокальными задатками, очень хотелось петь. Но в 1947 году умер отец, в 1955-м — мать. На руках у Ирины остались две младшие сестры, которых надо было содержать. Ирина поступила в профессионально-техническое училище, по окончании которого начала работать швеей в ателье. Вечерами пела в хоре Дома культуры трудовых резервов (ныне — Дворец учащейся молодежи Санкт-Петербурга), там же посещала

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

*Ирина Петровна Богачева.
Начало 2010-х годов*

Зал Мариинского театра сегодня

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

кружки сольного пения и художественного слова.

...В марте 2014 года Ирина Петровна Богачева отмечала свой юбилей и 50-летие творческой деятельности на сцене Мариинского театра. На встрече со школьниками, учениками колледжей и студентами во Дворце учащейся молодежи она рассказала: «Я занималась здесь <...> художественным словом и в вокальной студии. Была безумно счастлива, что моим педагогом была Маргарита Тихоновна Фитингоф — бывшая солистка Мариинского театра, а хор возглавлял Александр Григорьевич Мурин⁵, главный хормейстер Мариинки. Я “варилась” в этом дворце в музыке. Меня приглашали в театральные институты. Но, учась в десятом классе, я впервые пришла в Мариинский театр, на “Пиковую даму”. Партию Графини пела Софья Петровна Преображенская — величайшая певица, феноменальный голос. И когда я послушала этот спектакль, то решила: только в Мариинский театр! Я обязательно буду здесь петь!»⁶

В 1960 году именно М.Т. Фитингоф привела Ирину в Ленинградскую консерваторию имени Н.А. Римского-Корсакова. Ирина стала ученицей И.П. Тимоновой-Левандо⁷. «Я очень благодарна судьбе, что попала в класс к Ираиде Павловне. Вдумчивый и умный педагог, отзывчивый человек, она заменила мне мать»⁸. В 1968-м Ирина Богачева отправилась на стажировку в Италию к знаменитому Дженаарро Барра (у него же в свое время стажировался и А.Б. Соловьяненко). Первой среди советских стажеров она получила предложение выступить на сцене «Ла Скала» и спела Ульрику в «Балле-маскараде» Д. Верди, заслужив восторженное одобрение публики и критики.

В 2010 году Ирина Петровна Богачева в память о своих первых учителях и с намерением продолжить их дело открыла во Дворце учащейся молодежи бесплатную Школу вокального искусства. В сообщении на интернет-сайте радио «Орфей» об открытии Школы читаем: «История Дворца связана с именами профессионалов в области искусства и культуры. В 1950–1960-е годы там преподавали работники Кировского (ныне Мариинского) театра — певица М.Т. Фитингоф и главный хормейстер А.Г. Мурин»⁹.

Как видим, у истоков и этой творческой судьбы стояла Маргарита Тихоновна Фитингоф...

* * *

Что же мы сегодня знаем о Маргарите Тихоновне? Приходится констатировать: только то, что сообщено в историях, рассказанных выше. Статей, посвященных ей, не существует, а «всемогущий» интернет откликается на запрос «М.Т. Фитингоф» одной-двумя скудными строками. Порой даже там, где это имя, казалось бы, просто обязано присутствовать, вы его не найдете. Так, в цитированной выше статье М. Кантора¹⁰ читаем: «После одного из студенческих концертов <...> юноша (А.Б. Соловьяненко. — *С. И.*) получил приглашение учиться профессиональному пению у ведущего солиста Донецкого театра оперы и балета заслуженного артиста РСФСР Александра Николаевича Коробейченко». О Фитингоф — ни слова.

Данная ситуация представляется глубоко несправедливой по отношению к памяти Маргариты Тихоновны Фитингоф — замечательной певицы и педагога. Желая по мере сил исправить положение, я обратился к архивам и теперь предлагаю вниманию читателей результаты моих разысканий.

* * *

Личное дело Маргариты Фитингоф, студентки Петроградской консерватории, содержит копию свидетельства¹¹, которая была выдана Таврической духовной консисторией:

«<...> В метрической книге, хранящейся в архиве Консистории Троицко-Соборной церкви города Керчи за 1899-й г., в I части под № 287 значится след. акт:

“Тыс. восемьсот девяносто девятого года мая 24 дня родилась, а июля 8-го того же года крещена Маргарита; родители: горный инженер Тихон Александрович Оболдуев и законная жена его Маргарита Николаевна, оба православные; восприемники: инженер-технолог Мих. Ильич Завалишин и девица, дочь коллежского секр. Валентина Николаевна Лукьяненко; таинство крещения совершал протоиерей Дмитрий Говоров с псаломщиком Андреем Зеленкевичем”.

г. Симферополь, 1902 г. <...>».

Итак, Маргарита Тихоновна Фитингоф (в девичестве Оболдуева) появилась на свет в Керчи. Ее отец Т.А. Оболдуев родился в 1875 году в городе Старобельске Харьковской губернии¹². К 1917 году он

*Оболдуевы и Каменские. Фотография 1913–1914 годов.
Личный архив Ф.М. Каменского (Санкт-Петербург)*

дослужился до статского советника, занимал должность директора медно-трубопрокатного завода Франко-Русского общества¹³, а также преподавал в Санкт-Петербургском горном институте. После революции Тихон Александрович, профессор кафедры конструирования горных машин и технологии металлов уже Ленинградского горного института, стал одним из основателей отечественной школы цветной металлургии и автором проектов первых отечественных металлургических заводов-гигантов. Мать Маргариты Тихоновны — Маргарита Николаевна Оболдуева (урожденная Лукьяненко) родилась в 1879 году в Тамбове в дворянской семье и была драматической актрисой; «долгие годы работала на периферии», как сообщает Маргарита Тихоновна в одной из анкет. Упомянутый в документе инженер-технолог М.И. Завалишин мог быть коллегой Т.А. Оболдуева по работе, названная там же В.Н. Лукьяненко, судя по отчеству и фамилии, являлась сестрой Маргариты Николаевны.

В 1909 году М.Т. Оболдуева поступила в женскую гимназию А.Ф. Мушниковой¹⁴, 8 классов которой окончила в 1917-м с золотой медалью. Все «предметы по курсу

гимназии» (Закон Божий, русский язык и словесность, математика, география всеобщая и русская, естествознание, история всеобщая и русская, физика, космография), как свидетельствует аттестат¹⁵, сдала на отлично. Оценки по «необязательным предметам гимназического курса: педагогика (5), химия (4), французский язык (4), рисование (4) и пение». Так уж получилось, что единственным предметом, по которому нам неизвестна успеваемость будущей солистки Мариинского оперного театра, является пение...

В анкете за 1925 год в графе «Занятия родителей до 1917 г. и от 1917 г. до 1925 г.» Маргарита Тихоновна пишет: «Отец все время в Ленинграде до 1917 г., преподаватель, потом профессор Горного института. Мать все время в Тамбове, драматическая артистка, с 1921 г. заведует драматической студией при Пролеткульте»¹⁶. К моменту поступления Маргариты в гимназию (1909) ее родители уже развелись. Отец женился на Софье Михайловне Огранович — дочери врача Михаила Петровича Ограновича¹⁷, одного из пионеров санаторного дела в России, организатора первого климатолечебного санатория в Крыму близ Ялты. В 1917 году у Маргариты Тихоновны было

*Софья Михайловна Оболдуева-Огранович
с сыном Юрием.*

*Фотография 1916 года. Петроград.
Личный архив А.С. Ограновича (Львов)*

уже двое сводных братьев — Александр и Юрий Оболдуевы¹⁸; оба пошли по стопам отца — стали инженерами¹⁹.

Первая семья доктора М.П. Ограновича также распалась²⁰. И у него, и у его прежней жены Алевтины Яковлевны появились новые семьи, которые, впрочем, дружили между собой и чем могли помогали друг другу. Алевтина Яковлевна, пианистка по образованию, одаренная художница-любитель, вышла замуж за выпускника Императорской академии художеств, самоубитного живописца-акварелиста, тонкого знатока искусств и блестящего педагога, Федора Михайловича Каменского (1850—1922) — преподавателя Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица в Петербурге²¹. Талантливый организатор, он в 1902 году основал Художественно-промышленную школу в Екатеринбурге²². Сохранилась групповая фотография Оболдуевых и Каменских, сделанная, по-видимому, в 1912 году. Маргарите Тихоновне было тогда 13 лет; на снимке она четвертая слева.

В 1920 году Софья Михайловна умирает. Тихон Александрович вскоре женится на дочери М.Ф. Каменского Наталье. У них рождаются сыновья, а у Маргариты Тихо-

новны, соответственно, появляются новые сводные братья — Георгий и Андрей Оболдуевы. О них в анкете от 26 февраля 1949 года Маргарита Тихоновна сообщает: «Братья: Оболдуев Георгий, член ВКП(б), инженер в Политехническом ин-те²³, Оболдуев Андрей, член ВКП(б), ст. лейтенант, работает в ВИТУ²⁴ в Ленинграде»²⁵.

Маргарита Оболдуева обучалась пению во Втором музыкальном техникуме Петроградского губернского отдела народного образования²⁶, в 1921 году окончила «годовой» Институт ритма и пластики²⁷. «С момента окончания гимназии до 1921 г. служила, потом училась в консерватории», — пишет она в анкете²⁸. «Служила» машинисткой в канцелярии петроградской общественной столовой (1918—1919), делопроизводителем в организации «Центромедь» (1919—1921), певицей в клубной секции Наркомпроса (1921—1922), секретарем в дирекции завода «Красный гвоздильщик» (1921—1924), машинисткой в Русском металлургическом обществе (1924—1929). «В бытность свою в Институте ритма работала в 1920—1921 гг. в качестве председателя клубной комиссии, в 1919—1920 гг. спела около 100 различных концертов и участвовала в операх по всевозможным рабочим и красноармейским клубам, лазаретам, домам отдыха и проч. Состояла членом СОРАБИСа^{29,30}.

Копия метрического свидетельства и аттестат об окончании гимназии, к которым мы обращались выше, приложены к заявлению от 17 января 1921 года на имя директора Петроградской государственной консерватории А.К. Глазунова с просьбой о «зачислении в число учащихся <...> по классу пения (проф. Большка)». Подпись: «М. Оболдуева (Оленина)». «Оленина» — карандашом. Сценический псевдоним?

Большка — сценический псевдоним Аделаиды Юлиановны Большкой (1863—1930), известной в свое время оперной певицы (лирическое сопрано) и вокального педагога. В 1920—1922 годах она была профессором вокального класса в Петроградской консерватории. По-видимому, Большкая заметила Маргариту, когда та еще училась в музыкальном техникуме или гастролировала по линии Наркомпроса, и предложила ей поступить в консерваторию в свой класс. Отсюда и конкретное пожелание — в «класс пения (проф. Большка)». В 1923 году Большка уехала в Варшаву,

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

и Маргарита стала заниматься в классе профессора Гуальтьера Антоновича Босса — оперного певца (баса), солиста Мариинского театра, режиссера и вокального педагога, заслуженного артиста РСФСР.

В опросном листе консерватории по вокальному отделению за 1925 год³¹ и «декларациях для определения платности или бесплатности обучения»³², заполненных Маргаритой Тихоновной, находим такие сообщения: «Временно безработная»; «Иногда случайный заработок»; «Выступает ли в театрах, кинематографах, кафе? — Нет»; «До этого года (1925. — *С. И.*) вносила плату за обучение, сейчас не имею возможности»; «Поддержки ни от кого не имею»; «Муж — безработный преподаватель на моем иждивении»; «С 1922 г. материально от отца не завишу, жила и живу совершенно отдельно и самостоятельно»; «Пособий никаких не получаю» и тому подобные. По счастью, декларации на 1924–1925, 1925–1926, 1926–1927, 1927–1928 годы³³ были рассмотрены администрацией с вынесением положительного решения, и Маргарита Тихоновна смогла заниматься в консерватории большей частью бесплатно.

В 1922 году она вышла замуж за Георгия Владимировича Фитингофа, о котором

в опросном листе за 1925 год сообщает: «До рев. учился, во время рев. — конторщик гвозд. завода. Теперь — преподаватель с/х техникума в дер. Беседа Кингисеппского уезда»³⁴.

Где же он «учился»? Я нашел его имя в списке выпускников Императорского Александровского лицея в разделе «Курс LIX. Год выпуска 1903»: «Фитингоф Георгий Владимирович (X кл.); коллежский асессор, земский начальник Невельского уезда, участвовал в Русско-Японской войне»³⁵. В 1926 году Георгий Владимирович — преподаватель Немецкого педагогического техникума³⁶. 1927 годом датирована выданная ему справка из отдела земледелия Государственного института опытной агрономии, подтверждающая, что «Фитингоф Г.В. <...> состоит научным сотрудником отдела земледелия в должности ассистента». Заполняя декларацию на 1927–1928 годы, Маргарита Тихоновна уточняет: «Научный работник, ассистент профессора А.Т. Кирсанова»³⁷. В 1928 году Г.В. Фитингоф скоропостижно скончался.

В апреле 1929 года Маргарита Тихоновна оканчивает Ленинградскую консерваторию «производственной» практикой — учитель пения в 34-й Советской единой трудовой

*Государственный академический театр оперы и балета (ГАТОБ) имени С.М. Кирова.
1930-е годы*

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Кисловодск
Эссентуки

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИЛАРМОНИЯ на КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ

Пятигорск
Железноводск

ГАСТРОЛИ с 5 августа по 24 августа 1941 года

Ф И Л И А Л

Ленинградского Государственного ордена Ленина Академического театра Оперы и Балета им. С. М. Кирова

в СОСТАВЕ ТРУППЫ:

Н. Н. ПЕЧКОВСКИЙ
Народный арт. РСФСР—орденоносец

Засл. арт. УССР Засл. арт. РСФСР Засл. арт. РСФСР Засл. арт. РСФСР	А. Ф. МАНЬКОВСКАЯ П. П. БОЛОТИН В. М. ЛУКАНИН А. Н. УЛЬЯНОВ	Засл. арт. РСФСР Орденкиосец Засл. арт. РСФСР Гражданин-осец	Н. Д. БОЛОТИНА Ф. М. РОЗЕН А. Н. КОРОБЕЙЧЕНКО И. П. ЯШУГИН

Засл. арт. РСФСР
А. М. КАБАНОВ

АРТИСТКИ: Н. И. АНТОНОВА, А. В. БРЕГМАН, И. Ш. РАСКУЛЬЕВА, В. Я. ВОЛОДУХИНА, С. М. ИВНИЦКАЯ, Е. В. НАРАВАШНОВА, А. А. РАЗОВСКАЯ, Е. Ф. ОБИРСКАЯ, Т. Е. СМЕРНОВА, Ф. В. ТАРНОВСКАЯ, Э. Ф. ТИТОВА, М. Т. ФИТИНГФ

АРТИСТЫ: И. И. БЕЛУГИН, З. М. ВОДЗНИНСКИЙ, И. Г. ГРИШАКОВ, Ф. В. ИВАНОВСКИЙ, А. С. ЛЫЖИКИ, А. А. ШАРИН, А. С. МАТУСКИЧ, И. В. ШЕЛЕНТЬЕВ, С. М. РАХМАНИН, Д. М. СОЛЕЖАН, В. И. СОБОРИНСКИЙ, А. Т. ФОМИН, И. И. ШАШКОВ

СОЛИСТЫ БАЛЕТА: В. И. ВАХРУШЕВА, С. Е. ПАДВЕ, В. П. ПЕТРЕВА, Т. Е. БАБАКОВ, М. С. ГЕОРГКЕССКИЙ, А. С. ШЕЛЕПОВ

ДИРИЖЕР—Засл. арт. РСФСР **С. В. ЕЛЬЦИН**

ХОРМЕЙСТЕР—С. И. ГЛАУДАН; РЕЖИССЕРЫ: И. Я. АНОТНИН, А. В. ШРЕТТЕР; КОНЦЕРТМЕЙСТЕРЫ: В. Ш. БЕРНДИТ, Я. П. КАЛУЖСКАЯ, С. И. ПЕТАВОВА; РУКОВОДИТЕЛЬ И РЕПЕТИТОР БАЛЕТНОЙ ГРУППЫ М. Ф. НИРХГЕЙМ; ЗАВЕДУЮЩИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОСТАНОВОЧНОЙ ЧАСТЮ А. А. ЛЮБИМОВ

Зав. Машинно-декорационным цехом Е. С. Шероков, Зав. Бутафорским цехом А. Г. Позднышев, Зав. Осветительным цехом Р. П. Кошаров, Зав. Костюмерным цехом М. А. Гаганов, М. П. Абрамов, Зав. Гриммерным цехом С. А. Кузьмина, А. И. Савалова

В РЕПЕРТУАРЕ:

ДЕМОН Музыка А. РУБИНШТЕЙНА	КАРМЕН Музыка Ж. БИЗЕ	ТРАВИАТА Музыка Дж. ВЕРДИ	ВЕРТЕР Музыка МАССНЕ
ДУБРОВСКИЙ Музыка Э. Ф. НАПРАВНИКА	ФАУСТ Музыка Ш. ГУНО	ЛАКМЕ Музыка Л. ДЕЛИБА	ПАЯЦЫ и КОНЦЕРТ Музыка ЛЕОНОВАЛЛО

Художественный руководитель Народный артист РСФСР **Н. Н. ПЕЧКОВСКИЙ**

Главный дирижер Засл. арт. РСФСР **С. В. ЕЛЬЦИН**

Афиша-листочка гастролей филиала Ленинградского академического театра оперы и балета имени С.М. Кирова. 1941 год. ЦГАЛИ СПб

Театр оперы и балета в Молотове (Пермь)

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

школе³⁸. В том же году по «открытой пробе» ее принимают в молодежную труппу, а затем 15 августа — в штат Государственного академического театра оперы и балета (ГАТОБ)³⁹. В 1930-м она выходит замуж за солиста ГАТОБ Аркадия Сергеевича Лыжина. В декабре 1933 года у них родилась дочь Лиза, а в 1934-м они разошлись.

С 1934 года службу в театре Маргарита Тихоновна начала совмещать с педагогической деятельностью — преподаванием сольного пения в Доме пионеров Фрунзенского района в Ленинграде. В сезоне 1939—1940 годов под руководством народного артиста РСФСР Н.К. Печковского открылся Филиал Ленинградского государственного театра оперы и балета имени С.М. Кирова. Фактически был создан новый театр с прекрасным самобытным репертуаром. За год с небольшим Печковский поставил здесь оперы «Дубровский» и «Фауст», возобновил «Пиковую даму», «Кармен» и «Паяцев», перенес сюда с основной сцены «Лакме» Л. Делиба и «Русалку». В короткое время Филиал завоевал высокий художественный авторитет. На одной из его последних афиш (август 1941-го, уже началась война) находим знакомые имена: А.Н. Коробейченко, М.Т. Фитингоф, А.С. Лыжин. В архиве хранятся фотографии сцен из оперного спектакля «Демон» (заявленного в упомянутой выше афише) с участием А.Н. Ульянова (Демон), Е.В. Каравашковой (Тамара), М.Т. Фитингоф (няня)⁴⁰.

В августе 1941 года вместе с труппой Театра оперы и балета имени С.М. Кирова Маргарита Фитингоф была эвакуирована в город Молотов (Пермь)⁴¹. По возвращении в Ленинград (1944) продолжала состоять в труппе Кировского театра, но все более склонялась к преподавательской работе. О причинах можно догадаться по следующим строкам автобиографии от 16 июля 1948 года⁴²: «За последнее время мое здоровье резко ухудшилось: сильный невроз сердца, переутомление и истощение организма. <...> На моем иждивении дочь Елизавета Лыжина (1933) и тетка Сарапик М.И. (1877)⁴³. <...> Я — единственный работник. Отец умер, а старший брат, помогавший мне⁴⁴, погиб под Сталинградом».

Из автобиографии от 27 февраля 1949 года⁴⁵: «С 1935 г. — педагогическая деятельность в Доме пионеров Фрунзенского района. Ряд моих учеников

*Опера М.И. Глинки «Руслан и Людмила».
М.Т. Фитингоф в роли Наины.
1947 год. Фотография Е. Лесова*

*Опера П.И. Чайковского «Пиковая дама».
М.Т. Фитингоф в роли гувернантки.
1930-е годы. Фотограф неизвестен*

*Опера Р. Вагнера «Гибель Богов».
Солисты: М.А. Зюзина, М.Т. Фитингоф, А.В. Висленева.
1930-е годы. Фотограф неизвестен*

закончили и заканчивают консерваторию и участвуют на периферии. Театром много раз я командировалась на смотры художественной самодеятельности и периодически имела учеников в студии при Драматическом театре им. Горького и Доме культуры трудовых резервов». Здесь же Маргарита Тихоновна подводит своеобразный итог своей сценической карьеры: в разные годы пела Ратмира (контральто) в «Руслане и Людмиле» М.И. Глинки, няню (меццо-сопрано) в «Евгении Онегине» П.И. Чайковского, Егоровну (меццо-сопрано) в «Дубровском» Э.Ф. Направника, 1-ю Норну (контральто) в «Гибели Богов» и Флосхильду (меццо-сопрано) в «Золоте Рейна» Р. Вагнера, Бабариху (контральто) в «Сказке о царе Салтане» Н.А. Римского-Корсакова, Марту (контральто) в «Фаусте» Ш. Гуно, княгиню (меццо-сопрано) в «Русалке» А.С. Даргомыжского, няню (альт) в «Демоне» А.Г. Рубинштейна и много других партий аналогичного плана.

Характеристика, датированная июлем 1948 года⁴⁶, сообщает о М.Т. Фитингоф

следующее: «После окончания консерватории была зачислена в труппу театра по конкурсу и исполняла различные партии второго и первого плана (контральто), всегда показывая образцы высокой дисциплины, трудолюбия и преданности делу. <...> На протяжении всех лет работы в театре принимала активное участие в общественной жизни⁴⁷. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»».

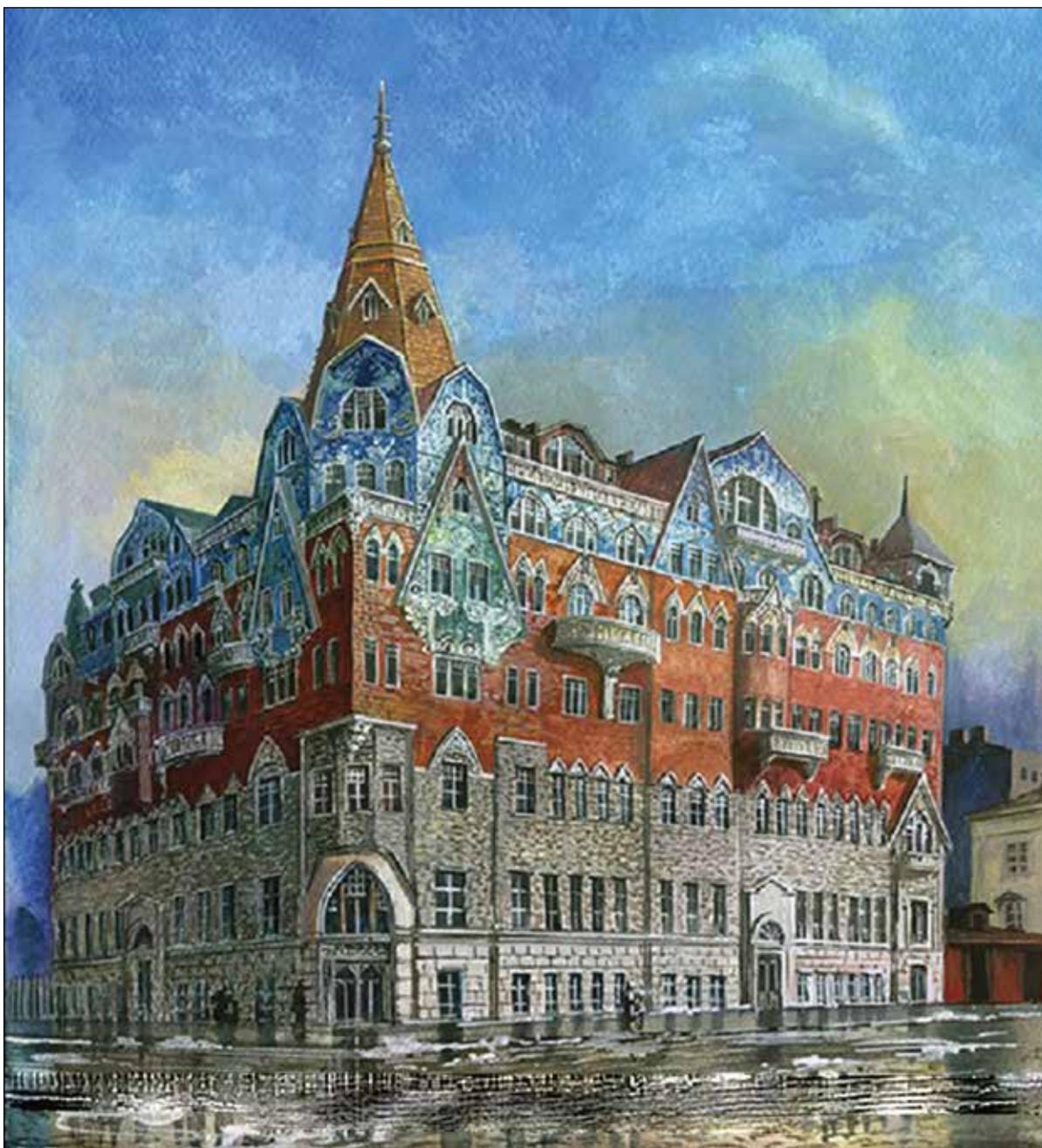
В анкетах и автобиографиях, подшитых в личных делах студентки консерватории М.Т. Оболдуевой и солистки оперы М.Т. Фитингоф, указан адрес ее проживания в Ленинграде — неизменно один и тот же: проспект Маклина (ныне — Английский проспект), дом 21/60. Построенный в 1909 году архитектором А.А. Бернардацци этот дом (бывший доходный дом П.И. Кольцова) из-за своего необычного облика и богатой отделки фасадов получил в народе название «Дом-сказка». Зимой 1942 года в «Доме-сказке» вспыхнул пожар. Под бомбежкой и обстрелом

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

*Дворовая часть «Дома-сказки»,
где жила М.Т. Фитингоф.
Фотография автора.
2016 год*

*С.Б. Фролаков.
«Дом-сказка»
(доходный дом П.И. Кольцова).
Бумага, темпера.
2009 год*

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

обессиленные от голода жильцы и пожарные боролись с огнем, протягивая шланги к проруби в речке Пряжке. Пожар длился несколько дней. Описывая те события, Г.И. Зуев в своей книге⁴⁸ упоминает отца Маргариты Тихоновны: «Во время пожара в огне погибли уникальная библиотека и коллекция редких минералов, которую долгие годы собирал профессор Горного института Т.А. Оболдуев». В результате пожара украшенный мозаикой фасад «Дома-сказки» рухнул, осталась обгорелая коробка. Удалось отстоять лишь дворовую часть жилого здания, сохранившуюся до наших дней⁴⁹. Именно здесь, в квартире на шестом этаже (четыре окна от угла и балкон над эркером), долгие годы проживала М.Т. Фитингоф. «К ней, первой своей наставнице в вокальном искусстве, приходила в этот дом будущая народная артистка СССР И.П. Богачева», — пишет Г.И. Зуев. Жила Маргарита Тихоновна с дочерью Лизой, впоследствии вышедшей замуж за театрального педагога и режиссера К.Н. Черноземова⁵⁰. В 1957 году у них родился сын Тихон, ставший театральным художником. Вероятно, свое имя он получил в память о деде Лизы — Тихоне Александровиче Оболдуеве. В 2002 году Елизавета Аркадьевна Лыжина (сохранившая в браке девичью

*Дочь М.Т. Фитингоф Лиза.
Фотография конца 1950-х годов*

фамилию) скончалась⁵¹, а через два года не стало и Черноземовых — сначала отца, потом сына. Установить дату кончины Маргариты Тихоновны мне не удалось. По мнению людей, знавших ее, она ушла из жизни где-то в середине 1960-х.

¹Терещенко А.К. Анатолий Соловьяненко. Творческий портрет. Киев, 1988.

²Коробейченко Александр Николаевич (1900–1971) — оперный певец; пел во многих театрах СССР, его репертуар насчитывал 87 партий, многие из которых впервые исполнил именно он. Заслуженный артист РСФСР, УССР.

³Любопытно заметить, что Киевскую консерваторию Анатолий Соловьяненко окончил в 1978 г., уже имея звание народного артиста СССР.

⁴Кантор Михаил. Соловьяненко Анатолий Борисович. Об учителе и ученике. Донецк: история, события, факты (<http://infodon.org.ua/pedia/453>).

⁵Мурин Александр Григорьевич (1917–1992) — хоровой дирижер, педагог, народный артист СССР (1976), лауреат Государственной премии СССР (1976).

⁶<http://ianews.ru/articles/4426/>

⁷Тимонова-Левандо Ираида Павловна (1914–2004) — профессор Санкт-Петербургской консерватории; стояла у истоков

формирования ленинградской классической вокальной школы.

⁸<http://www.biograph.ru>

⁹<http://muzcentrum.ru/>

¹⁰Кантор Михаил. Соловьяненко Анатолий Борисович...

¹¹ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 2343. Л. 2.

¹²В анкетах 1940-х гг. М.Т. Фитингоф сообщает, что ее отец Т.А. Оболдуев был «сыном крестьянина» (Там же. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 1). Вообще Оболдуевы — старинный дворянский род, известный с середины XVI в., и если Т.А. Оболдуев принадлежал к нему, то сообщение о крестьянском происхождении — уловка в целях безопасности, поскольку тогда дворяне вынуждены были скрывать свое положение. Возможно, конечно, и простое совпадение фамилий.

¹³Личный архив А.С. Ограновича (http://enc-dic.com/enc_biography).

¹⁴До 1883 г. — частная гимназия Е.М. Гедда, позднее — А.Ф. Мушниковой

(набережная Екатерининского / Грибоедова канала, 83).

¹⁵ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 2343. Л. 3.

¹⁶Декларация от 15 октября 1925 г. для определения платности или бесплатности обучения в Ленинградской консерватории. (Там же. Ф. 298. Оп. 2. Д. 2343. Л. 5.)

¹⁷О нем см.: *Иванов С.А.* Доктор М.П. Огранович (1848–1904). К истории становления санаторного дела в России // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. М., 2013.

¹⁸В автобиографии от 16 июля 1948 г. Маргарита Тихоновна упоминает своего, очевидно, родного брата, который нигде в документах больше не фигурирует: «Отец умер, а старший брат, помогавший мне, погиб под Сталинградом» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 7).

¹⁹Из архива А.С. Ограновича (см. прим. 13) известно, что в 1952 г. Юрий был доцентом Ленинградского горного института.

²⁰О нем см.: *Иванов С.А.* Художник Михаил Огранович (1878–1945). М., 2015. С. 30–36.

²¹Ныне — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица.

²²Ныне — Екатеринбургское художественное училище им. И.Д. Шадра.

²³Автор многочисленных работ по технологии металлов и цветной металлургии.

²⁴Военный инженерно-технический университет.

²⁵ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 9.

²⁶Был основан в 1918-м и просуществовал до 1930 г.

²⁷В мае 1920 г. при подотделе Единой трудовой школы Петроградского отдела народного образования был открыт Институт ритма.

²⁸Декларация... Л. 6.

²⁹Союз работников искусств.

³⁰Декларация...

³¹ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 2343. Л. 4.

³²Там же. Л. 5–6.

³³Там же. Л. 4–5, 8, 11.

³⁴Там же. Л. 4.

³⁵Памятная книжка лицеистов. Издание собрания курсовых представителей Императорского Александровского лицея. 1811 — 19 октября 1911. СПб., 1911. С. 43, 166. Г.В. Фитингоф происходил из древнего остзейского баронского рода.

³⁶После революции для подготовки преподавателей немецких школ в Москве был создан Практический институт народного образования, в 1923 г. преобразованный в немецкий педагогический техникум, а в 1925-м переведенный в Ленинград.

³⁷Кирсанов Александр Трофимович (1880–1941) — агрохимик, почвовед, растениевод, один из организаторов сельскохозяйственной науки в России.

³⁸ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 2343. Л. 10.

³⁹Там же. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 7. ГАТОБ в 1935 г. был переименован в Ленинградский государственный академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова.

⁴⁰Там же. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 72. Л. 12.

⁴¹В сентябре 1941 г. эвакуированные ленинградцы открыли сезон на сцене Молотовского областного театра оперы и балета.

⁴²ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 7.

⁴³Сарапик Мина Ивановна — тетка Г.В. Фитингофа.

⁴⁴По-видимому, родной брат Маргариты Тихоновны (см. прим. 18).

⁴⁵ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 12.

⁴⁶Там же. Ф. 337. Оп. 2. Д. 379. Л. 5.

⁴⁷Профгруппорг, секретарь цехкома, член методического кабинета, председатель культмассовой и детской комиссии. «Членом партии не была», — пишет М.Т. Фитингоф в анкете за 1949 г.

⁴⁸*Зув Г.И.* Петербургская Коломна. СПб., 2007.

⁴⁹В 1952–1953 гг. на старом фундаменте «Дома-сказки» возвели сталинский жилой дом.

⁵⁰Черноземов Кирилл Николаевич (1933–2004) — профессор по сценическому движению Ленинградской консерватории, заведующий кафедрой музыкальной комедии, постановщик фехтовальных и пластических эпизодов в художественных фильмах и спектаклях, заслуженный деятель искусств России (1994); дублировал И.М. Смоктуновского в фехтовальных сценах в фильме «Гамлет» Г.М. Козинцева (1964).

⁵¹Имя Е.А. Лыжиной получило известность после ее смерти, когда в печати появились письма к ней К.Г. Паустовского, а также воспоминания Елизаветы Аркадьевны о встречах с писателем, опубликованные Т.К. Черноземовым в газете «Первое сентября» (2002. № 62).

Илья Александрович Шляпкин

Первый русский историк Н.М. Карамзин (1766–1826)

Очерк жизни и творчества*

А.Г. Венецианов. Портрет Н.М. Карамзина. Холст, масло. 1828 год

*Окончание. Начало в № 6–7 за 2016 год

Ж.-А. Беннер. Портрет Екатерины Андреевны Карамзиной. Акварель. 1817 год

Думается, что теперь, когда мы можем читать полный текст «Записки о древней и новой России» Карамзина, когда обнаружена масса биографического материала, когда, наконец, мы отошли на достаточную историческую перспективу, нам незачем доказывать значение и «Истории» Карамзина для своего времени, и чистоту его побуждений, и искренность его общих воззрений. Но чтобы оценить Карамзина как ученого, надо взглянуть, что было сделано по русской истории до Карамзина. Прежде всего, в настоящее время приходится подчеркнуть, что наши летописи, особенно со времен возвышения Москвы, не являются простым пересказом событий минувшего. Уже в первый период, помимо религиозной, а иногда и церковно-монашеской точки зрения, можно отметить симпатии и антипатии русских летописцев, их областные точки зрения, умалчивания о некоторых событиях, а иногда и освещение с предвзятой точки зрения. Бесстрастие рассказа вообще трудновыполнимая вещь, и известно, что и вполне добросовестные свидетельские показания очевидцев нуждаются в перекрестной проверке. Новые исследователи указывают на известную

предвзятость при составлении не только отдельных сказаний, но и целых летописных послемонгольских сводов, составлявшихся при дворе духовных владык наших, особенно же при дворе митрополитов Московских. Крайнее выражение этого направления можно видеть в «Степенной книге»⁷³, представляющей апофеоз династий Рюриковичей, написанной во времена Грозного. Провиденциальная⁷⁴ точка зрения вытекала из условий тогдашнего религиозного сознания, когда и на самый пересказ о былом смотрели как на средство поучения грядущим поколениям. Эта точка зрения была общей для историков всего цивилизованного мира в Средние века.

Наряду с этим выдвигалась и областная точка зрения, обуславливаемая сначала местным, а потом и более широким патриотизмом. <...> Эта точка зрения у нас в России удержалась у Татищева⁷⁵ и особенно у Ломоносова. Историю В.Н. Татищева характеризуют как сводную летопись (до смерти) Федора Иоанновича, объясненную примечаниями по сближению с обычаями XVIII века. Критического отношения к источникам у Татищева не было; его история является как бы «новым летописным татищевским сводом» с поправками, дополнениями и догадками, очень часто произвольными: поправки собственных имен, перевод, например, их на современный язык [так:] вместо «агаряне» — «сарацины», приблизительное обозначение времени рождения князей и прочее. Он, как и Ломоносов, ценит в истории то, что «дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум». Ломоносов добавляет, что «история соблюдает похвальных дел достойную славу». Далее идет история князя М.М. Щербатова⁷⁶ и сочинения его противника И.Н. Болтина⁷⁷. Сочинение князя Щербатова «История России» (5 т., СПб., 1770–1792) доведено до времен Михаила Феодоровича. Высокообразованный автор пользовался рукописными актами и летописями, владел сам громадной библиотекой (в 50 тысяч томов), но труд его, особенно хаотический в начале, теряет многое и в достоверном периоде русской истории благодаря необыкновенно тяжелому слогу. Щербатов работал много, вдумывался в факты, но не умел хорошо организовать имевшиеся у него знания, увлекался мелочами, и хотя

его история благодаря использованным актам уже не простой свод, как у Татищева, но она не продумана и не имеет никакой общей системы.

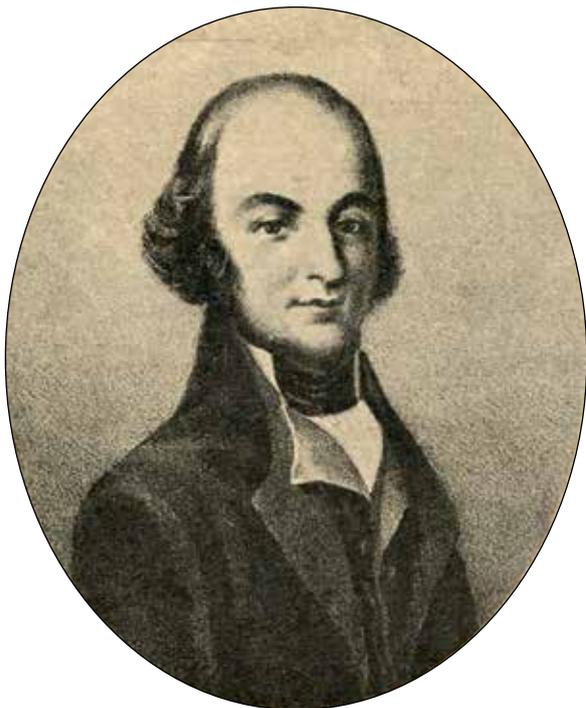
По Щербатову написал свою компилятивную русскую историю француз Левек (см. прим. 22. — *Публ.*), а разбавив ее русскими историческими изданиями за время 1769–1774 годов, написал на французском же языке свою историю Леклерк⁷⁸ — некоторое время профессор нашего шляхетского корпуса и врач гетмана К. Разумовского, впрочем, очень плохо знавший русский язык. Это высокомерное сочинение, напечатанное в Париже в 1774 году, вызвало Болтина на обширные примечания на историю Леклерка. Здесь он указал промахи и Щербатова по исторической географии и этнографии, непонимание языка летописей, но цельного труда по русской истории Болтин не дал. Более строгие в научном отношении в смысле приемов работы в свое время были даны академиками Байером (1694–1738), Миллером (1705–1783) и Шлецером (1735–1809). Байер не знал по-русски, основывался преимущественно на византийских историках и писал по частным вопросам о скифах и варягах. Миллеру мы обязаны собранием богатейших материалов (портфели Миллера и до сих пор ценны), изданием историка Татищева, Судебника Иоанна, писем Петра и разработкой некоторых частных вопросов русской истории (о погроме Новгорода, о русском дворянстве и прочее). Любопытен взгляд Миллера на историка: «Обязанности историка трудно выполнить. Он должен казаться без отечества, без веры, без государя». И такого историка Миллер нашел в специально им вызванном в Россию в 1761 году Шлецере, известном ученом, но человеке самолюбивом и достаточно нахальном, рассорившемся впоследствии и с Миллером. Недаром же Ломоносов написал (1762) о нем: «Каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная к ним скотина». Известно, как в своей грамматике Шлецер доказывал, что слово боярин происходит от барана, дева — от нижнесаксонского Tiffe (сука) и т. д. Но надо сознаться, что Шлецер, уехав из России в 1767 году, не бросил русской истории и, живя в Геттингене, занялся восстановлением текста «первоначальной летописи» Нестора, которую и издал в 1802 году. <...> Основная точка зрения Шлецера специально немец-

кая: «Дикие, грубые, рассеянные славяне начали делаться общественными людьми только благодаря посредству германцев, которым назначено судьбой рассеять в северо-западном и северо-восточном мирах семена цивилизации». Кроме всех этих трудов, в распоряжении Карамзина были изданные (и довольно скверно) некоторые русские летописи (Радзивилловский список и Никоновская), Судебник, Уложение, Древняя российская вифлиофика (2-е изд. 20 т. 1788–1791) и ее продолжение (11 частей), изданные Н.И. Новиковым. <...>

Культ героических личностей у Плутарха, круговорот историй Вико, гуманность правовых воззрений Беккария, беспартийность и изящество Робертсона, религиозная терпимость и трезвость Гиббона, правила патриота Мабли о придании истории приятности, развитие идеи человечности Гердера, драматизм исторического рассказа и разъяснение «обычного» как наследия от предков у Юма, воззрения Монтескье как юридические, так и на значение в истории традиций и влияние местности и климата — все это должно было отразиться и отразилось в историческом труде Карамзина.

Карамзин воспользовался всем до него собранным материалом. В первом томе в первых главах он опирался на Шлецера и Стриттера⁷⁹, в последующих — на Щербатова и Болтина, но прибавил к ним громадный новый, свежий и проверенный материал и создал из него систематический, органически связанный одной идеей художественный труд. Он первый привлек, а частью и открыл ряд памятников: Галицкую и Троицкую летописи, Устав Владимира Святого, древнейший список «Русской правды», Кормчую XIII века, жития св. Владимира, Константина Муромского, грамоты галицких князей, Смоленска (1230), двинские, новгородскую судную, памятники дипломатических сношений, Судебник Иоанна III, послание в Кириллов монастырь Грозного, Стоглав, хронографы польских летописцев, <...> путешествия и записки Рубруквиса, Барбаро, Герберштейна, Контарини, Павла Иовия, Одерборна, Гейденштейна, Маржерета и прочих⁸⁰. Профессор Иконников⁸¹ говорит, что Карамзину было известно до 350 авторов.

Исторические взгляды Карамзина были подготовлены чтением вышеупомянутых историков и политических писателей. Сам

** Кюнель (?). Портрет Н.М. Карамзина.
Около 1791 года.
Принадлежал И.И. Дмитриеву*

Карамзин в предисловии определил свои приемы как историка: «Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в имеющихся хартиях; желал переданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; хотел представить и характер времени и характер летописцев, ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался необходимыми; тем менее выбирал... Множество сделанных мной примечаний и выписок устрашает меня самого... Жертва, приносимая достоверности... необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикой, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением... С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее». И действительно, чем дальше от времен уделов, тем изложение Карамзина делается самостоятельнее и оригинальнее.

Особенно он останавливается на истории возвышения Москвы. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами, холодным и жарким климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвой. Этот вопрос о великой колонизационной роли северо-восточной России, о ее внутреннем укладе, о времени и условиях, когда и как появились эти процессы, представляет и в настоящее время задачу, над которой трудились и трудятся новейшие русские историки, как, например, Ключевский и вся его школа. Карамзин не мог на него ответить за отсутствием соответствующей разработки отдельными исследованиями-монографиями.

Профессор Н.А. Фирсов⁸² (1866) отмечает у Карамзина правильное понимание деятельности Бориса Годунова в Сибири и деятельности монастырей и казаков. Вопреки Щербатову, Карамзин указал на важное значение Новгорода в колонизации крайнего северо-востока Европейской России. Преклонение пред крепостью центральной власти не помешало ему, вопреки своему предшественнику Болтину, нарисовать потрясающую картину внутреннего состояния русских под влиянием татарского ига. «Не только послы ордынские и баскаки, но и самые купцы, самые бродяги монгольские обходились с нами как с слугами презрительными. Что же долженствовало быть следствием? Нравственное унижение, забвение гордости народной, низкие хитрости рабства, привычки к обману, наглость... Отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство; сила казалась правом; кто мог грабить, грабил; не было безопасности ни в жизни, ни дома. Все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснялось, исчезало. Наконец, татарскому игу мы обязаны введением казней и пыток, ослаблением храбрости и затворничеством женщин в терема».

С.М. Шпилевский⁸³ (1867), разбирая подробно юридическую сторону «Истории» Карамзина, указывает на влияние ее на [последующие] труды по истории русского права. «...» Для многих труд Карамзина был очень важным, а для некоторых — главным источником.

Как ученый синтез «История» Карамзина теперь, конечно, устарела⁸⁴, но не надо забывать, что и в настоящее время вряд ли

возможен исчерпывающий синтез русской истории, хотя превосходные монографии открывают и новые материалы, и новые горизонты в изучении хода русской истории. С этой точки зрения русская история пока вполне правильно ограничивается «курсами» — таковы курсы Ключевского, Платонова, Багаляева... Но нельзя согласиться с мнением П.Н. Милюкова, что труд Карамзина будто бы и в свое время уже являлся отсталым завершением старых исторических направлений XVIII века. Вместо ответа мы приведем мнения русских историков, говоривших о Карамзине.

Вот оценка «Истории» Карамзина крупнейшим нашим историком С.М. Соловьевым (1867): «Мысль русского человека, мысль славянина должна была остановиться прежде всего на том явлении, что из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира. Это сознание вполне отразилось в “Истории государства Российского”, которую можно назвать величественной поэмой, воспевающей государство».

Этот приговор довольно близок, по моему мнению, в объективной оценке общего значения труда Карамзина в системе русской историографии в наше время.

<...>

Вот сущность оценки Погодина⁸⁵ (1866): «Всякое историческое произведение само по себе может быть рассматриваемо с трех сторон: критики, искусства и науки... Карамзин принужден был по необходимости взять на себя все эти три обязанности». <...> С художественной стороны весь русский язык, весь запас будущих словарей, рассеянный в памятниках, находился в его распоряжении, и послушные слова и обороты стекались из летописей, грамот, прологов, миней, житий, сказаний и совокуплялись в какую-то волшебную гармонию. Далее указана «художественность изложения, так что лица и события воспроизводятся в нашем воображении (и чем далее, тем сильнее), и стройность огромного здания истории. Не надо забывать, что во время Карамзина простота была бы странной, как ныне искусственность и щегольство. Тогда нельзя было явиться к публике без украшения. Карамзин, повествуя, не думал ни о какой системе; он полагал, что система должна исходить естественно из повество-

вания. Он хотел только истины, которая сама собою уже будет учить, а всякое преднамеренное направление истории вредит ей. Наука если не вполне удовлетворяется его “Историей” в настоящем виде, то, по крайней мере, имеет в ней данные, на коих должна основываться система, и обладает многими замечаниями, кои должны войти в состав системы».

Вот отзыв К.Н. Бестужева-Рюмина⁸⁶ (1872): «Громадный талант художественного изложения прежде всего поражает читателя; и до сих пор еще мы увлекаемся картинками, представленными Карамзиным; талант помог ему не спутаться в огромном количестве лиц и происшествий. Высокое нравственное чувство делает до сих пор эту книгу наиболее удобной для воспитания любви к России и добру. Но за этими достоинствами стоят еще другие... Художник соединился с ученым; в громадных примечаниях Карамзина остался памятник его обширной начитанности, его образцовой критической внимательности: он останавливался над каждым памятником, над каждым вопросом. Для человека, начинающего заниматься историей, нельзя указать лучшего руководства, как знакомство с примечаниями Карамзина».

Профессор В.С. Иконников в своей основательной речи о Карамзине (1911) говорит: «Широкие очертания труда Карамзина, его аналогии, постоянные привлечение разнообразного материала и поучительные примечания дали право... одному западному историку так характеризовать Карамзина (1866): “Популярность приобретена им не за счет учености в исследованиях. Радуюсь тому, что в народном русском писателе я нашел человека, ... который писал не только для своего народа, но и вообще для целого мира”».

Закончим эти отзывы словами И.Е. Забелина⁸⁷: «Единственным источником художественных исторических созерцаний остается и до сих пор (1873) все тот же Карамзин, который имел достойную памяти привычку обставлять свои общие описания и изображения частными примечаниями, где всегда можно встретить живые черты времени и мест».

И действительно, все позднейшие истории России, будучи более основательными, более учеными, более широкими по своим задачам, никогда так не увлекали обычную массу читающей публики, как в свое время увлекала «История» Карамзина.

*Неизвестный художник. Портрет
Николая Михайловича Карамзина*

Возвращаясь к жизни Карамзина за время от 1818 года до его смерти в 1826 году, мы не будем останавливаться на его отношении к образовавшемуся тогда (с 1815 года) под эгидой В.А. Жуковского литературному обществу «Арзамас», ведущему неустанную литературно-шутовскую борьбу с «Беседой любителей (или, как их называли, губителей) русского слова», учрежденной Шишковым (1811)⁸⁸.

Из членов «Арзамаса», пользовавшихся особым покровительством Карамзина, надо помнить Пушкина. <...> Особенно близки были Карамзину А.И. Тургенев, Жуковский, Вяземский, Блудов, Батюшков⁸⁹, Полетика⁹⁰. Назначение Жуковского воспитателем будущего императора Александра II (1817) — причем была отвергнута кандидатура А.С. Шишкова — состоялось благодаря Карамзину.

В 1818 году Карамзин выбран был членом Российской академии и имел неприятности по поводу «Записки о древней и новой России», напечатанной в искажении В.Н. Карамзиным⁹¹ в «Украинском вестнике».

Печатание второго издания «Истории», проданного за 50 000 рублей ассигнациями, и подготовка следующих томов⁹² удерживали Карамзина с семьей в Петербурге.

Государь летом часто, почти ежедневно беседовал с Карамзиным. Карамзин ничего не искал для себя. «Александр сказал мне, — пишет Карамзин жене, — я вас потому люблю, что вы у меня ничего не просите. Каково было мое положение: у меня, как нарочно, была в эту минуту в кармане просьба NN (Мещевского?)». Особенно-го внимания заслуживают в это время отношения Карамзина к польскому вопросу, показывающие в нем и государственный ум, и близость к императору. Кажется, исторические судьбы Польши и современная Карамзину игра с конституциями во Франции заставляли Карамзина скептически смотреть на возможность русской конституции вообще.

21 августа 1818 года Карамзин писал П.А. Вяземскому, в то время бывшему в Варшаве и увлекавшемуся конституционализмом:

«Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную, и скорее может упасть, нежели еще более возвытиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее... Эксперименты не годятся в таком случае. Впрочем, не мешаю другим мыслить иначе. Один умный человек сказал: я не люблю молодых людей, которые не любят вольности, но не люблю и пожилых людей, которые любят вольность... Потомство увидит, что лучше или что было лучше для России. Для меня, старика, приятнее идти в комедию, нежели в залу Национального Собрания или в камеру депутатов, хотя я в душе республиканец и таким умру».

11 октября 1818 года — Дмитриеву: «Мне гадки лакеи, и низкие честолюбцы, и низкие корыстолюбцы. Двор не возвысит меня. Люблю только государя. К нему не лезу и не полезу. Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным царя русского — вот противоречие, но только мнимое». Пушкин оставил любопытную заметку на эту тему: «Однажды начал (Карамзин) при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе?» Карамзин вспыхнул и назвал меня клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменялся». <...>

Вообще Карамзин не сблизился ни с «библистами», несмотря на знакомство с князем А.Н. Голицыным⁹³, ни с партией Аракчеева, Фотия и Магницкого⁹⁴.

«Текстами не помышляю, иногда смотрю на небо, но не в то время, когда другие на него смотрят... Суетность во мне есть, к сожалению, но я искренно презираю ее в себе... В искренние минуты чувствую свою ничтожность».

В октябре 1819 года Александр I сообщил Карамзину, что хочет восстановить Польшу в ее прежних границах. Карамзин в ответ написал 17 октября свою записку «Мнение русского гражданина»: <...> «Как христианин вы должны любить своих личных врагов, но Бог дал вам царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оногo... Галиция принадлежит Австрии, отдаст ли она ее добровольно? Можете ли вы с мирной совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию? Сии земли уже были Россией, когда митрополит Платон вручал вам венец Мономаха, Петра и Екатерины. Скажут, что Россия незаконно разделила Польшу? Но вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали заглазить ее несправедливость разделом самой России. Белоруссия, Волыния, Подолия вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России... Ответствую вам головой за неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу русских и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю; остыли бы душой к отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола... Не опустел бы, конечно, дворец: вы и тогда имели бы министров, генералов, но они служили бы не отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы. А вы, государь, гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу... Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское как оно есть ныне, но да существует, да благоденствует и Россия как она есть». К этой записке «для потомства» Карамзин приписал 29 декабря 1819 года: «Читано государю в тот же вечер. Я пил у него чай в кабинете, он пробыл вместе с глазу на глаз пять часов, от восьми до часу за полночь... Душою мы расстались, кажется, навеки. Потомство! достоин ли я был имени гражданина? Верил ли добродетели? Верил ли Богу?.. Между прочим я сказал государю по-французски: “Государь, вы очень самолюбивы... но я ничего не боюсь. Мы все равны пред Богом. То, что я сказал вам, я сказал бы и вашему отцу... Государь, я презираю нынешних либералов — я люблю ту

свободу, которую никакой тиран у меня не отымет... Я не прошу больше вашего благорасположения, я говорю вам, может быть, в последний раз”. Довольно сказанного для потомства и сыновей моих». К этому прибавлено 18 декабря 1825 года: «Я ошибся, благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (1819—1823) мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах... (Он) не требовал моих советов, однако ж слушал их, хотя им большей частью и не следовал... Милость и доверенность его (ко мне) остались бесплодны для любезного отечества». <...>

В марте 1821 года Карамзин писал: «Текста (“Истории” — IX тома) отпечатан 21 лист, примечаний более половины... Здесь кто-то разгласил, что он уже запрещен. Блудов предпочитает его всем восьми томам. Это петербургская работа... Хотелось бы дойти до Романовых и тогда проститься с историей... Чем более приближаюсь к концу жизни, тем более она мне кажется сновидением». В 1822 году (февраль) по поводу разгрома Санкт-Петербургского университета⁹⁵ Карамзин замечает: «Говорят, что дело кончилось отрешением (профессоров), но без дальнейшей казни. Думали, что надлежит закрыть классы, где преподавалось якобинство и атеизм, то есть класс истории и статистики, но люди благоразумные не согласились с ними. “Истории” еще не изменяю, сижу часов по пяти, хотя иногда бесплодно или почти бесплодно». Не нравилась ему привязка цензуры к стихам А.С. Пушкина и Жуковского. Говоря о А.С. Пушкине, о котором он и лично хлопотал, Карамзин заключает: «Талант действительно прекрасный — жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия». В сентябре сгорела главная деревня Карамзина, и он лишился тогда «знатной части своего умеренного дохода». В конце 1823 года Карамзин поселился на Моховой, печатал новые тома «Истории» в типографии и записал: «Лучше писать историю, нежели печатать ее в русской типографии». 7 апреля 1824 года (на Пасху) Карамзин получил чин действительного статского советника, причем государь написал ему, что чин дан историографу, а не Карамзину, который «ходит сентябрем»⁹⁶, добавляет Карамзин. Объясняется это и нездоровьем, и худой продажей «Истории», и худым платежом оброка, и непо-

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

виновением орловских крестьян. Любопытно замечание о цензуре (4 сентября 1825 года): «Новый министр просвещения (князь А.Н. Голицын) думает учредить новую [цензуру] и посадить в этот трибунал человек шесть или семь... То-то раздолье! Словесность наша с цензорами процветает и без авторов». <...> В июле 1825 года Карамзин ездил по желанию императора, слышавшего скорбные речи Карамзина о военных поселениях, посмотреть их. Аракчеев «угостил Карамзина с лаской необыкновенной и сам все ему показывал», но Карамзин сохранил о военных поселениях крайне отрицательное мнение. После поездки Карамзин опять расхворался. Критически смотрел Карамзин на правительство (сентябрь 1825 года): «Дельных людей на большой сцене у нас немного: министры стары и дряхлы, кроме финансов (Канкрин) и морского (де Траверсе). Больше лиц, нежели голов, а душ еще меньше». Здоровье Карамзина все слабело и слабело, раздражались и нервы. По его собственному признанию, смерть Александра I глубоко поразила уже слабого в то

время здоровьем Карамзина. Он писал: «Я любил его искренно и нежно, иногда негодовал, досадовал на монарха, и все любил как человека... Не боюсь встретиться с ним на том свете, о котором мы так часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба веря Богу и добродетели». И в письме к шурину князю П.А. Вяземскому: «Чего мы, Карамзины, лишились в Александре, того уже никто не может возратить. Не было во мне ослепления, но было много любви». И далее Карамзин говорит, что он не будет хвалить усопшего, ибо его и без того тошнит от русских похвал, и что он рад будет встретиться с усопшим государем за гробом, так как «мы много с ним не договорили».

[В день восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года Карамзин «был во дворце с дочерьми, выходил и на Исаакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять-шесть упало к <...> ногам...» «Я, мирный историкограф, — писал он Дмитриеву, — алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж...

К.И. Кольман. Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Фрагмент

Ни крест, ни митрополит не подействовали... В полночь я с тремя сыновьями ходил уже по тихим улицам. Но в 11 часов утра 15 декабря видел еще толпы черни на Невском проспекте».

В январе 1826 года Карамзин захворал воспалением легких и сильно ослабел. В письме И.И. Дмитриеву 22 марта он писал: «Слабею... хорошо бы удалиться отсюда летом... Но куда и как? Наши способы? Мой характер? Александра нет. Все мои отношения переменялись. Но остался Бог тот же, и моя вера к Нему та же: если надобно мне заглохнуть в здешних болотах, то смиряюсь в духе и не ропщу... А.И. Тургенев тоскует о Николае (Ивановиче, декабристе)». Видимо, в мыслях Карамзина совершился ввиду бунта декабристов какой-то особый процесс.

В одном из последних писем Карамзин сказал: «Не знаю, дойдут ли люди до истинной гражданской свободы, но знаю, что путь далекий и дорога весьма негладкая». И другая мысль, высказанная <...> Сербиновичу в январе 1826 года: «Я враг революции, но мирные эволюции необходимы — они всего удобнее в правлении монархическом».

«В последней беседе моей с Александром, — пишет Карамзин 1 декабря 1825 года, — государь сказал, что даст коренные законы России. Если не я, то другие увидят скоро, для чего Бог внезапно отнял Александра у России»⁹⁷. В проекте манифеста о восшествии на престол императора Николая I Карамзин («без моего искания удостоенной доверенности») между прочим писал: «Да исполнится все, чего желал, но еще не успел совершить для отечества Александр бессмертный; тот, кого священная память должна питать в нас и ревность, и надежду стяжать благословение Божие и любовь народа российского». Сперанский переделал его проект, ибо «нашли тут повод к толкам, вид самохвальства, излишние обязательства; велели переделать, выпустить все, что выражало бы характер или намерения нового царствования». Вместо последней фразы оказалось: «Да исполнится все, чего для блага России желал тот, коего» и пр.

21 марта больного Карамзина посетил М.М. Сперанский и сообщил об учреждении II отделения собственной Его Величества канцелярии для законодательных работ. Карамзин сказал о законах: «Надо собрать все без исключения и потом

Ф. Крюгер. Портрет императора Николая I. Холст, масло. 1852 год

уже отделить то, что действительно имеет в настоящее время обязательную силу». 21 марта 1826 года Карамзин послал письмо императору Николаю с просьбой назначить его, Карамзина, резидентом во Флоренции для поправления здоровья: «23 года по воле императора Александра я неутомимо писал “Историю”, назывался государственным историографом, но не получал никакого жалованья... кроме двух тысяч (ассигнациями) пенсии, определенной мне как почетному члену Московского университета. Я жил плодами своих трудов». 5 апреля Карамзин поручил напечатать объявление о продаже экипажей, лошадей и мебели за отъездом. Император очень любезно ответил 6 апреля и обещал устроить его пребывание во Флоренции для занятий своим делом, «которое стоит дипломатической корреспонденции, особенно флорентийской». Карамзин <...> сказал 9 апреля: «Он жалует мне фрегат для проезда». Между тем в письме от 13 апреля Карамзин писал: «Как мне ни трудно было решиться (на поездку морем), по нашему недостаточному состоянию и с кучей

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

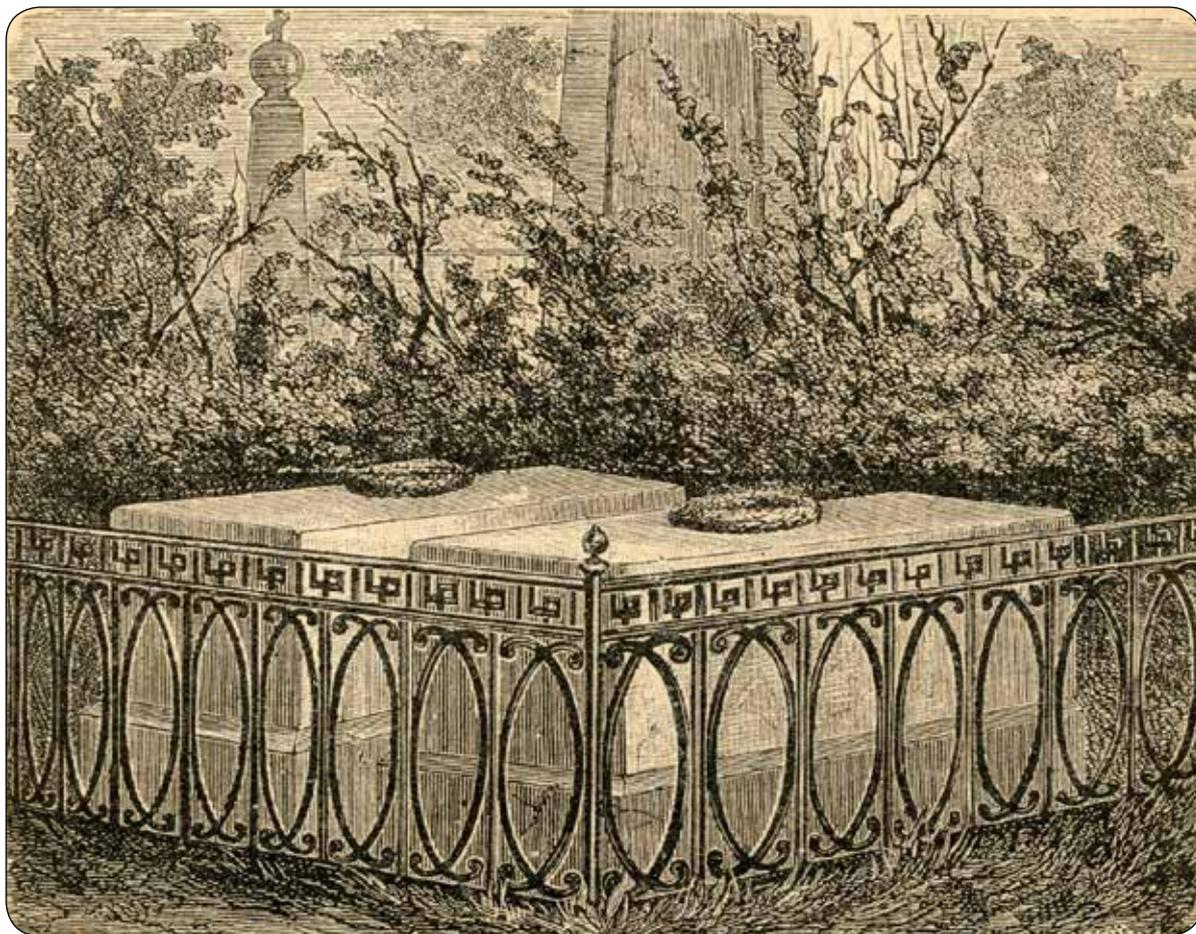
детей, но жена и семейство убедили меня ехать» (о казенном фрегате — пока ни слова). В письме к Дмитриеву от 16 апреля 1826 года значится: «Государь прислал мне на годовое путешествие деньги».

Кажется, лишь на Пасху (1-й день — 18 апреля) было приказано приготовить фрегат для того, чтобы довести Карамзина до Бордо. Обе императрицы принимали участие в больном Карамзине. Но только 13 мая последовал рескрипт Николая I, писанный Жуковским, где между прочим говорилось: «“История”, вами написанная, достойна русского народа. Исполняю то, что желал, но чего не успел исполнить брат мой... В приложенной бумаге найдете вы изъявление воли моей, которая, будучи с моей стороны одной только справедливостью, есть для меня и священное завещание Александра... Пребываю вам всегда благосклонный Николай».

Сумма в 50 000 рублей ассигнациями (15 000 рублей) в год была назначена Карамзину, а «после него жене, а по смер-

ти — ее детям до службы и дочерям до замужества последней из них». Когда этот пакет показали (14 мая днем) Карамзину, он, по словам А.И. Тургенева, произнес: «Это значит, что я должен умереть». Потом начал сердиться за количество суммы, говорил, что это слишком много. Карамзин ответил (или за него ответили) благодарственным письмом 15 мая 1826 года. С 19 мая положение Карамзина ухудшилось: он терял сознание, с трудом дышал. 20-го причастился Святых Тайн. Последние слова его были жене, которой показалось, что он чего-то ищет, и, спрошенный, что ему надобно, ответил: «Лежать и любить тебя»... 22 мая 1826 года в час и шесть минут пополудни не стало великого русского историка.

Жуковский писал о смерти Карамзина: «С глубоким благоговением видел я умирающего Карамзина, и никогда это видение не изгладится из души моей. При мысли о кончине такого человека, о переходе такой души в тот мир, где у Отца обителей

**Могилы Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского
на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.
Гравюра XIX века*

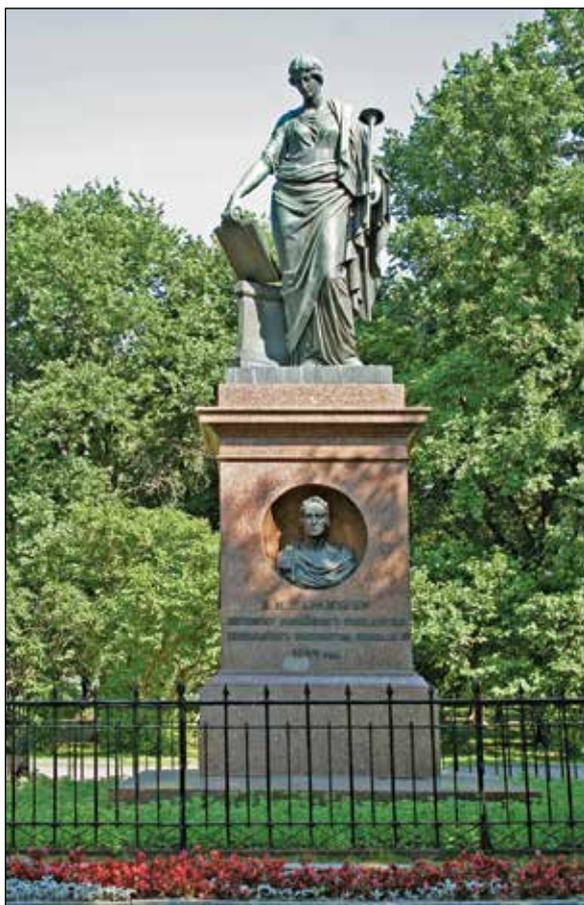
много, все наши понятия о жизни, смерти и бессмертии преображаются для нас во что-то светло очевидное». Император Николай приезжал в дом Карамзина, чтобы поклониться телу, но не входил к его жене и детям, боясь их беспокоить; он был расстроган и заплакал. Карамзина похоронили в Санкт-Петербурге в Александро-Невской лавре 25 мая. На камне, покрывающем останки Карамзина, вырезаны слова Спасителя: «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят».

Подведем итоги нашего обзора деятельности и личности Карамзина. Деятельность Карамзина резко распадается на две половины: литературную, захватывающую XVIII век, и историко-государственную, захватывающую в XIX веке все царствование Александра. Мелкопоместный дворянин бросает военную карьеру, чтобы заняться и существовать литературой, что было новостью в то время. Переводческая деятельность Карамзина относится к области литературы нравоучительной и педагогической. Памятником ее остается многотомное «Детское чтение». Путешествие по Западной Европе побуждает Карамзина по возвращении заняться журналистикой с перевесом в сторону чисто литературную. «Письма русского путешественника», стихи, бытовые и исторические повести проникнуты началами чувствительности и зародышами романтизма, которые впервые появляются в русской литературе в таком объеме. Они создают русскую читающую публику взамен отдельных читателей прежнего времени и широко распространяют идеи человеколюбия и гуманности. Развивая заложенное еще допетровской литературой начало личной нравственности, Карамзин увеличивает это поучительное начало присоединением к нему новых разнообразных сторон реальной, практической жизни. Для этой цели служат ему многочисленные издаваемые им сборники и переводы. «Если жизнью созданы страдания, то долг наш сострадать всякому несчастному, какого бы положения он ни был». Карамзин в этом воззрении был уже близок к современным понятиям о том, что есть виноватые не по своей вине, а по вине полученного воспитания; среды, взрастившей и окружающей человека; общества, в котором он находится; государства, недостатки которого не исправлены ни доброй волей властей, ни законами, твердо установленными. Помимо этой проповеди гуманности, Карамзин

является первым русским историческим романистом и преобразователем русского литературного языка.

Принципы свободы, равенства и братства, в сущности, втайне исповедуются Карамзиным как в этот период, так и в последующий. Никакого перерыва или перехода из лагеря передового в лагерь охранителей в Карамзине не было. Отсутствие перехода отмечено уже и профессором С.Ф. Платоновым⁹⁸ в его речи о Карамзине (1911). Мое воззрение несколько другое. Карамзин, по моему мнению, понимал свободу как торжество нравственной правды в каждом отдельном человеке, кем бы он ни был. Он понимал равенство между собой людей, стоящих на одинаковой ступени развития, и опирался на распространение просвещения как на средство постепенного поднятия всех людей до высших ступеней развития. Он понимал братство как царство любви. Он отрицал все насилия тирании, откуда бы они ни исходили — от лица или толпы, от тирана или революционера. Отсюда понятно, почему он проповедовал эволюцию, а не революцию как в литературный период своей жизни, так и в период историко-государственный. Кровь жертв времен Конвента⁹⁹ так же возбуждала его негодование и отвращение, как и кровь жертв Иоанна Грозного... Вот почему он искренно считал себя республиканцем и в то же время верноподданным, и противоречие между этими двумя определениями считал мнимым. Основанный Карамзиным «Вестник Европы» дает ему право на имя первого русского публициста: статьи его напоминают передовицы текущей прессы. Кипучая литературная деятельность необыкновенно живого, подвижного, несмотря на периоды меланхолического раздумья, Карамзина не угасала ни в тяжелые времена последних лет царствования Екатерины, ни в мрачные времена Павла. Ее не остановили, не сломали ни враждебное отношение масонов, ни правительственные доносы по масонским делам, ни доносы на мнимоякобинское направление сочинений Карамзина, ни литературная полемика, ни материальная нужда, ни тяжелая потеря молодой любимой жены. Но всякому овощу свое время. Любовь к родине, вступившей в эпоху преобразований первых лет царствования Александра I, заставляет Карамзина задуматься над ее прошлым. Ведь «настоящее есть результат прошлого». В русской литературе появились новые

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

*Памятник Н.М. Карамзину в Ульяновске,
выполненный по проекту Гальберга
и его учеников.
Воздвигнут в 1845 году*

**Южный горельеф.
«Историку Российского государства
повелением императора Николая I.
Немезида, воздающая по делам,
утешает умирающего историографа
среди родных
и сылет милости на его сирот».
Скульптор К.М. Климченко*

**Северный горельеф.
«Историку Российского государства
повелением императора Николая I.
Карамзин читает свою "Историю"
Александрю I».
Скульптор Н.А. Ромазанов*

*Фрагмент памятника
Н.М. Карамзину
в Ульяновске*

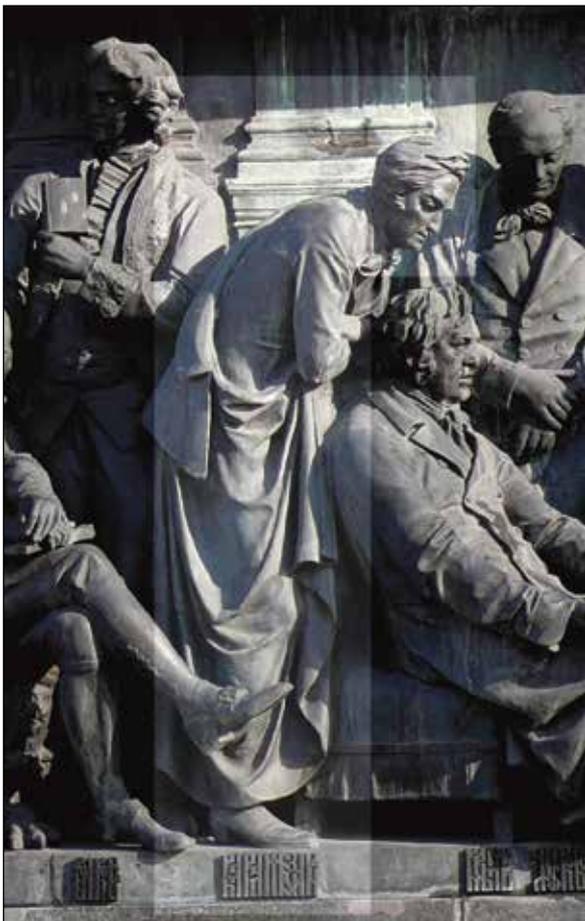
К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

*Открытие памятника Н.М. Карамзину в парке усадьбы Остафьево.
1911 год*

*Памятник Н.М. Карамзину
в Остафьево*

*Памятник «1000-летие России»
в Великом Новгороде*

Фигура Н.М. Карамзина на памятнике

люди — Жуковский, Батюшков — и другие вкусы, сменившие вкусы времен старика Державина, Дмитриева и самого Карамзина, а в западной появился Вальтер Скотт, которым стал увлекаться и сам Карамзин. Прибавим влияние возраста (35 лет), тяжесть пережитого боевого напряжения в борьбе с людьми и нуждой, естественную потребность спокойствия в связи со все более и более серьезным взглядом на задачу жизни — и перед нами патриот-историк, счастливый судьбой и чистотой своих побуждений, ставший другом царской семьи. Монументальный труд «История государства Российского», которому Карамзин отдал 12 лет непрерывного труда и над которым он работал с перерывами еще восемь лет до гробовой доски, — явление небывалое в русской литературе и науке. Ученые достоинства труда Карамзина блекнут перед популярностью русской истории среди читающих масс. После блестящего исхода 1812 года, зажегшего любовь к родине, чувствовалась потребность к самоопределению этой силы на историческом основании, и это сделал Карамзин. «Мы узнали свое отечество». Занятия русской историей

воспитали взгляды Карамзина и на государственные задачи России — и их он выразил в своей «Записке о древней и новой России». Она отдельными своими частями легла в основание учения славянофилов; ее же отдельные воззрения чувствуются во многом, пережитом нами до настоящего времени.

Идеализация самодержавия как основной силы русского государства, данная Карамзиным, еще и доселе сохраняет свою силу, и кто знает, не оправдает ли и будущее общих воззрений Карамзина на грядущую судьбу единой России: ведь он не отрицал ни избранных советников при царе, ни господства твердо разработанных на реальных основаниях законов, ни ответственности министров за подчиненную им бюрократию. Каким-то пророческим словом звучит его пожелание России существовать долго-долго, если вечного не встречается на земле.

Как человек Карамзин стоит еще выше, чем как литератор, историк и политик. Если вначале и можно было подозревать Карамзина в деизме¹⁰⁰, то в последующее время мы видим человека, глубоко верующего

в Провидение: с этой верой Карамзин дожил до самой смерти, не впадая ни в мистицизм масонства, ни в ханжество времен модного Библейского общества, ни в изверство и обрядовое лицемерие времен Фотия. Высшим пробным камнем для всех житейских дел он считал личную нравственность и благо других.

Приближенный ко двору, Карамзин не изменяет себе и не примыкает к дворцовым партиям, не любит ни Аракчеева, ни «библистов», негодует на стеснения от цензуры, разгром университетов, на военные поселения, смело противоречит самому государю и ничего для себя не ищет. Он писал когда-то: «Жить есть не писать историю, не писать трагедию и комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое есть шелуха, не исключая и моих восьми или девяти томов».

Потеряют свое значение сочинения Карамзина, «История государства Российского» перестанет читаться¹⁰¹, переменится государственная сторона России, но образ

Карамзина как человека, чистого сердцем и беззаветно любившего свою родину и человечество, всегда сохранит свое обаяние. Россия не забудет имени Карамзина как человека и гражданина. Это прекрасно выразил Тютчев своими стихами на столетнюю годовщину рождения Карамзина:

*Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,
Умевший все совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Все человечески благое,
И русским чувством закрепить, —
Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца,
А верноподанным — России!*

*Публикация и примечания
(кроме оговоренных)
Анны Филипповны Грушиной
и Александра Александровича Белая*

⁷³«Степенная книга» — памятник русской исторической литературы. Составлена в 1560—1563 гг. Содержит систематическое изложение русской истории по материалам летописей, хронографов, родословных книг и других источников от Владимира I Святославича до Ивана IV включительно.

⁷⁴Провиденциализм — толкование исторического процесса как исполнения замысла Божия о мире.

⁷⁵Татищев Василий Никитич (1686—1750) — историк, государственный деятель.

⁷⁶Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — князь, историк, публицист.

⁷⁷Болтин Иван Никитич (1735—1792) — историк, государственный деятель, первый издатель Пространной редакции «Русской правды» — свода древнерусских правовых норм.

⁷⁸Леклерк Никола-Габриэль (1726—1798) — французский медик и историк, с 1759 г. состоял на русской службе.

⁷⁹Стриттер (Штриттер) Иван Михайлович (1740—1801) — историк, академик Санкт-Петербургской академии наук, хранитель Московского архива Коллегии иностранных дел.

⁸⁰Дать комментарий по поводу перечисляемых (довольно бегло) автором источни-

ков здесь не представляется возможным — для этого потребовалась бы отдельная большая статья. Вследствие этого мы вынуждены отослать читателя к имеющейся на сей счет обширной литературе.

⁸¹Иконников Владимир Степанович (1841—1923) — историк, академик, автор капитального труда «Опыт русской историографии» в 2 т. и 4 кн. (Киев, 1891—1908).

⁸²Фирсов Николай Алексеевич (1831—1896) — историк, этнограф, педагог.

⁸³Шпилевский Сергей Михайлович (1833—1907) — юрист, краевед, археолог.

⁸⁴И в то время, и сейчас суждения по данному поводу высказывались и высказываются разные, порой диаметрально противоположные.

⁸⁵Когда-то в юности Погодин сам напал на Карамзина, но уже в 1857 г. он писал князю В.А. Вяземскому: «В газетах, имеющих 15 тыс. читателей, пишут с сожалением: “Ведь у нас еще много людей, которые пробаваются историей Карамзина, а наука ушла вперед”. Сукины вы дети! Да если бы вы пробавались историей Карамзина, так не были бы такими невежами, скотами и подлецами, какие вы есть» (*прим. авт.*). Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, журналист, издатель.

⁸⁶Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — историк, академик, педагог, возглавлял Высшие женские курсы, впоследствии названные его именем.

⁸⁷Забелин Иван Егорович (1820–1908/09) — историк, археолог, фактический руководитель Исторического музея в Москве.

⁸⁸«Беседа любителей русского слова» — существовавшее в Санкт-Петербурге в 1811–1816 гг. литературное общество во главе с Г.Р. Державиным и А.С. Шишковым. Члены общества с позиций классицизма выступали против новшеств в литературе, в частности, начатой Н.М. Карамзиным реформы литературного языка.

⁸⁹Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) — поэт.

⁹⁰Петр Иванович Полетика (1778–1849) — дипломат, мемуарист, известный остро слов.

⁹¹Каразин Василий Назарович (1773–1842) — русский и украинский общественный деятель, просветитель, ученый, основатель Харьковского университета.

⁹²Вот неизданная мелочь, свидетельствующая о работах Карамзина над русской историей. В Лейпцигской библиотеке сохраняется автограф Карамзина следующего содержания: <...> «1823 года 19-го я, нижеподписавшийся, взял от Его Превосходительства господина директора Императорской публичной библиотеки книгу “О русском народном пении” без заглавного листа, известную под именем “Песенника Прача”, с тем чтобы по первом востребовании возвратить оную в целости» (*прим. авт.*).

⁹³Под «библистами» здесь понимаются клерикально настроенные деятели во главе с князем Александром Николаевичем Голицыным (1773–1844), в разные годы занимавшим посты обер-прокурора Святейшего синода и министра народного просвещения; при нем английскими протестантами в России было учреждено Библейское общество.

⁹⁴Перечислены главные политические противники А.Н. Голицына: граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834) — государственный и военный деятель; архимандрит Фотий (Спасский. 1792–1838) — настоятель новгородского Свято-Юрьева монастыря; Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844) — государственный дея-

тель, в 1810–1811 гг. сотрудник М.М. Сперанского при подготовке последним проектов реформ.

⁹⁵В 1821 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Дмитрий Павлович Рунич (1778–1860), поборник клерикализации вузовского образования, добился увольнения за «противохристианскую проповедь» и «антимонархизм» ряда виднейших университетских профессоров.

⁹⁶Ходить сентябрем (перен.) — иметь хмурый, печальный вид.

⁹⁷Это выражение вызывало недоумение еще у Погодина. Я думаю, что Карамзин предчувствовал направление императора Николая I; он не сообщил ему своей «Записки о древней и новой России», и Николай узнал о ее существовании лишь в 1852 г. Позволю сообщить семейное предание. Родственник моего воспитателя А.А. Ревви Д.М. Самойлов был дворецким Карамзина и завещал А.А. Ревви сохранившийся у меня великолепный бронзовый письменный прибор из двух групп — Петра Великого и Карла XII (раненного под Полтавой). Эти группы будто были подарены Н.М. Карамзину императором Николаем якобы с намеком на желание видеть продолжение «Истории» Карамзина. Но тот не хотел подарка, ибо не любил нового императора, и заброшенный прибор был отдан дворецкому по смерти Н.М. (*прим. авт.*).

⁹⁸Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — историк, академик. Речь была произнесена им на открытии памятника Н.М. Карамзину в имении графа С.Д. Шереметева Остафьево (1911).

⁹⁹Национальный конвент — образованный после свержения монархии во Франции высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики (1792–1795).

¹⁰⁰Деизм — религиозно-философская доктрина, признающая существование Бога, но только как Творца, а не Промыслителя.

¹⁰¹В те времена подобные суждения высказывали многие, и автор, как видим, не оказался исключением. Карамзинская «История», впрочем, и вправду надолго «перестала читаться», но отнюдь не по причине «потери» ею «значения».

Ирина Владимировна Грачева

Из пастухов в меценаты

О селе Любичи
(ныне Луховицкого района Московской области)
и его уроженце — известном купце и благотворителе
Петре Даниловиче Ларине
(1735–1778)

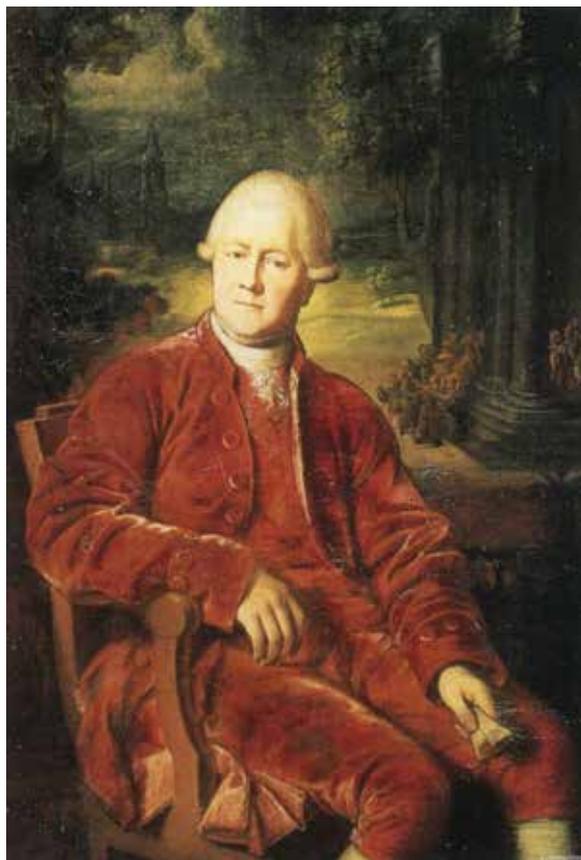
Именитые граждане села Любичи. Фотография 1911 года

Село Любичи (по-старинному — Любич, Любуч) на слиянии рек Цна и Ока в XVII–XVIII веках входило в число дворцовых рыбных слобод и принадлежало то Переяславскому, то Зарайскому, то Егорьевскому уездам Рязанского края. В здешних глухих лесных местах с топкими болотами, оврагами и холмами исстари искали укрытия те, кто бежали от своих господ или нарушили закон. В XVII веке

сюда устремились старообрядцы, ставя на холмах деревянные часовенки — «корабли спасения». А еще эта местность имела недобрую разбойничью славу. По преданию, название одного из холмов — Свищов бугор — «происходило от свиста или передачи голосового знака между разбойниками»¹. Они нападали на путников, на торговые суда, плывшие по рекам, на помещичьи усадьбы и дома зажиточных

поселян. Среди «лихих людишек» в конце XVIII столетия «по нескольким уездам губерний Московской и Рязанской знаменит был своими отважными, дерзкими до безумия разбойническими подвигами беглый крестьянин села Ловцова по прозванию Веревкин»². От холода он укрывался в домах крестьян и даже церковнослужителей. В одной из жалоб, поступивших из села Маслово Зарайского уезда, говорилось, что местный пономарь Федор Козьмин имел тесную связь с Веревкиным, который «у него часто и живал»³. Самого пономаря также уличили в воровских и разбойных делах. В Любичах пристанищем Веревкина стал дом крестьянина Ермила Милякова (Мелякова), чьи сыновья Аника и Карп вместе с женами состояли в шайке. Осенней ночью 1783 года Веревкин с Миляковыми вломился в жилище любичанина Дементия Моченова, причем женщины были «в мужском платье, сапогах, кафтанах и плисовых шапках»⁴. Они потребовали угощения, и начался хмельной пир. Дементий, опасаясь, что придется поплатиться своими пожитками, улучшил момент, выскользнул из избы, запер ее и бросился созывать на помощь народ. Волостной старшина велел бить в набат. Но крестьяне так медленно и неохотно собирались, что непрошенные гости Дементия успели сбежать. В село прибыл судебный заседатель Н.М. Прямоглядов с воинской командой. Арестовали всё семейство Миляковых, кроме Карпа, скрывшегося вместе с Веревкиным. При обыске в доме нашли «неприличные» для крестьян вещи: «штуцер да два карабина, ружье, <...> два пистолета, медную офицерскую с сибирским гербом ледунку (патронташ. — *И. Г.*), две шпаги без ножен, нож охотничий», а также «гусли ветхие»⁵.

По сложившейся тогда практике чиновники, посылавшиеся для поимки злодея, чаще всего собирали крестьян окрестных сел и деревень, отправляли их на облаву в лес, а сами оставались ожидать в избе старосты. Безоружные же крестьяне, блуждая в лесной чащобе, отнюдь не стремились обнаружить Веревкина, которого боялись куда больше, чем начальства. Как-то вечером во время одной из облав ее участники во главе с сотским собрались на поляне. Вдруг из зарослей вышел сам Веревкин, «вооруженный кистенем и с парой пистолетов за поясом, <...> да как

*Р.М. Волков. Портрет
Петра Даниловича Ларина.
Холст, масло. 1818 год*

гаркнет зычным голосом: «Шапки долой, ребята!» — одним махом шапки слетели с голов». Веревкин поговорил с мужиками о деревенских делах, посочувствовал легкой крестьянской доле и, услышав, что сотский на заре погнал в их лес, не дав захватить даже куска хлеба, распорядился тут же на поляне высесть «мироеда». Крестьяне исполнили приказ не без тайного удовольствия. А погубила Веревкина страстная любовь к жене здешнего помещика: при попытке похитить ее он был схвачен⁶.

Ежегодные разливы Оки и Цны, затоплявшие окрестности Любичей и само село, не позволяли жителям заниматься земледелием. Они могли пользоваться лишь сенокосами. Мужчины нанимались на речные суда, торговали сеном, рыбой, медом, воском, но «главным, специальным занятием» любичан являлась «служба в качестве целовальников и подносчиков по кабакам»⁷. Однако основная масса жителей все равно существовала скудно и убого. А вот Петру Даниловичу Ларину удалось выбиться в люди — да еще как выбиться!

Церковь Воскресения Христова. Фотография А. Агафонова. 1989 год

*Современные фотографии (здесь и далее)
выполнены автором в 2014 году*

*«Здесь покоится прах
Петра Даниловича Ларина...»*

* * *

Биограф П.Д. Ларина В.В. Стасов писал: «Сохранилось предание, что Петр Ларин, будучи маленьким мальчиком лет восьми, пас стадо, а зимою ходил учиться грамоте к сельскому дьячку и помогал отцу в домашних работах»⁸. Когда Петру исполнилось 14 лет, отец пристроил его подносчиком в местный кабак. На смышленного и добросовестного юношу обратил внимание винный откупщик и взял Петра кассиром в контору. Впоследствии П.Д. Ларин управлял питейными сборами в Казани, имел собственный винный откуп в Архангельске, торговал там хлебом, рыбой, пенькой и к сорока годам стал купцом 1-й гильдии. По семейным преданиям, он не только отправлял корабли со своими товарами в Англию, но и сам побывал в Лондоне, выучился английскому языку⁹. Скопив же солидное состояние, решил помочь землякам и обратился к Екатерине II с просьбой позволить ему открыть в Любичах за свой счет училище на 20 человек и банк, который давал бы крестьянам ссуды под небольшие проценты. Ларин описывал бедственное положение любичан: нанимаясь в работники и не умея читать и считать, они «не только самую низкую получают плату, но часто от незнания своего при разделках с хозяевами претерпевают неудовольствие и за многолетнюю службу или ничего, или очень мало получают»¹⁰. Особенно заботила Петра Даниловича судьба сирот и детей бедняков, которые без помощи со стороны неминуемо обрекались на нищенство. В училище предполагалось принимать мальчиков села Любичи от семи до двенадцати лет бесплатно; те же, кто жил в окрестных селениях, могли учиться за умеренную плату. Кроме грамоты, арифметики и Закона Божия, детей должны были обучать основам бухгалтерии и торгового дела, желающих — иностранным языкам. Ларин положил 130 тысяч рублей в Московскую сохранную казну с условием, чтобы 50 тысяч использовать на создание училища, 30 тысяч — на открытие банка, а процент с остальной суммы — на их дальнейшее содержание. «Сия бескорыстная жертва, — писал купец императрице, — не растворена плачем и рыданием людей, мною притесненных, <...> не учинился я виновен ни малейшею ближнему обидою, ни казне ущербом»¹¹. Он намеревался вернуться

с семьей в Любичи и просил назначить его пожизненно главным смотрителем училища. Одновременно Петр Данилович возводил в селе грандиозный каменный двухэтажный Воскресенский храм «о шести престолах». Работы производились «по планам и под наблюдением самого Ларина, начиная с закладки <...> и до малейших подробностей»¹². Храм в Любичах считался одним из лучших в Рязанской губернии: его второй этаж украшали балконы, а на колокольне часы с курантами, отбивая время, вызванивали напев церковного стиха «Кто ты может избежать, смертный час...»¹³.

Императрица дала распоряжение наместнику М.Н. Кречетникову заняться устройством училища. В 1778 году под здание отвели участок возле храма. Но в том же году П.Д. Ларин скорострительно скончался в Москве при весьма странных обстоятельствах. Документы по его капиталу бесследно исчезли. Вдова Пелагея чувствовала неладное, но доказать ничего не смогла. Похоронили Петра Даниловича в Любичах в склепе под Никольским приделом Воскресенского храма. Когда дочь Ларина Наталья вышла замуж за коллежского асессора В.В. Цыгорова, тот, узнав о семейной драме, оставил службу и начал собственное расследование, решив во что бы то ни стало претворить в жизнь ларинские замыслы. Цыгоров заподозрил, что в гибели купца виновен несовершеннолетний племянник Ларина Михаил, взятый Петром Даниловичем в помощники. После кончины дяди Михаил тайком передал бумаги по капиталу на хранение купцу Борукову. При передаче фигурировала фальшивая дарственная на имя Михаила, якобы оформленная самим Лариным. Однако после этого Михаил прожил не больше месяца — видимо, также стал жертвой чьей-то алчности. А у Борукова появилась новая фальшивка — заемный вексель Михаила, подписанный, как оказалось, уже по его кончине. В аферы с похищенным ларинским капиталом оказались вовлеченными другие коммерсанты и даже придворный банкир барон И. Вельо... Судебный процесс длился около 18 лет, за это время главные обвиняемые умерли. Тем не менее Цыгорову в конце концов удалось разыскать и вернуть состояние покойного тестя, существенно пополнившееся за счет процентов.

* * *

Училищный же проект купца-идеалиста словно преследовал злой рок. В 1797 году Павел I подарил село Любичи (698 душ) генерал-майору П.И. Измайлову, и Министерство просвещения потеряло право распоряжаться этими уже частными владениями. Крестьяне Любичей около десяти лет тяжкими трудами собирали деньги, взяли в казне ссуду и за 140 тысяч рублей откупились на волю¹⁴. Война 1812 года надолго отодвинула открытие училища в Любичах. Лишь в 1818 году приступили наконец к возведению здания. Однако не обошлось без скандала. Любичане неожиданно восстали против заботы властей об их просвещении и даже пытались помешать строительству. Возможно, здесь сказались сопротивление церковнослужителей. Еще в 1793 году любический диакон первым в Рязанской губернии получил официальное разрешение открыть на дому школу для детей прихожан, и с тех пор это стало одной из статей дохода местного духовенства. Попечитель Московского учебного округа князь А.П. Оболенский вынужден был даже обратиться к архиепископу Рязанскому Сергию, сетуя, что столь полезное дело «встречает при своем начале немалые затруднения, особливо между людьми необразованными, к которому

классу принадлежит большая часть крестьян села Любуч». Князь просил воздействовать на местных священников, чтобы те «как добрые пастыри» всячески помогали созданию училища¹⁵.

В 1819 году наконец-то начались занятия (а вскоре в Любичах открылся и первый в России сельский банк). Однако поскольку квалифицированных преподавателей в селе не было, то училище, по словам обозревателя «Отечественных записок» Н.А. Демерта, мало чем отличалось от захудалых церковноприходских школ¹⁶. Поручик стоявшего в селе гренадерского стрелкового батальона К.И. Волховской также сообщал: «Ларинское училище в том виде, как оно ныне существует в Любучах, не исполняет своего назначения даже как простая школа». Вопреки замыслам П.Д. Ларина, Министерство просвещения предпочитало учить любичан не привычному для них торговому, а слесарному и столярному ремеслам — для «полезного препровождения свободного времени»¹⁷. Между тем жителям села приходилось заботиться не о досуге, а о заработке, посему пользы в училище они не видели и по-прежнему едва подросших сыновей стремились побыстрее пристроить «к делу» — в лавки, кабаки, трактиры.

Училище. Фотография начала 1900-х годов

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

Любичи

Сельская улица

Река Ока

* * *

Лишь к концу XIX века ситуация изменилась и училище, как и мечтал Петр Данилович, стало настоящим просветительским центром. В осенние и зимние вечера для селян здесь организовывались образовательные чтения, сопровождавшиеся показом иллюстративного материала с помощью «волшебного фонаря». Ученики декламировали перед собравшимися стихи, читали отрывки из повестей и романов. Крестьяне, неоднократно обращавшиеся в Министерство просвещения с просьбой включить в учебную программу предметы, «до торговли относящиеся», добились, чтобы их детям преподавали основы бухгалтерского дела. В училищной библиотеке появились книги и журналы с полезными советами по огородничеству, садоводству, домоводству, пользовавшиеся спросом у местного населения.

Сельский банк, закрывшийся было в середине XIX века, на рубеже XIX–XX столетий оказался весьма востребованным. Вклады крестьяне несли небольшие и ссуды банк выдавал незначительные (до 250 рублей под залог луговых участков), но и это по сельским меркам являлось хорошим подспорьем. Банк просуществовал до 1914 года¹⁸.

* * *

Капитал П.Д. Ларина, поступивший в распоряжение Министерства просвещения, немало способствовал развитию культуры и науки в России. На деньги бывшего любического крестьянина в Санкт-Петербурге были реконструированы музейные залы Академии наук; построены новые здания Императорской Публичной библиотеки возле Александровского театра (архитектор К.И. Росси) и Пулковской обсерватории; открыты гимназия на Васильевском острове, получившая название Ларинская, гимназия в Динабурге (ныне — Даугавпилс) и Ришельевский лицей с гимназией в Одессе. За счет ларинских средств осуществлялись ремонт помещений Санкт-Петербургского университета и издательская деятельность Археографической комиссии, публиковавшей русские летописи и документы по истории России. Недаром над захоронением Петра Даниловича установили памятный камень с надписью: «Благодетелю сира и убога и другу человечества». Сей-

час на наружной стене Никольского придела Воскресенского храма находится мемориальная доска с той же надписью.

* * *

В истории села Любичи прихотливо сплелись распространенные здесь фамилии Ларин и Миляков. Когда в XVIII веке шло следствие по обвинению семейства Миляковых в связях с разбойником Вережкиным, караульный Н. Ларин оказался причастным к побегу одного из подследственных. В начале XIX века купец В.С. Миляков, перебравшийся в Петербург, помогал пожертвованиями Ларинской гимназии, а для любического училища прислал копию портрета П.Д. Ларина, исполненного академиком живописи А.И. Волковым. Портрет был написан около 1818 года. Трудно сказать, насколько изображение человека в напудренном парике и щегольском бархатном кафтани европейского покроя соответствовало реальному облику выходца из рязанского села. Здание с колоннами за его спиной, по всей вероятности, должно было символизировать «храм просвещения», подаренный

*Сельский некрополь. Могила И.Е. Ларина
(потомок П.Д. Ларина?)*

им односельчанам, а силуэт церкви, едва различимый среди густой зелени, — Воскресенский храм. Оригинал картины впоследствии украсил один из залов Императорской Публичной библиотеки, названный по указанию императора Николая I Ларинским. Судьба же отправленной в Любичи копии неизвестна.

Здание училища до наших дней не сохранилось. В XIX веке местные власти собирались установить возле него памятник П.Д. Ларину, но до дела так и не дошло. Сейчас храм в Любичах реставрируется. Со временем, возможно, появится в селе и памятник незаслуженно забытому «другу человечества»...

¹Историко-статистическое описание села Любич Воскресенской церкви // Рязанские епархиальные ведомости. 1899. № 2. С. 710.

²Селиванов И.В., Славутинский С.Т. Из провинциальной жизни. Повести, рассказы, очерки. М., 1985. С. 282.

³Воровские дела пономаря Ф. Кузьмина (сообщил А. Черепнин) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1904. Т. 19. Вып. 1. С. 158.

⁴Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 4. Оп. 5. Д. 30а. Л. 14.

⁵Там же. Л. 15.

⁶Селиванов И.В., Славутинский С.Т. Указ. соч. С. 283 и далее.

⁷Историко-статистическое описание села... С. 712.

⁸Стасов В.В. П.Д. Ларин. Рязань, 1913. С. 1.

⁹Там же. С. 4.

¹⁰Там же. С. 8.

¹¹Там же. С. 4.

¹²Там же. С. 6–7.

¹³Историко-статистическое описание села... С. 738.

¹⁴Там же. С. 714.

¹⁵ГАРО. Ф. 627. Оп. 77. Д. 212. Л. 6.

¹⁶Д. (Демерт Н.А.) Наши общественные дела // Отечественные записки. 1870. № 10. С. 245.

¹⁷Маяковский И. Ларин и ларинский капитал // Журнал министерства народного просвещения. 1917. № 9–10. С. 84.

¹⁸Ларинский банк // Рязанская банковская энциклопедия. Рязань, 2010. С. 142–143.

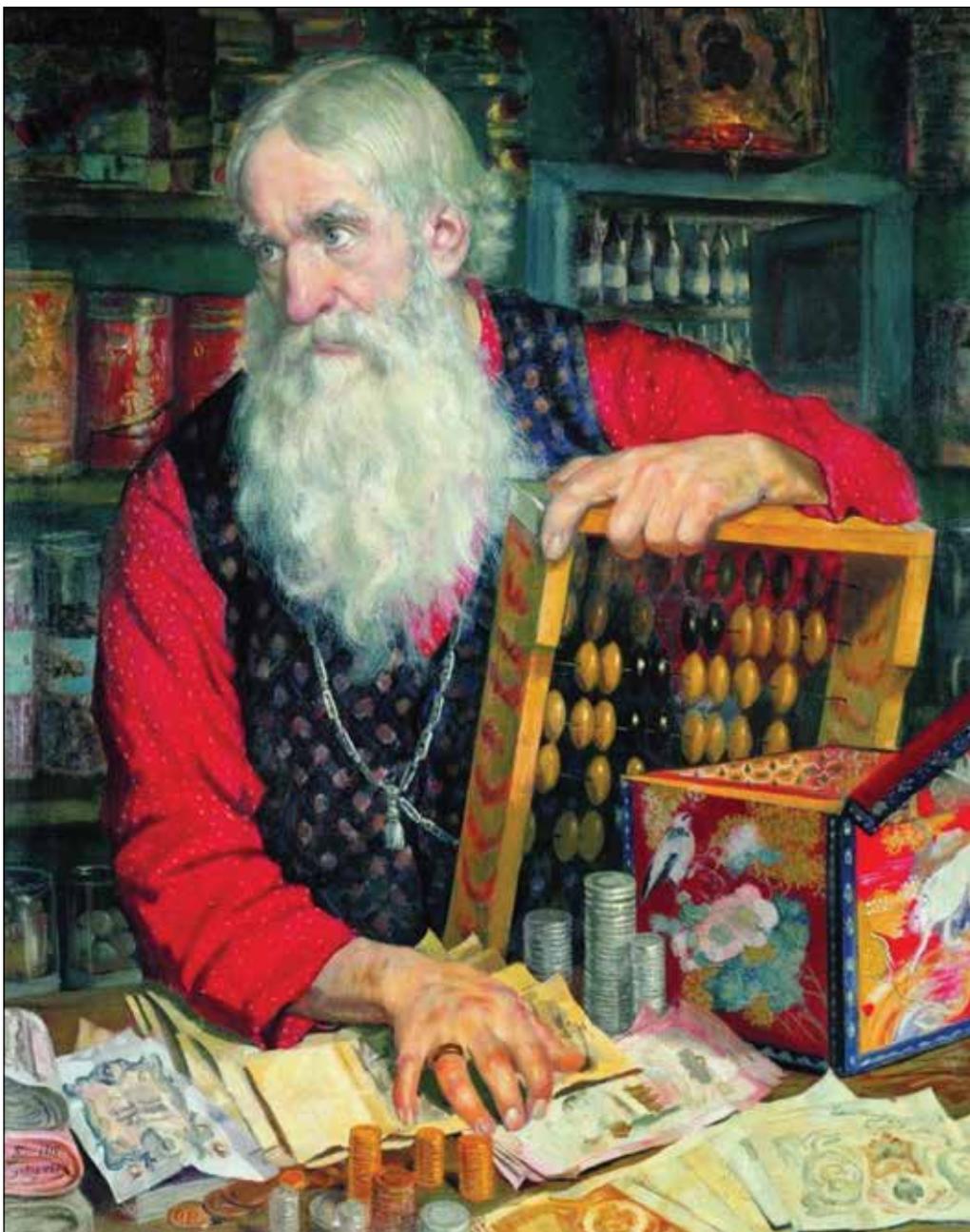
**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://www.mosjour.ru>

127015, Москва, Бумажный проезд, дом 14, строение 2.
Телефон: (499) 557-04-27 доб. 414
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Отдел распространения: (499) 557-04-07

Ловушка для простака

История,
рассказанная дореволюционной газетой

Б.М. Кустодиев. Купец, считающий деньги. Холст, масло. 1918 год

«В настоящее время в распоряжении редакции громадный материал исключительно из походов преступного мира. В этих сообщениях с фотографической точностью будут описываться способы шантажей, обманов, а также кровавых преступлений. Читая публикацию увидит, как она сама бывает невольной пособницей преступлений в руках ловких авантюристов ХХ века. Люди, ознакомившиеся со способом действия преступников, уже не так скоро и легко будут попадаться в их ловко расставленные сети».

Такую преамбулу имела серия публикаций в ежедневной «Газете-Копейке» за 1910 год (выпускалась акционерным издательским обществом «Копейка» в 1908–1918 годах, имела ряд приложений). Я выбрал из этих «копеечных» очерков историю купца К., во-первых, как наиболее занимательную, во-вторых, как в значительной мере типическую — похожий случай находим, например, в недавно переизданной (М., 2013) книге воспоминаний начальника сысковой полиции Харькова Виталия Владимировича фон Ланге (1863–1918).

Текст печатается в сокращении и с небольшой редакторской правкой. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

В Москве есть домовладельцы, стоящие вне всяких подозрений, — так как потерпевшие от них почти никогда никому не заявляют из ложной боязни быть привлеченными к ответственности за соучастие в преступлении, — и на первый взгляд они живут как самые мирные обыватели. Лица эти под своим управлением имеют целые шайки хорошо выдрессированных агентов, которые по мере надобности командуются в разные города России и даже за границу. Сами «начальники» выступают только в очень важных делах, и то с крайней осторожностью. Агентура же работает вовсю. Обнаружив какую-нибудь подходящую жертву, агент докладывает «начальству». Дело обмозговывается и составляется план действий.

Агенты, выследив подходящего человека, стараются завести с ним знакомство. Как они берутся за дело, будет видно из случая, происшедшего недавно с одним купцом-лесопромышленником К. Этот господин очень жаден к деньгам; его не удовлетворяла нажива от торгового дела и дома, хотелось чего-то большего, сразу разбогатеть и прогреметь по Москве. Мошенники, вызнав его наклонности и черты характера, стали его охаживать. Они старались встречаться с ним в клубах, ресторанах, театрах и т. п. Всегда великолепно одетые, с бриллиантами на руках, мошенники, сорившие деньгами, производили впечатление богатых людей. Один из них свел знакомство с К. Последний неоднократно удивлялся, откуда у нового знакомого такая масса денег.

— Вы купец, торговец? — спрашивает К.

— Нет, — получался ответ.

— Домовладелец, помещик? — засыпал вопросами К.

— Нет и нет, — отвечал собеседник.

— Но ведь вы же свободно сорите деньгами. У вас большие средства?

В ответ на это загадочная улыбка и фраза:

— Да, средства есть, да и у каждого умного человека они могут быть — было бы только желание. <...> У меня для вас есть интересный разговор и предложение. Хотите побеседовать? Пойдемте в ресторанчик. <...>

В ресторане К. и аферист заняли уютный кабинетик, подальше от любопытных глаз. Была заказана закуска, выпивка. Когда все было подано и лакей удалился, аферист, лукаво взглянув на купца К., сказал:

— А ведь я вижу, что вас беспокоит-таки вопрос, как быстро разбогатеть. Но ведь вы и так достаточно богаты, на что вам деньги?

СЛУЧАИ И КУРЬЕЗЫ РУССКОЙ СТАРИНЫ

— Ах, — сказал К., — вы правы, я жажду узнать, как можно скоро разбогатеть. Вы говорите, я богат... Что мое богатство? Какие-нибудь 200—300 тысяч. А я жажду миллионов, вот такого состояния, как, например, у...

Последовал ряд фамилий известных в Москве миллионеров.

— Ха-ха-ха! — разразился смехом аферист. — Вас интересует первоначальный источник богатств этих лиц? Это очень просто. Сейчас вы узнаете. Другого, может быть, я бы так скоро и не посвятил в наше *дело*, но, право, вы мне страшно нравитесь; я чувствую, что мы с вами наделаем больших дел, а разгадка у меня в кармане. <...>

Аферист отвернул полы пиджака и достал из кармана пачку новеньких, как бы только отпечатанных трехрублевков.

— Видите, какой *товар*?

— Да ведь это настоящие чудесные деньги!

— Вы думаете? — иронически спросил ловкач. — Благодарю вас, тем приятнее, когда так искренне отдают дань нашим *талантам*; теперь посмотрите, какого года трехрублевки.

Год на кредитках стоял давний, и К. изумился: если это действительно настоящие деньги, то как они могли сохраниться в таком свежем, неиспользованном виде? Вслед за этим собеседник вынул из кармана пачку старых засаленных трехрублевков и предложил К. сличить и узнать разницу.

Долго смотрел К., проглядывал на свет, мял в руках, отрывал уголки, сличал подписи и, наконец, решительно заявил, что «разницы никакой!».

Тогда аферист сказал:

— Вот видите, даже при таком подробном осмотре, предупрежденный, вы и то не смогли ничего найти, а я вам скажу: новые — фальшивые, а старые — настоящие.

— Да ведь это гениально! — воскликнул восхищенный К. — Какие у вас *таланты*!

— У нас несколько фабрик в России, — гордо ответил аферист, — и благодаря этим-то *талантам* имеют миллионы те, кого вы назвали. <...>

Купец совсем обалдел.

— Но ведь попадают же и уходят на каторгу, — сказал он.

— Попадают на каторгу дураки и плохие *работники*; вы видите сами, что с такими деньгами попасться нельзя.

— Да, да, — сказал К., — с такими деньгами не попадешься.

Тогда аферист, улыбаясь, продолжал:

— Ведь вот хороша подделка, а все-таки в ней есть ошибка нашего мастера. <...> Возьмите старую и новую кредитку, наложите их одна на другую.

К. исполнил. Кредитка свежего вида была немного длиннее и шире.

— Вот в чем ошибка, — сказал авторитетным тоном аферист.

— Да, теперь я убедился, что деньги поддельные, а то, знаете, у меня в душе было сомнение, и я думал, что вы просто шутите, — произнес ошеломленный К. <...>

— Для того чтобы окончательно убедить вас в доброкачественности товара, мы сейчас сделаем пробу и здесь, в ресторане, заплатим этими «деньгами».

— Ради Бога! — взмолился перетрухнувший лесопромышленник.

Ему уже грезилось сыскное отделение, жандармы и тому подобное, но было уже поздно: на звонок явился лакей, и аферист вручил ему пачку блестящих трехрублевков. К. замер. Вот явился лакей, принес сдачу и почтиительно выжидал на чай. У К. отлегло от сердца. Тут же ему аферист оставил на пробу 10 трехрублевков. По совету своего сообщника он посылал их в магазины, театры и, наконец, так расхрабрился, что послал в казенную палату

и банк. Везде меняли деньги без малейшего колебания. К. ликовал и благодарил судьбу, пославшую ему «благодетеля», и воображал уже себя миллионером.

Почему брали деньги везде и даже в банке, можно пояснить в двух словах. Аферисты брали настоящие деньги и, чтобы придать им вид поддельных, выбирали кредитки самых старых выпусков, на некоторое время клали их в особый ядовитый раствор, отчего грязь вся отставала, а затем они сохли под прессом и становились совсем новыми, блестящими. Конечно, качество их от этого не уменьшалось, но под влиянием химического состава кредитки увеличивались в размерах. На эту-то удочку и ловили наивных людей.

К. теперь уже сам не мог дождаться поскорее приобрести «денег». Увидев «фабриканта» кредиток, он стал торопить его покупкой. Сторговались по 25 коп. за рубль. При этом *поставщик* заявил, что фабрика находится не здесь, а нужно поехать в другой город. К. на все был согласен. Для первого раза он заказал «денег» на 40 000 руб., за что наличными должен был уплатить 10 000 руб. На площади его должен был встретить «фабрикант» и передать ему чемодан с *заказом*, получить деньги и затем разойтись. К. прибыл в город и прямо отправился на место свидания. На площади его ждали. Встретились. <...> Соблазнитель открыл чемодан. Он был набит деньгами. К. посмотрел две-три пачки: работа великолепная! Дальше смотреть не посоветовал «фабрикант» — опасно.

К. вручил за покупку 10 000 руб. и взял в руки чемодан. В этот момент случилось нечто совсем непредвиденное для К. Вдруг как из-под земли вырос полицейский и грозным окликом остановил «фабриканта», затем одной рукою он взял за ворот афериста, а другую вырвал чемодан у купца.

— Попался, мошенник! Давно мы слышали, что ты торгуешь деньгами своей фабрики, да только не попадался, — шипел полицейский.

«Фабрикант» извивался в его руках и в это время успел шепнуть К.:

— Спасайтесь, пока не подоспела помощь к фараону!

К., забыв о своих деньгах и чемодане с фальшивыми кредитками, побежал. Ему удалось счастливо прибыть на вокзал и укатить в Москву. Дома у него сердце болело: ну как жулик выдаст и его... каторга, позор, конфискация имущества! Но время шло, и все было спокойно. К. следил за газетами и все искал заметку об открытии в городе Р. фабрики кредиток.

У купца сердце билось напрасно. Настоящая полиция ничего не ведала о фабрике кредиток, да и ведать не могла, ибо фабрики такой не было, а была просто квартира аферистов, в которой, правда, имелся химический состав для чистки настоящих денег и бумага совершенно чистая, из которой резали «кукольные» деньги. Когда перетрусивший купец убежал на вокзал, «полицейский» — тоже переодетый жулик — и «фабрикант» разразились хохотом. После отправились к себе на квартиру и поделили барыши.

Нужно ли говорить, что в чемодане фальшивых денег и не было, а просто было немного настоящих, которые и прикрывали собой сверху «кукольные». Но чемодан им было необходимо оставить в своих руках. Нужно было заставить думать К., что сделке помешала только полиция, а *заказ* был добросовестно исполнен.

<...>

Прошло некоторое время, и в квартире купца К. раздается звонок. Появляется «фабрикант» кредиток. К. изумлен:

— Как, вы на свободе, не в тюрьме?

— Как видите, но для того, чтобы освободиться и не запутать вас, пришлось ухлопать все ваши десять тысяч: обобрали проклятые фараоны.

СЛУЧАИ И КУРЬЕЗЫ РУССКОЙ СТАРИНЫ

К. почти не горевал о потере десяти тысяч, он был рад, что отделался.

Аферист продолжал:

— Мне жаль вас, и я хочу помочь. И мы-то с вами, глупцы, назначили такое свидание на площади. Грех пополам! Вы мне прибавьте 5 тысяч, а я вам за это дам на 60 000 руб. наших.

К. с радостью согласился. Свидание для передачи чемодана назначили на вокзале того же города, где произошла первая неудача. К. прибыл на вокзал и благополучно получил чемодан. На минуту его открыли взглянуть на *товар*. Сверху лежали блестящие кредитки. Обрадованный К. помчался домой. Но когда он устроился в вагон 2-го класса, то его вдруг взяло сомнение: не арестовали бы с чемоданом в дороге! Поэтому опасный чемодан он поместил на полке с другой стороны, чтобы в случае чего можно было от него отказаться.

Когда уже К. был на половине дороги, вдруг в вагон вошел жандарм. Оглядев вагон и почему-то остановив подозрительный взгляд на чемодане, он спросил:

— Господа, чей это чемодан?

У К. душа в пятки ушла. Между тем жандарм, опросив несколько пассажиров и получив отрицательный ответ, обратился с этим же вопросом к К.

— Нет, нет, что вы, у меня нет никакого чемодана, — отказался К.

— Тогда, вероятно, чемодан оставлен кем-нибудь из пассажиров, нужно его передать на станцию, — сказал жандарм и, взяв чемодан, ушел. Стоит ли говорить, что «жандарм» был переодетый сообщник афериста.

Проходит недели две-три, и в квартиру К. является «фабрикант» с портфелем в руках. Он спокойно здоровается:

— Ну что, много сбыли нашего *товара*?

К. говорит печальным тоном:

— Как, вы ничего не знаете о моей беде? Ведь я денег-то опять лишился! <...>

К. рассказал историю в вагоне с жандармом. Аферист, притворяясь очень рассерженным, сказал:

— Ну, знаете, наивнее вас я не видел человека! Ясное дело: жандарм увидел бесприютный чемодан и взял его в комнату для хранения. <...> Мы сделаем так: я пришлю вам на квартиру своего человека с *товаром*, вы спокойно, не торопясь, на свободе, пересчитаете деньги. Надеюсь, вы здесь, у себя в кабинете, не испугаетесь полиции или лакеев ваших, которые могут подозрительно взглянуть на чемодан?

— О нет, нет, конечно! — сказал К. <...>

Окончательно сговорились на следующем: аферист вынул из портфеля конверт и свою печать. К. вложил в конверт 10 000 руб. Конверт оставался у К. до прихода посланного от «фабриканта», и по получении *товара* К. должен был отдать за него конверт.

— Своею печатью я запечатаю, потому что иначе мой посланный не поверит вам, а пока — дайте-ка сургучик.

Купец отвернулся за сургучом, а мошенник успел в это время конверт с деньгами бросить себе в портфель, а оттуда положить на стол точно такой же конверт с нарезанной газетной бумагой. К., конечно, этого вольта не заметил, и когда на его глазах обманщик запечатал конверт своею печатью, то К. запер его в несгораемый шкаф.

Прошло много времени, а К. все находился в ожидании прибытия капиталов. «Фабрикант» обещал прислать 70 000 руб. Наконец терпение истощилось и купец, подумав, что «фабрика» перестала действовать, решил вскрыть конверт, взять деньги, а конверт уничтожить.

*Б.М. Кустодиев. **Купец.**
Из серии «Русь. Русские типы». Бумага, акварель. 1920 год*

— Еще попадешься с ним, — подумал он.

Разорвав конверт и увидев газетную бумагу, К. наконец прозрел и послал тысячи проклятий на голову мошенников. Теперь его главной мечтой стало хотя бы возвращение своего затраченного капитала. Но как? Жаловаться в суд он не смел. А ничего придумать не мог.

Однажды в ресторане к К. подошел неизвестный солидный господин и сказал, что имеет до него интересное дело. К. насторожился.

СЛУЧАИ И КУРЬЕЗЫ РУССКОЙ СТАРИНЫ

— Вы, я знаю, сделались жертвою шайки «кукольников»? <...> Да вы не бойтесь, я не сыщик, я тоже из «рыцарей легкой наживы», — прошептал, наклоняясь к К., незнакомец. <...> — Да, да, но я именно «рыцарь», а не мошенник, и работаю начистоту. Мы ведь все, любители легкой наживы, знаем друг друга, следим за *работой* и прямо удивляемся: как это вы могли попасться в такую ловушку?! Ну кто теперь верит «кукольникам»?

— А как же вы работаете? — спросил К.

— Если вы это хотите знать, нам нужно поговорить об этом не здесь, — сказал незнакомец.

На другой день он явился на квартиру К. с каким-то завернутым в бумагу пакетом. <...> Незнакомец объяснил, что они не торгуют готовыми фальшивыми деньгами, а продают желающим изобретенные ими машинки, на которых каждый сам может печатать деньги. У К. загорелись глаза.

— А вы мне можете доставить такую машинку? — спросил он.

<...>

Незнакомец развернул принесенную с собой коробку и вынул машинку с тремя вращающимися валиками; валики были разноцветные, и если вертеть ручку, то машинка приходит в движение. Незнакомец вынул из кармана длинную ленту бумаги шириною в кредитный билет, вставил полосу в машинку и стал крутить ручку на валике; одна за другой стали появляться готовые, только слегка сыроватые трехрублевки. Затем незнакомец потребовал ножницы и стал их отрезать одну за другой от полосы.

К. был в восторге.

— Сколько стоит такая машинка? — спросил он.

— Да вы прежде поучитесь сами-то работать, ну-ка, давайте вставим новую полосу.

Полоса была вставлена; К. начал вертеть ручку — и с валика продолжали вылетать готовые кредитки. Восхищенный купец сторговал машинку за 10 тысяч рублей и вручил деньги.

— Вот видите, — сказал при прощании незнакомец, — мы не жулики и продаем действительно ценный предмет.

Как только продавец ушел, К. сейчас же сел *за работу*; тем более что незнакомец в придачу к машине дал ему стопку подходящей бумаги. Вначале кредитки продолжали вылетать, но вдруг с волшебной машинкой что-то случилось — с валика пошла чистая бумага, и сколько купец ни вставлял новых листов, деньги больше не печатались. Да они и не могли печататься, потому что здесь был опять обман. К купцу К. явился с машинкой сообщник прежнего мошенника, а печатание кредиток было устроено так: жулики склеили одну за другой штук сорок кредиток, намотали их на валик, который был пропитан клеем, отчего кредитки получались сыроватыми, а белая полоса бумаги, которую пускали в машину, наматывалась на валик, вращающийся внутри. Понятно, что как только израсходовались кредитки, пошла бумага.

После этих случаев К., обобранный шайкой «кукольников» на 90 тысяч рублей, чуть не покончил жизнь самоубийством! Пробовал он умолять шайку вернуть ему хоть часть денег, но на это аферисты предложили ему прежде найти другого такого же дурака, как он. К. действительно стал искать «дурака», но об этом узнала московская сыскная полиция. И шайка, как и самая «фабрика», <...> были открыты.

*Публикация и предисловие
Кирилла Валерьевича Жижкевича*

«Патриотическое» КОЩУНСТВО

Об одной «культурной акции»
московских транспортников

Дожили! Собор Василия Блаженного с его крестами (последние, кстати, больше похожи на католические) в числе прочих достопримечательностей Москвы изобразили на сидениях московских автобусов, недавно пущенных по маршрутам двух троллейбусов — № 2 и № 44. Занимайте места, граждане, присаживайтесь на святыню! Это — прямое оскорбление чувств верующих. Да и не только верующих: любой нормальный человек возмутится столь оригинальным «искусством».

Люди бросились звонить в Мосгортранс, но там ответили: идея принадлежит вышестоящей организации, решившей провести такую вот «акцию» в знак любви к столице, Мосгортранс же в данном случае — лишь исполнитель.

Что прикажете делать перед лицом подобного — скажем без преувеличения — кощунства? Мы предупредили Мосгортранс: если в ближайшее время положение не изменится — начнем сбор подписей под протестом...

Фотографии учиненного организаторами «акции» безобразия прилагаю.

Алевтина Сергеевна Волкова

Анна Сергеевна Жукова

Пыжевские прихожане

О старосте московской Никольской церкви в Пыжах
купце Иване Егоровиче Гаврилове (1838–1903)
и семье Чеховых

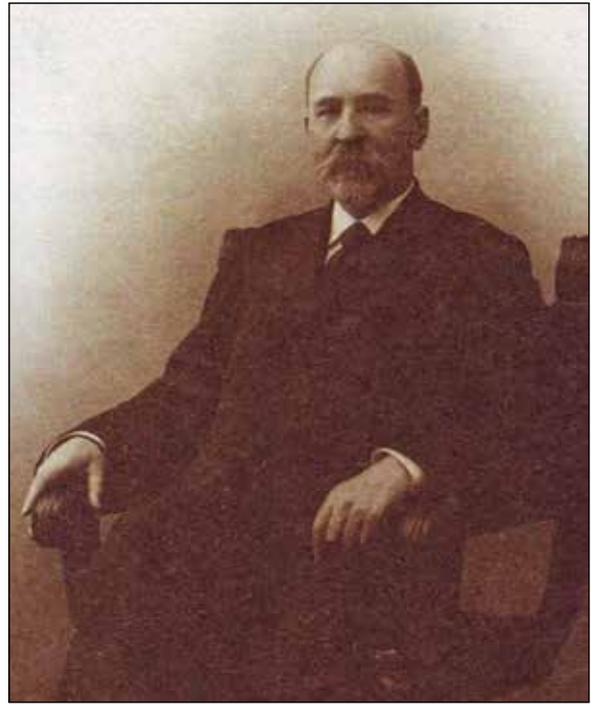
*Церковь Святителя Николая Чудотворца в Пыжах.
Фотография автора*

В Москве на Большой Ордынке находится старинная церковь Святителя Николая в Пыжах. Свое необычное «местное» название она получила по имени полковника Богдана Пыжова (1639–1703), возглавлявшего слободских стрельцов — храмоздателей Никольской церкви во второй половине XVII века. Прошли десятилетия, и церковь стала духовным центром московской приходской общины, история которой оказалась тесно связана с именами многих известных горожан. Среди них московский купец 1-й гильдии Иван Егорович Гаврилов, назначенный в 1894 году старостой Николо-Пыжевского храма.

Купцы Гавриловы были родом из города Ливны Орловской губернии¹. И.Е. Гаврилов числился купцом с 1863 года и продавал галантерею в московских торговых рядах². Его амбар, где хранились товары и производился сбыт оптом, стоял около Верхних торговых рядов в Ветошном переулке (сейчас у этого здания адрес: Ветошный переулок, 13–15). С 1870 года Иван Егорович активно занимался благотворительной деятельностью: сначала в качестве агента, а с 1877 года — как член Московского комитета для разбора и призрения просящих милостыню. За это он неоднократно награждался медалями: на Станиславской (1873), Аннинской (1880), Владимирской (1883), Александровской (1886) лентах. Последнюю награду (1899) — золотую медаль «За усердие» на Андреевской ленте — Гаврилов получил за сделанные им пожертвования для церкви Всемилоственного Спаса при Московском городском работном доме³.

С 1889 по 1899 год Иван Егорович состоял старостой при двух церквях Московского военного госпиталя. «За оказанные отличия по службе» в этой должности и пожертвования на украшение церкви, а также за постройку новой часовни на кладбище для погребения воинских чинов московского гарнизона удостоился орденов Святого Станислава III степени (1893) и Святой Анны III степени (1897), а также был возведен в потомственное почетное гражданство (1894)⁴.

Ранее, в 1881 году, И.Е. Гаврилов приобрел усадьбу Таболово в Подольском уезде⁵. Здесь он в течение четырех трехлетий исполнял обязанности старосты местной Успенской церкви⁶. 1 января 1895 года таболовские прихожане избрали его на пятое трехлетие, однако епархиальное началь-

*Иван Егорович Гаврилов.
Фотография конца 1890-х годов*

ство не утвердило это избрание, поскольку по недавнему (август 1892) определению Святейшего синода одно и то же лицо не могло быть старостой при нескольких церквях, а Иван Егорович с 1894 года (см. выше) уже занимал такую же должность при Николо-Пыжевском храме. После повторного прошения прихожан местный благочинный подал епархиальному начальству и свое ходатайство: «Приход села Таболова, по крайней малочисленности, был соединен с соседним приходом села Дыдылдина и только благодаря щедротам купца Гаврилова, устроившего дома для причта и заново отремонтировавшего величественный храм, стал приходом самостоятельным. Содержать и поддерживать Таболовский обширный храм прихожане села Таболова не в состоянии без пособия местного землевладельца Гаврилова»⁷. Согласно резолюции митрополита Московского и Коломенского Сергия (Ляпидевского), И.Е. Гаврилову было предложено отказаться от должности церковного старосты при Никольском храме и перейти на службу в Успенскую церковь. Однако купец отказался.

Между тем Иван Егорович добросовестно и усердно исполнял возложенные на него обязанности в Николо-Пыжевском храме, щедро жертвуя на храмовые нужды. В 1895 году его иждивением был капитально отремонтирован ветхий церковный дом.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

*Александра Федоровна Гаврилова.
Фотография начала 1900-х годов*

Кроме того, на протяжении десяти лет он являлся попечителем пыжевской церковно-приходской школы.

Сохранились некоторые сведения о личной жизни И.Е. Гаврилова. От первого брака с Е.И. Капыриной он имел сына, умершего во младенчестве, и дочь Раису. 2 апреля 1874 года в возрасте 31 года Елизавета Ионовна скончалась от чахотки и после отпевания в Николо-Пыжевском храме была погребена на кладбище Покровского монастыря, где находилась семейная усыпальница Гавриловых⁸. Спустя три месяца в том же Никольском храме Иван Егорович обвенчался с А.Ф. Бубновой⁹. Александра Федоровна была родственницей московского купца 1-й гильдии потомственного почетного гражданина Семена Федоровича Бубнова — владельца известного московского трактира, располагавшегося по соседству с торговым амбаром Гаврилова в Ветошном переулке. В этом браке родились сын Иван и дочь Надежда, крещенная опять же в Никольском храме¹⁰.

*Ветошный переулоч, 13–15.
Бывшее торговое подворье
И.Е. Гаврилова*

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Верхние торговые ряды и лавки Ветошного ряда. Фотографии 1886 года

* * *

Говоря об И.Е. Гаврилове, нельзя не сказать о той роли, которую он сыграл в жизни семьи Чеховых. В 1863 году к еще только начавшему богатеть купцу Гаврилову был отдан в мальчики 12-летний Миша Чехов — двоюродный брат Антона Павловича Чехова. Работая в торговом амбаре в Ветошном переулке, богомольный и усердный Миша поставил себе цель выбиться в люди. Прошли долгие годы в терпеливых однообразных трудах, о чем юноша писал сестре в Калугу: «Время провожу я очень и очень скучно. После 6-го числа, кроме гавриловского дома и амбара, нигде не был. В праздники сижу дома. В Успение утром ходил в Кремль и потом был в некоторых часовнях»¹¹. Все служащие И.Е. Гаврилова обитали в его доме в Грибоедовском (ныне Пыжевском) переулке, располагавшемся на месте современного дома №6.

Из своих скромных заработков Михаил выделял деньги на помощь отцу, Михаилу Егоровичу Чехову, снабжал материалами отцовскую переплетную мастерскую в Калуге. Был он у Гаврилова на хорошем счету и со временем сделался старшим приказчиком. Имея перед собой положительный пример, М.Е. Чехов решил определить к Гаврилову и своего младшего сына Григория, который чрезмерно «баловался» в Калуге.

В 1875 году круг общения Михаила расширился: в Москву приехали учиться Александр и Николай — старшие братья Антона, установившие дружеские отношения с единственным в городе родственником. Тем временем Антон, живший в Таганроге, начал издавать там рукописный юмористический журнал «Заика». После того как таганрогские знакомые прочитывали очередной номер, А.П. Чехов отсылал его в столицу. Весной 1876 года Александр писал Антону: «Два номера “Заики” получены, и оба произвели эффект в магазине Гаврилова. Последний номер даже самого Гаврилова Ивана Егоровича, 1-й гильдии московского купца, так сказать, расшевелил, так что он, умилясь душою, потрепал меня по плечу и сказал: “Да-с, молодой человек”»¹².

В апреле 1876 года в Москву выехал отец писателя — разорившийся таганрогский мещанин Павел Егорович Чехов. За ним вскоре последовала супруга Евгения Яковлевна с детьми Мишей и Машей, затем прибыл сын Иван. Первое время Чеховы терпели в Москве крайнюю нужду.

*Михаил Михайлович Чехов.
Фотография 1880-х годов*

Евгения Яковлевна писала оставшемуся в Таганроге Антону: «Заложить уже нечего, я чуть жива от горя, совсем упала духом. <...> Мне дали от Гаврилова мальчикам рубахи шить — по 10 коп. за каждую, <...> недавно получила за 10 руб[ах] 1 руб. На 2 дня стало на хлеб. <...> Теперь дни и часы буду считать с замирающим сердцем, пока ты деньги пришлешь»¹³.

Наконец в ноябре 1877 года благодаря рекомендации 26-летнего племянника Михаила, который приобрел к тому времени у хозяина значительный авторитет, Павел Егорович получил место писца в торговом заведении И.Е. Гаврилова. Об этом времени Михаил Павлович Чехов впоследствии вспоминал: «Возвратясь из гимназии, я бежал к нему (П.Е. Чехову. — А. Ж.) помогать. Откуда-то приехал купец для закупки товаров у Гаврилова и, увидев меня, заговорил со мной, задавал вопросы, и окончилось дело тем, что он в ту же зиму и умер, завещав мне на образование по пятидесяти рублей в год. Душеприказчиком он назначил того же купца И.Е. Гаврилова, который, выдавая мне эти деньги, всякий раз делал мне допрос, хожу ли я в церковь, чту ли царя, не готовлю ли себя в “специалисты” (социалисты) и так далее, чем приводил меня в большую обиду»¹⁴.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

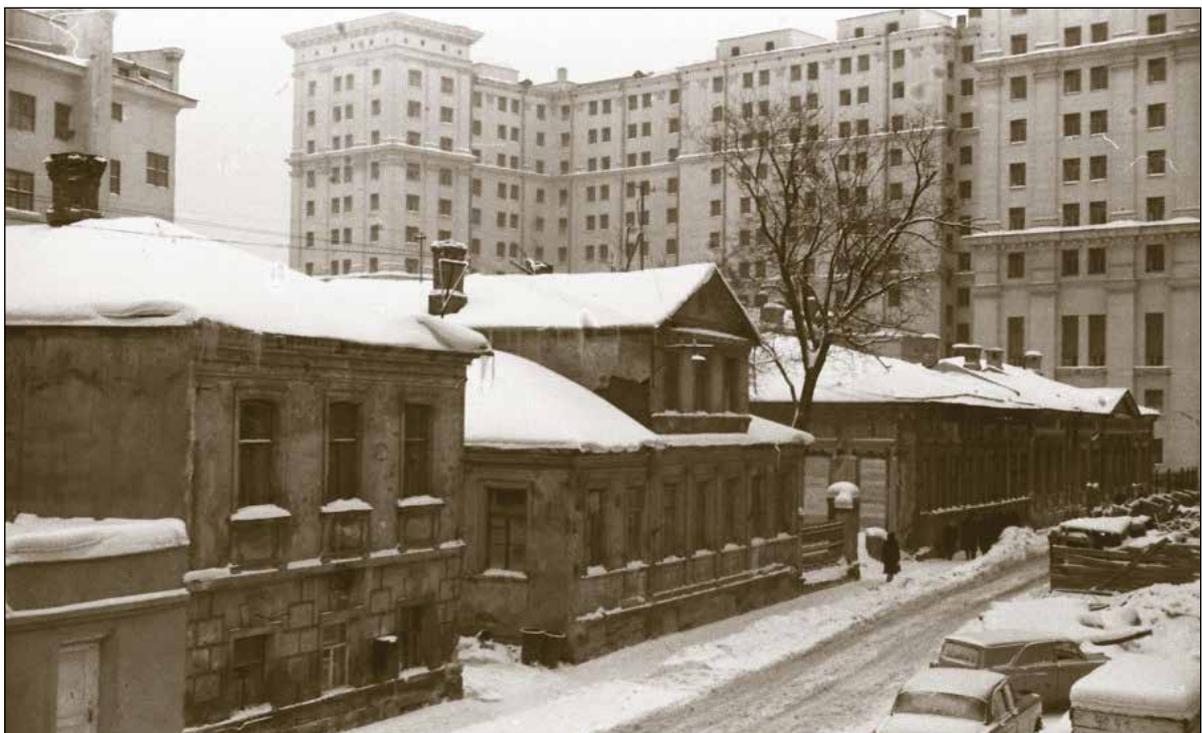

*Павел Егорович Чехов.
Фотография 1870-х годов*

Через некоторое время П.Е. Чехов был зачислен конторщиком, о чем гласит записка в его книжке: «Поступил я к Гаврилову в услужение за 40 р. в месяц <...> на харчи 5 р.»¹⁵.

«Павел Егорович вел отчетность по отпуску товаров из амбара. Дело для него нетрудное. Столовался вместе с другими служащими, которых было более семидесяти. Сидел он на втором этаже, куда вела неказистая узкая лестница. Здесь же, в доме по Ветошному переулку, поначалу и жил, приходя в семью в свободные и праздничные дни. Он отдавал жене 36 руб., оставляя себе немного на баню, портного и свечи в храме. <...>

Нравы амбара и присловья вроде “хозяин строг”, “эндакая штука” долго были у братьев Чеховых предметом шуток. Но не при отце. Павел Егорович, обретя службу, сразу заважничал. <...> Все пошло по порядку, ранжиру. Работа начиналась в 8 часов утра, кончалась в 9 вечера, когда подавали обед. Ели плотно, не спеша. Праздничный стол бывал обилен и разнообразен. Одна из трапез описана П.Е. Чеховым так: “Подали пирог с рыбой вязигой и астраханскую икру, потом суп со стерлядью, потом жареную белугу с огурцами, потом сладкий пирог с вареньем, потом явился сам хозяин к обедающим и предложил курящим по гаванской сигаре”. Павел Егорович не курил, но хозяйское внимание его растрогало. Не раз говорил, сколь счастливы служащие, особенно приказчики, получающие 120 руб. годовых, общий

*Пызhevский переулок.
Фотография А.И. Хлупнова. 1960 год*

стол и каждодневную напряженную работу, ибо «праздность есть мать многих пороков». Но своих сыновей сюда не звал. Слишком долго и далеко до собственного капитала»¹⁶.

Служба П.Е. Чехова закончилась в 1891 году. По этому поводу он сделал запись в дневнике: «Сего года 28 апреля прекращены мои занятия и служебные дела по торговле у почетного потом[ственного] гражд[анина] И.Е. Гаврилова»¹⁷. Сыну Ивану сообщил: «Я свободен, у г-на Гаврилова больше не занимаюсь. Пора уже и отдохнуть»¹⁸. Однако и после увольнения Павел Егорович продолжал поддерживать отношения со своими бывшими коллегами, о чем свидетельствует другая дневниковая запись: «Воскресенье. Был в амбаре Гаврилова, видел сослуживцев. Обедал у М.М. Чехова»¹⁹.

* * *

Возможно, впервые А.П. Чехов встретился с купцом, покровительствующим его родным, во время первого приезда в Москву (1877). Позднее в письме от 16 апреля 1878 года он, поздравляя двоюродного брата с Пасхой, передавал поклон товарищам Михаила по службе, с которыми «имел удовольствие познакомиться». На конверте значилось: «В Москву. Михаилу Михайловичу Чехову. Замоскворечье. Дом Ивана Егоровича Гаврилова»²⁰.

Еще до устройства отца в гавриловский амбар в письме от 25 августа 1877 года Антон Павлович просил М.М. Чехова пристроить в Москве другого своего двоюродного брата (по линии матери) — юного Алексея Алексеевича Долженко: «Если ты его определишь к Гаврилову, то благо сделаешь»²¹. Михаил Михайлович просьбу выполнил, и на следующий год 13-летний Алеша перебрался в Москву, где был принят на службу мальчиком в торговое заведение И.Е. Гаврилова. Позднее А.А. Долженко вспоминал: «В Москве на Ильинке, в Теплых рядах, купец Гаврилов имел оптовую торговлю модно-галантерейными товарами. Помещалась она в каменных амбарах и складах, напоминающих огромные сараи. При этих складах была контора, в которой отец Антона Павловича занимал должность конторщика, а я работал в то время при складах продавцом»²².

В августе 1879 года завершивший гимназический курс Антон Чехов окончательно

*Алексей Алексеевич Долженко.
Фотография начала 1890-х годов*

переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. К этому времени положение его отца у И.Е. Гаврилова упрочилось, однако кредиторы по старым таганрогским делам все еще продолжали беспокоить Павла Егоровича. Время от времени он получал повестки от судебных приставов. В ответ на одну из них должник собственноручно написал в свою защиту от имени хозяина уведомление в Таганрогский коммерческий суд: «Имею честь уведомить, что <...> мещанин Павел Егорович Чехов находится у меня в качестве счетовода и получает жалованья в год 300 р. А так как он, Чехов, забрал у меня деньги за два года вперед, то плату выдаю ему по мере необходимости на семейные нужды. Сентябрь 28 дня 1880 г.». По-видимому, бумага «от Гаврилова» свою роль сыграла, и приставы успокоились²³.

Сохранился черновик поздравительного письма Павла Егоровича своему благодетелю И.Е. Гаврилову — из тех, какие часто приходилось править Антону.оборот «не имел счастья лично» сын предлагал заме-

нить на «не имел возможности», «присовокупляю» — на «прошу передать» и тому подобное²⁴.

Отношения самого писателя с купцом Гавриловым складывались неоднозначно. Он приобретал для себя в гавриловском амбаре разные товары, а став врачом, бесплатно лечил служащих Ивана Егоровича²⁵. Из письма А.П. Чехова М.М. Чехову от 25 сентября 1885 года: «Если у вас не раздумали посылать ко мне мальчиков лечиться, то я к услугам И[вана] Е[горовича]. Принимаю от утра до обеда, т. е. от 10 до 2»²⁶. На рабочий адрес отца Антон Павлович просил некоторых издателей высылать причитающиеся ему гонорары. В частности Н.А. Лейкину, редактору-издателю журнала «Осколки», он писал: «Вы пришлите мне 70 руб. <...> Высылайте их по адресу: Москва, Теплые ряды, амбар И.Е. Гаврилова, Павлу Егоровичу Чехову, т. е. моему родителю»²⁷. В другом чеховском послании — к А.А. Долженко — также упоминается купец: «Милейший друг Алексей Алексеич! <...> Мы ждем тебя к себе на дачу. Если не приедешь, то я донесу Ивану Егоровичу, что ты бываешь у барышень Ермолиных»²⁸.

Известно о существовавшей между А.П. Чеховым и И.Е. Гавриловым переписке. Так, в письме к Гаврилову от июня 1888 года из Сум, где семья Чеховых отдыхала на даче, Антон Павлович просил дать отцу отпуск. По сему поводу Павел Егорович сообщал сыну Ивану: «Отпуск взял на 2 недели. Выезжаю в воскресенье 26 числа к вам. Спасибо Антоше. Его письмо к Гаврилову подействовало. Он, Гаврилов, давал мне читать письмо»²⁹.

В то же время есть основания считать, что А.П. Чехов и И.Е. Гаврилов с какого-то момента перестали ладить между собой. Мария Павловна Чехова — правда, уже в очень преклонном возрасте — вспоминала: «В амбаре Антона Павловича ненавидели. Когда он уходил, раздавался голос Гаврилова: “Этот волчий дух!”»³⁰ Было ли такое, мы не знаем, но сохранилось письмо А.П. Чехова к брату-журналисту Александру, где говорится — возможно, в шутку — о желании породниться с купцом: «Суворин (издатель газеты “Новое время”. — А. Ж.) пресерьезнейшим образом предложил мне жениться на его дочери, которая теперь ходит пешком под столом. <...> Когда я думал жениться на гавриловской дочке, то грозил, что разжалую отца и Алексея

*Храм Святителя Николая Чудотворца
в Пыжах. Фотография 1882 года.
ГМА имени А.В. Щусева*

в мальчики; теперь же — берегись! Когда женюсь на суворинском индюшонке, то возьму всю редакцию в ежи, а тебя выгоню»³¹. Нельзя исключать, что внимание, проявленное писателем к купеческой дочери, явилось причиной раздора между ним и ее отцом. По мнению некоторых исследователей чеховского творчества, впоследствии Антон Павлович продолжал интересоваться судьбой девушки, ставшей прототипом героини рассказа «Душечка» (1899). Повседневный же быт торгового заведения И.Е. Гаврилова нашел отражение в повести «Три года» (1895). Брат А.П. Чехова Михаил Павлович свидетельствовал: в повести действительно описан амбар Ивана Егоровича. Прямо указывает на это и упоминающаяся в произведении соседняя Никольская улица, а также располагавшийся рядом трактир Бубнова. Один из персонажей — замоскворецкий старик-купец Лаптев, занимающийся оптовой торговлей галантереей, владеющий амбаром в городских рядах, состоящий церковным старостой и попечителем церковноприходской школы, — явно напоминает Ивана Егоровича. Считается также, что описание дома Лаптевых на Пятницкой улице в значительной мере воспроизводит обстановку дома Гавриловых в Грибоедовском переулке. В частности (характерная

*Григорий Михайлович и Александра Михайловна
Чеховы с дочерью Александрой.
Фотография начала 1890-х годов*

*Анна Ивановна Чехова.
Фотография 1880-х годов*

деталь), подобно приказчикам Гаврилова, все служащие купца Лаптева обитают под хозяйским кровом. В изображении быта приказчиков интересна следующая фраза: «Каждый праздник служащие обязаны были ходить к ранней обедне и становиться в церкви так, чтобы их всех видел хозяин»³². Все лаптевские приказчики посещали одну церковь — ту, в которой Лаптев был старостой. Посему можно предположить, что приказчики И.Е. Гаврилова являлись прихожанами Николо-Пыжевского храма — среди них Алексей Долженко и Чеховы: Павел Егорович, Михаил Михайлович, Григорий Михайлович; однако документально данное обстоятельство подтверждается пока только в отношении двоих последних.

С 1880 по 1909 год братья Чеховы неоднократно упоминаются в метрических книгах храма в качестве восприемников при крещении детей и как брачные поручители³³. Здесь же совершились и их собственные венчания: 30 октября 1888 года — 36-летнего Михаила Михайловича с 17-летней Анной Ивановной Бабашевой, московской мешанкой Огородной слободы, а 8 ноября 1896-го — 38-летнего Григория Михайловича с 32-летней Александрой

Михайловной Михайловой, безземельной крестьянкой Селищенской волости Смоленской губернии³⁴. Причину столь позднего вступления в брак обоих братьев, вероятно, раскрывает А.П. Чехов в той же повести: «Ничто не запрещалось приказчикам прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что — нет. Им не запрещалось жениться, но они не женились, боясь не угодить своею женитьбой хозяину и потерять место»³⁵.

* * *

У М.М. Чехова с А.И. Бабашевой родилось четверо детей. «Поразительный красавец, очень порядочный человек, добрый и великолепный семьянин», — отзывался о нем двоюродный брат М.П. Чехов³⁶. Михаил Михайлович был активным жертвователем на нужды Николо-Пыжевской церковноприходской школы³⁷. До своей кончины он с семьей проживал в доме причта Никольской церкви (ныне — улица Большая Ордынка, 27а/6, строение 3)³⁸. В то время настоятелем храма являлся протоиерей Николай Семенович Померанцев (1862–1924). Его сын Николай Николаевич (1891–1986) — выдающийся теоретик

и практик музейного дела, исследования и реставрации памятников древнерусского искусства. По свидетельству одной из нынешних прихожанок храма, близко знавшей Н.Н. Померанцева, тот рассказывал ей, что Антон Павлович неоднократно навещал своего двоюродного брата. Во время визитов, приходившихся на второй день после Пасхи, А.П. Чехов присутствовал на праздничных богослужениях в Никольском храме и пел на клиросе. Местные дети, среди них и юный Николай Николаевич, с любопытством бегали смотреть на знаменитого писателя. Михаил Михайлович скончался 31 декабря 1909 года от крупозного воспаления легких. Отпевание состоялось в Николо-Пыжевском храме³⁹, похороны — на кладбище Свято-Данилова монастыря⁴⁰.

М.М. Чехов не намного пережил хозяина, умершего также от крупозного воспаления легких⁴¹. После отпевания в родном храме И.Е. Гаврилов был погребен в семейной усыпальнице на кладбище Покровского монастыря⁴². В последние годы жизни Иван Егорович состоял членом-благотворителем приходского попечительства о бедных при Климентовском храме⁴³. Дело супруга продолжила вдова Александра Федоровна, а затем их сын Иван Иванович⁴⁴. Здание гавриловского амбара, которое купец арендовал долгие годы, стало собственностью семьи в начале 1910-х годов⁴⁵. Ныне на доме № 13–15 по Ветошному переулку установлена мемориальная доска с надписью о том, что здесь находилось торговое подворье И.Е. Гаврилова.

¹ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 118. Л. 130 об.—131.

²Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 1. М., 1974. С. 548–549.

³ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 105. Л. 1 об.—2 об.

⁴Там же. Л. 2 об.—3 об.

⁵Видновский край с древнейших времен до наших дней. М., 2006. С. 228.

⁶ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 744. Д. 382. Л. 99 об.—100.

⁷Там же. Л. 99 об.—100, 391 об.—392.

⁸Там же. Оп. 776. Д. 118. Л. 166 об.—167.

⁹Там же. Л. 161 об.—162

¹⁰Там же. Оп. 768. Д. 73. Л. 324 об.—325.

¹¹Кузичева А.П. Чеховы. Биография семьи. М., 2010. С. 17.

¹²Бердников Г.П. Чехов. М., 1974. С. 27.

¹³Кузичева А.П. Жизнь «отдельного человека». СПб., 2011. С. 42.

¹⁴Дроздов М.С. Ордынка. Гавриловы и Чеховы, похожие и разные // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. Вып. 12. М., 2013. С. 253.

¹⁵Кузичева А.П. Чеховы... С. 36.

¹⁶Там же. С. 36–37.

¹⁷Бердников Г.П. Указ. соч. М., 1974. С. 260.

¹⁸Кузичева А.П. Чеховы... С. 45.

¹⁹Мелиховский летописец. Дневник Павла Егоровича Чехова. М., 1995. С. 79.

²⁰Чехов А.П. Указ. изд. Т. 1. С. 30.

²¹Там же. С. 28.

²²Долженко А.А. Воспоминание родственника об Антоне Павловиче Чехове // А.П. Чехов. Сборник статей и материалов. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1959. С. 341.

²³Дроздов М.С. Указ. соч. С. 255.

²⁴Кузичева А.П. Чеховы... С. 42.

²⁵Тихонов И. Чеховы в усадьбе Таболово // Ленинец. Видное, 1990. 1 февраля. С. 3.

²⁶Чехов А.П. Указ. Изд. Т. 1. С. 159.

²⁷Там же. С. 252.

²⁸Там же. Т. 2. М., 1975. С. 90.

²⁹Там же. С. 541.

³⁰Дроздов М.С. Указ. соч. С. 255.

³¹Чехов А.П. Указ. изд. Т. 2. С. 210.

³²Там же. Т. 9. М., 1985. С. 37.

³³ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 118. Л. 269; Д. 120. Л. 66 об.—67, 76, 99 об.—100; Д. 121. Л. 60 об.—61; Д. 119. Л. 76 об.—77; Ф. 2121. Оп. 2. Д. 3. Л. 36 об.—37.

³⁴Там же. Ф. 203. Оп. 776. Д. 119. Л. 79 об.—80; Д. 120. Л. 87 об.—88.

³⁵Чехов А.П. Указ. изд. Т. 9. С. 37.

³⁶Бердников Г.П. Чехов. М., 1974. С. 35.

³⁷Подробнее см.: Жукова А.С. Никола в Пыжах. М., 2015.

³⁸См. адресно-справочные книги «Вся Москва» на 1903–1909 гг.

³⁹ЦГА Москвы. Ф. 2121. Оп. 2. Д. 3. Л. 333 об.—334.

⁴⁰Уничтожено в 1930-х гг.

⁴¹ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 766. Д. 121. Л. 150 об.—151.

⁴²Уничтожено в 1930-х гг.; в настоящее время на его месте расположен парк культуры и отдыха «Таганский».

⁴³ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 543. Д. 35. Л. 110; Оп. 544. Д. 7. Л. 52; Оп. 545. Д. 31. Л. 123.

⁴⁴Там же. Оп. 550. Д. 5. Л. 76; Оп. 759. Д. 813. Л. 85; Д. 906. Л. 6; Д. 1208. Л. 30.

⁴⁵Дроздов М.С. Указ. соч. С. 261.

Ксения Всеволодовна Авилова

РАСТИТЕЛЬНЫЙ И ЖИВОТНЫЙ МИР МОСКВЫ

Как исторически складывался и что ныне собой представляет
природный комплекс российской столицы*

Москва обладает уникальным природным наследием. Национальный парк «Лосиный Остров», Битцевский природный парк, заповедник Тимирязевской сельскохозяйственной академии, природно-исторические парки «Измайлово», «Сокольники», «Фили-Кунцево», «Царицыно»,

природные заказники «Воробьевы горы», «Крылатские холмы» и «Теплый Стан», памятники природы «Серебряный Бор» и «Шукинский полуостров», многие другие островки живой природы создают неповторимый ландшафт, присущий только столице России.

*Полный вариант публикации: *Авилова К.В.* Живая природа и природный комплекс Москвы // Пресса в образовании. Природа Москвы. Приложение к «Московскому журналу. История государства Российского». М., 2016.

ИССЛЕДОВАТЬ, ВОССТАНОВИТЬ, СБЕРЕЧЬ

Для устойчивого существования разнообразной фауны в Москве прежде всего необходимо сохранить крупные природные массивы, водоемы, побережья, предотвратить расчленение и изоляцию проезжими дорогами отдельных природных очагов, связанных речными долинами, придорожными посадками, живыми изгородями. Особое значение имеют прибрежные зоны как места расселения и сезонных миграций животных.

Москва находится на стыке трех ландшафтных районов — Смоленско-Московской возвышенности, Москворецко-Окской равнины и Мещерской низменности. Расширение города началось давно и осуществлялось во всех направлениях, заметно ускорились в конце XX столетия. Нынешняя Москва — самый северный и самый континентальный европейский мегаполис. В XX веке она разрасталась поэтапно и кольцеобразно, постепенно вбирая в себя леса, водоемы, населенные пункты, сельскохозяйственные угодья.

Но лесная среда обитания до сих пор продолжает сказываться на облике природных московских территорий и составе их животного мира.

* * *

За время, прошедшее с тех пор, как на Москве-реке более восьми веков назад возникла первая крепость, город вобрал в себя более 70 километров реки. Главной ареной градостроительства были и до сих пор остаются широкие террасы древней речной долины. До неузнаваемости изменились берега, мало что осталось от исходного их облика. Тем интереснее распознать его, несмотря на все произошедшие метаморфозы.

Река в городе — не только транспортная магистраль и источник водоснабжения. Река и ее долина — путь через город для всего живого: по реке проходят трассы пролета птиц, по ней расселяются многие водные и сухопутные животные, водой

*Водоплавающие птицы, которых можно увидеть в Москве.
Все виды, кроме кряквы и шилохвosti,
занесены в Красную книгу города Москвы (2011)*

*Птенец болотной курочки-камышницы легко ходит по плавающим листьям благодаря своим длинным пальцам.
Фотография С.Л. Елисеева*

переносятся семена и споры растений. Благодаря реке город становится пролицием для жизни, бурлящей за его пределами, а это обогащает городскую среду и делает ее более пригодной для человека.

Москва-река вступает в город, уже пробежав по просторам Русской равнины 300 километров. По мнению лингвиста и филолога академика В.Н. Топорова (1928–2005), название *Москва* означает «река с заболоченными, топкими берегами». Обычно реки, текущие в таких берегах, очень извилисты, что и подтверждает конфигурация русла реки Москвы, делающей в городе 12 крутых поворотов. А о существовании многочисленных болот напоминают топонимы — например, Болотная площадь. Это первая экологическая особенность реки, с которой человеку пришлось считаться на протяжении всей истории нашей столицы.

Питание реки Москвы на 61% снеговое, на 27% грунтовое и на 12% дождевое. Это вторая важная экологическая особенность

реки: чтобы сохранить ее полноводность, необходимы обширные леса, которые задерживают снег, и родники — источники грунтового питания. В долине Москвы-реки есть немало редких видов растений, проникающих в лесную зону с юга, из лесостепи: бок о бок с северянами здесь растут астрагал, синеголовник, таволга шестилепестная, скабиоза, ежевика. Все они вселились в лесную зону благодаря реке.

* * *

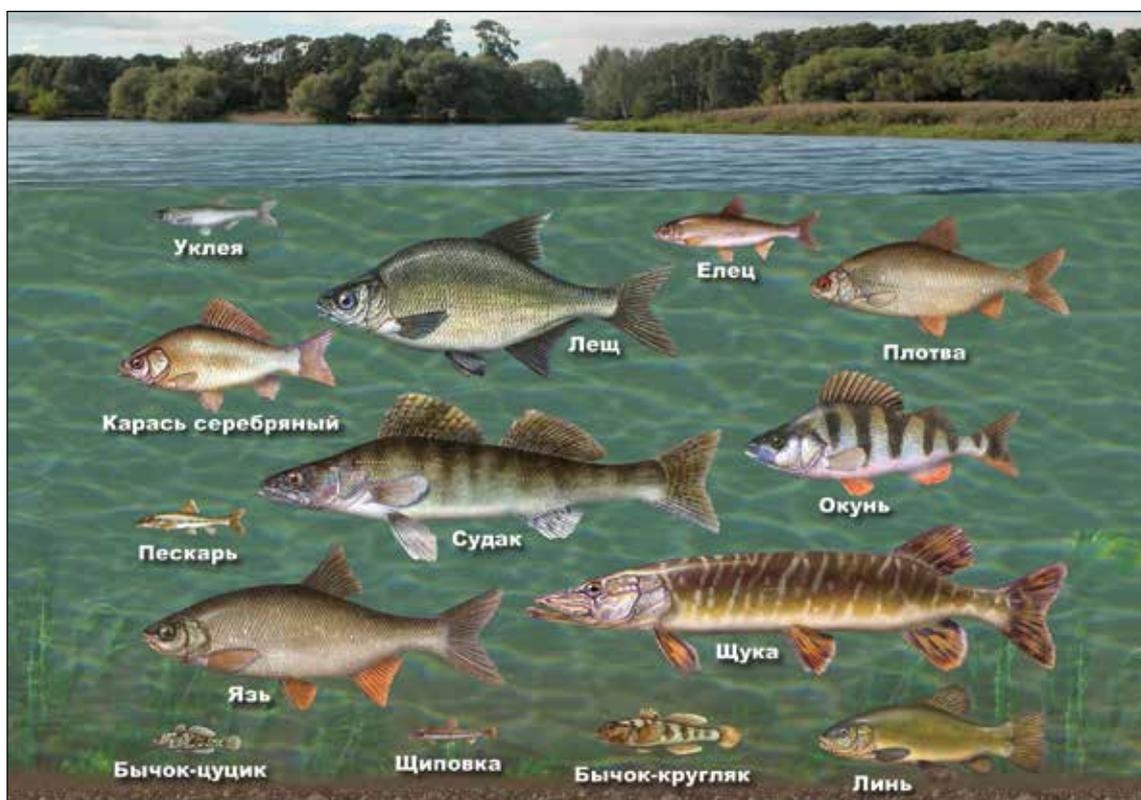
Северо-западный угол города, прорезанный речной долиной, привлекателен для многих видов птиц, давно ставших редкими в других местах. Он служит своеобразным резерватом, пополняющим биологическое разнообразие городских территорий. В окрестностях гнездятся или постоянно обитают хищные птицы, которые считаются хорошим индикатором сохранности природного комплекса: ястреба тетеревятник и перепелятник, болотный лунь, пустельга,

совы неясить и ушастая. Вдоль Москвы-реки весной и осенью перемещается множество перелетных птиц, преимущественно околородных. Зимой, когда северный отрезок реки покрывается льдом, их можно наблюдать на юго-востоке столицы, в районе Марьино. Как-то осенью на Москве-реке до самого ледостава держались шесть диких лебедей-кликунов.

С вводом канала имени Москвы уровень воды в Москве-реке поднялся на три метра, и вся низкая пойма практически исчезла. В реку стало дополнительно поступать 30 кубометров воды в секунду. Оказались залитыми многие низкие участки берегов, потребовалось их срочное укрепление. Поднялся уровень воды в Яузе и других притоках. Все эти события были вызваны острым дефицитом воды, который среди прочего обуславливался экологическими причинами. Быстрое развитие промышленности и водопотребления сопровождалось уничтожением лесов в бассейне реки, распашкой берегов, засорением ключей и источников. Нехватка воды в Москве-реке заставила искать выход в переброске сюда части волжского стока. Гидротехнические мероприятия сильно изменили первоначальный облик реки.

* * *

В 1998 году ихтиологи МГУ на этом участке Москвы-реки выявили 20 видов рыб, среди которых доминируют плотва, лещ и окунь. Причем у плотвы обнаружена так называемая «индустриальная раса», довольно устойчивая к загрязнениям. Всего в Москве-реке обитает 35 видов рыб (1990-е годы): возле Рублевской очистной станции встречается от 24 до 27 видов, в центре города — 10–13, а в устье Яузы всего 2–3, в том числе неприхотливая плотва. В районе Бесед¹ преобладает серебряный карась — рыба сильно заиленных стариц и прудов. В глубоких местах водится сом, по всей реке довольно распространен судак. В 1990-х годах в Москве-реке акклиматизировались некоторые виды, ранее не встречавшиеся: угорь, горчак, бычки кругляк и цуцик, чехонь, радужная форель. Они попали к нам разными путями: бычки — с обросшими днищами судов; горчак — из Можайского водохранилища, где был использован в качестве наживки на щуку; чехонь — как из Оки, так и из волжских водохранилищ; форель — из рыбоводных прудов. На участке сброса с Курьяновской очистной станции благодаря аквариумистам появилась популяция гуппи.

Некоторые виды рыб Москвы-реки и ее главных притоков. Елец, язь, щиповка и линь занесены в Красную книгу города Москвы (2011)

ИССЛЕДОВАТЬ, ВОССТАНОВИТЬ, СБЕРЕЧЬ

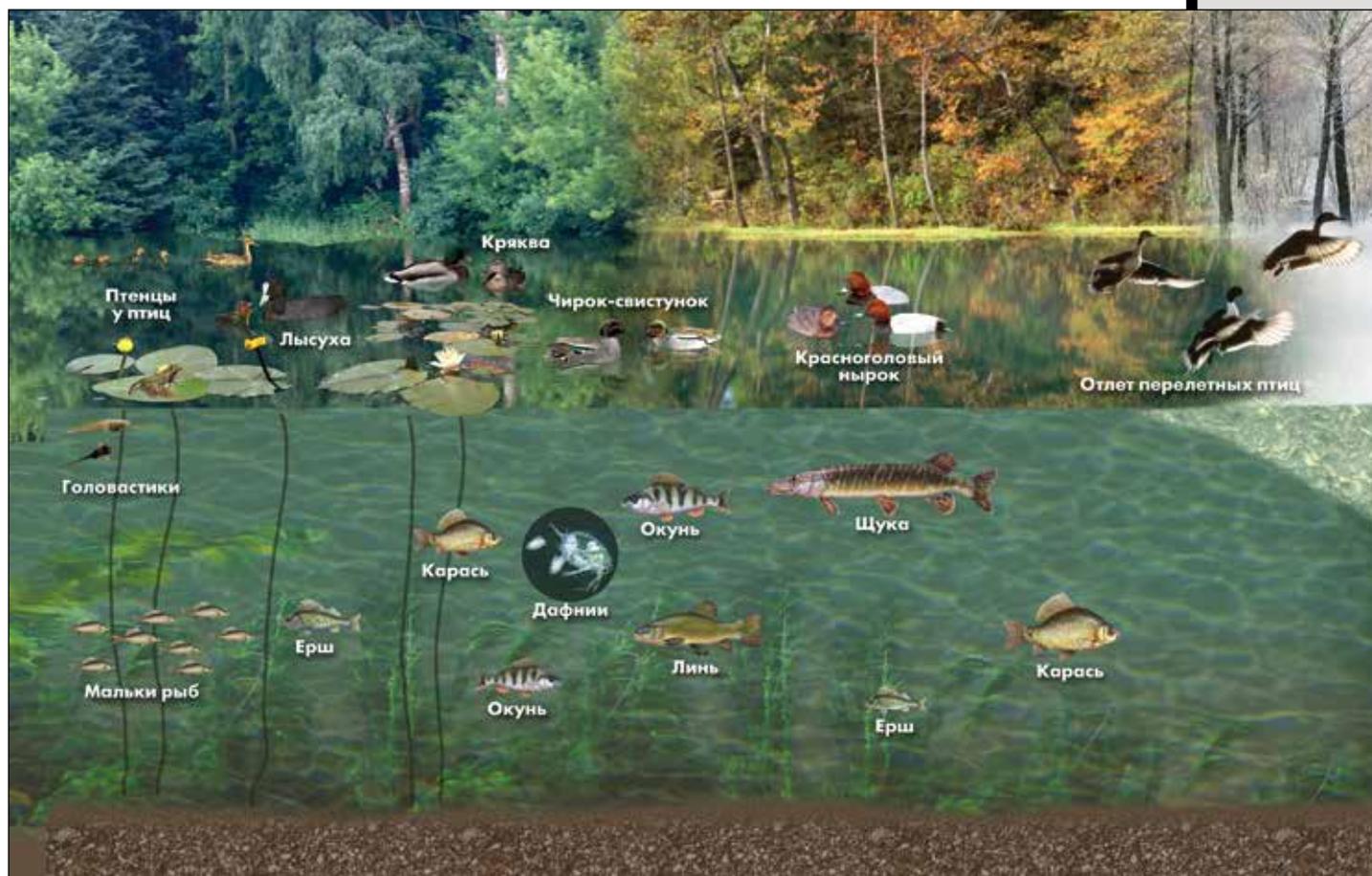
Основным кормом для рыб, как и для многих водоплавающих птиц, служит червь-трубочник, а также ракообразные (дафнии, циклопы). Всех их особенно много на участках сброса очищенных хозяйственно-бытовых стоков, несущих тем не менее большое количество органики. Сильное загрязнение воды приводит к появлению у рыб разнообразных аномалий: укороченные челюсти, искривленный позвоночник, редукция² плавников и глаз, деформация боковой линии и другие. У многих экземпляров наблюдали несколько типов таких уродств одновременно.

* * *

Вдоль крутого левого берега Москвы-реки вплотную к воде подходит высокая третья надпойменная речная терраса, очень сложная по строению и процессу формирования. Этот элемент рельефа занимает значительную площадь на территории города, особенно на левом берегу. Терраса охватывает все пространство между рекой

и Ленинградским шоссе, Тверской улицей, Лубянской и Красной площадями, достигая 40 метров абсолютной высоты. Вдоль улицы Живописной она образует действительно очень красивый головокружительный спуск к воде. На склоне и бровке террасы вдоль корпусов НИЦ «Курчатовский институт» растут старые сосны. Это уцелевший фрагмент естественного растительного покрова, занимавшего сравнительно небольшую территорию в бывшем Подмоскovie — полосе примоскворецких надпойменных террас, получивших название боровых. От Москвы они тянутся на запад через Рублево, Барвиху, Усово и далее на Звенигород.

Напротив высокого левого берега простирается узкая песчаная коса, оканчивающаяся расширенным полуостровом неправильной формы. Это Шукинский полуостров, с запада омываемый обширным неглубоким водоемом, известным под названием Строгинский затон. Водоем, как и полуостров, имеет искусственное происхождение. Во время бурного строительства

*Сезонный цикл природного комплекса Москвы.
Осенью большинство зимующих в городе птиц собирается в местах подкормки.
Кряквы, гоголи и некоторые другие утки с замерзающих прудов перемещаются на незамерзающие реки*

ИССЛЕДОВАТЬ, ВОССТАНОВИТЬ, СБЕРЕЧЬ

Москвы и стремительного расширения ее территории песок и гравий было невыгодно доставлять издалека. Их предпочитали добывать в пойме и русле Москвы-реки прямо в городе. На месте одного из таких карьеров и образовался новый водоем, который соединили с рекой и включили в западную зону отдыха. Сохранившаяся часть поймы при этом превратилась в Щукинский полуостров. Узкий длинный залив, вдающийся глубоко в полуостров, получил у жителей окрестных кварталов название «озеро Чистое» — за прозрачную воду. После образования затона еще продолжается формирование его берегов, которые постоянно подмываются при волнении, поэтому площадь полуострова уменьшается, а форма береговой линии изменяется. Все пейзажи полуострова, привлекающие сотни отдыхающих, возникли в течение последних 50–60 лет за счет расселения растений с соседних территорий и естественного процесса почвообразования. Эти луговые, лесные и болотные экосистемы восстановились без участия человека

в условиях произвольно поставленного естественного эксперимента. Самые высокие сухие песчаные участки заняла мало-требовательная к условиям питания сосна. Наоборот, переувлажненные понижения, где иногда до середины лета застаивается вода, оказались благоприятными для разнообразных ив: их на полуострове девять видов. На средних по условиям увлажнения территориях выросла вездесущая береза, сейчас составляющая большую часть растительного покрова. Интересно, что вслед за ивами и березами начали появляться и молодые елочки — лес второго поколения, в естественных условиях обычно сменяющий мелколиственный березняк. Восстановленные растительные сообщества активно осваиваются птицами. Заросли ивы и тростниковое болотце населяют камышевки-барсучки, камышевые овсянки, варакушки, более сухие участки — соловьи, садовые камышевки. Сырые луговины заняты желтыми трясогузками, сухие — луговыми чеканами. На отмелях по берегам залива кормятся

Весной в прудах и вокруг них бурно растут и цветут растения, нерестятся рыбы и амфибии, выводят птенцов птицы. В это время очень важно соблюдать тишину и не нарушать местообитание растений и животных

белые трясогузки, опушки ивняков занимают пеночки-веснички, пригорки с редко растущими деревьями — обыкновенные овсянки. Толстые дуплистые ивы используют для гнездования скворцы, полевые воробьи, мухоловки-пеструшки, большие синицы. В густых ивняках у воды гнездятся сороки. На мокром осоковом лугу весенними вечерами слышен голос коростеля, а на болотце в центре полуострова можно увидеть лысуху. Весной всюду попадаются кряквы, в одиночку и парами. Птичий хор, звучащий летним утром над полуостровом, дополняет кукование кукушки. В ландшафте полуострова нет тех примет стандартного озеленения, которые часто попадают в городе — однообразные ряды одинаковых деревьев, ровные газоны с неизменными клумбами... Да и сосны здесь не похожи на те, что выросли в лесных культурах, — они крепкие, кряжистые, с раскидистой густой кроной. В роли ландшафтного архитектора на полуострове выступила сама природа. И она, несомненно, выиграла бы конкурс на самый эстетически привлекательный ландшафт, если бы такой конкурс состоялся.

* * *

После спрямления русла Москвы-реки у дачного поселка Серебряный Бор (Хорошевское спрямление) последний оказался на острове. По имени поселка форму рельефа, на которой он расположен, часто называют Серебряноборской террасой. Это название сохраняется за ней и в других участках долины — возле Киевского вокзала, севернее Филей. Лучше всего, однако, этот рельеф выражен именно в Серебряном Бору. Здесь вновь встречаемся со старым сосновым лесом — продолжением примоскворецких боров на надпойменных террасах. В прошлом эти боры часто были многоярусными, сложными по составу и очень своеобразными по облику. Во втором ярусе нередко попадался дуб — главная широколиственная порода нашей природной зоны. Его дополнял и сопровождал орешник, образуя часто высокие и густые заросли. Дубравные травянистые растения нетрудно обнаружить и сегодня: зеленчук желтый, по форме листьев слегка напоминающий крапиву, растет под деревьями в виде сплошного покрова. Вместе с ним то и дело встречается осока волосистая — с широкими

темно-зелеными сильно опушенными листьями. На участках с богатой почвой подстилка из преющих сосновых игл покрыта ковром кислицы — миниатюрного растения с нежными трехраздельными листочками. В сложных многоярусных примоскворецких борах сосны достигают солидного возраста и крупных размеров. Знаменитый русский геоботаник, степевед, флорист В.В. Алехин (1882—1946) называл их особо ценными и указывал на необходимость сохранения и восстановления именно такого леса вдоль Москвы-реки. До позднего вечера в бору над рекой протяжно поют дрозды-белобровики. Здесь сохранился водоем на месте бывшего карьера. У отдыхающих он известен как озеро «Бездонка». Берега его заросли камышом и рогозом, а глубже в воде растёт тростник, успешно очищающий воду от загрязнений. Густая щетка прибрежных зарослей сформировала околородную экосистему со своим животным населением³. Из птиц это прежде всего камышевки. В Серебряном Бору можно познакомиться с редкой даже в Подмосковье дроздовидной камышевкой. В разгар весны птица часто поет и ночью, что придает ее хрипловатой песне своеобразное таинственное очарование.

* * *

Широкий участок реки ниже Хорошевской излучины подперт Карамышевской плотиной. Левый берег, на котором расположен жилой массив Хорошево-Мневники, представлен в этом месте второй надпойменной террасой, называемой иногда по месту первого подробного описания Мневниковской. Ее абсолютные отметки достигают 15–20 метров. Кроме Мневников, эта терраса выражена в Филлях, Дорогомилловской излучине, в районе Добрынинской площади, на Большой Серпуховской и Мытной улицах, в Кожухове, Нагатине, Марьине. Большей частью вторая надпойменная терраса застроена.

На правом берегу вплотную к реке стоит село Татарово, а за ним раскинулась широкая Татаровская пойма. С XVIII века окрестности Татарова служили местом добычи песчаника для различных облицовочных работ. Сейчас бывшие карьеры заполнены водой. Весной на них останавливаются стаи пролетных водоплавающих птиц.

Высшие водные растения-макрофиты — природные «очистные сооружения» и убежища для многочисленных животных

Миновав построенный к чемпионату Европы 1973 года гребной канал длиной почти 2,5 километра, задержимся на его западном берегу вблизи прудов и велотрека, среди зарослей ив и молодых березок. Это место известно как Крылатские холмы, а часть более обширной территории правобережья выделяют в отдельный геоморфологический⁴ район — Татаровскую холмистую возвышенность, или Татаровские высоты. Сложенные в основном песками, они, переходя в склоны долины, достигают 60 метров относительной и 220 метров абсолютной высоты. Удивительно богат растительный покров на некоторых склонах и вершинах холмов. Здесь существуют единственные сохранившиеся в Москве участки сухолюбивых лугов с чрезвычайно большим разнообразием растений — за короткую прогулку можно насчитать 100 видов и больше. Летом это непрерывно цветущий живой ковер: колокольчики, васильки, короставник, гвоздики... Как и на других участках долины Москвы-реки, есть степные растения, например синеголовник, но общий набор видов гораздо богаче.

Внимательно поглядим под ноги. Мы редко задумываемся о благополучии насекомых, хотя часто говорим об охране птиц, белок и прочей подобной живности. Между тем с насекомыми связано многое

из того, что называют природными ресурсами. Урожай клевера в два раза выше там, где привлекают шмелей; яблони опыляют, помимо домашних пчел, более 20 видов диких; весь шиповник Подмоскovie опыляется только шмелями. Над цветущим ковром долины Москвы-реки то и дело порхают бабочки — яркие голубянки, червонцы, дневной павлиний глаз и другие, непрерывно работают пчелы и шмели. Многие насекомые — опылители, их деятельность влияет на урожаи и культурных, и диких растений, в том числе медоносных. Более 80% сосудистых растений⁵ опыляется дикими насекомыми. В Крылатском сохранились крохотные участки лугов, пригодных для размножения нескольких видов пчел, ос и шмелей. На примере этих пятачков можно представить, каким разнообразием еще недавно отличалась естественная фауна насекомых-опылителей и энтомофагов⁶ в окрестностях Москвы — шмели, андрены, галикты, бембексы, сфексы, аммофилы... Однако они год от года уничтожаются. Особенно губительными оказываются весенние палы сухой травы, которые почему-то вошли в традицию. Они не только чреватны пожарами, но и ведут к гибели насекомых, в том числе опылителей, зимующих и гнездящихся в полых стеблях растений. Сами медоносы также страдают от этих

Птицы старого смешанного леса с дуплистыми деревьями и густым подлеском. Вертишейка, желна, клинтух и жулан занесены в Красную книгу города Москвы (2011)

рукотворных катастроф. Правила противопожарной безопасности запрещают сжигать стерню и пускать палы. Тем не менее практически никто не обращает внимания на полыхающие сухие склоны, а некоторые даже поощряют это опасное занятие.

Маленькое путешествие по правобережью Москвы-реки позволяет увидеть чрезвычайно своеобразный и богатый природный мир, удивительно хорошо сохранившийся, несмотря на соседство жилых районов. Мир этот очень легко разрушить, хотя совсем немного надо для того, чтобы он просуществовал неограниченно долго.

* * *

Огибающая Крылатское, Москва-река делает крутую петлю, и становится виден низкий левый берег, занятый Мневниковской поймой. Справа к воде подходит зеленый склон, прорезанный морщинами оврагов. Даже в жаркий летний день здесь прохладно: реликтовый широколиственный лесной массив Кунцевского берега, многочисленные выходы грунтовых вод по оврагам и в притеррасной части поймы бла-

готворно воздействуют на микроклимат. В самых глубоких оврагах текут непересыхающие ручьи — прекрасный естественный дренаж береговой толщи. На склоне встречаются крупные оползни — характерная форма рельефа для этого участка берега Москвы-реки.

«Чрезвычайно интересны эти подмосковные дубравы! — писал упомянутый выше В.В. Алехин. — Они показывают, что даже сама территория Москвы во многих частях была, видимо, под дубовым лесом. Во всяком случае, Москва больше по своей природе тяготеет к югу, чем к северу». Кроме участков дубрав, в массиве Фили-Кунцево имеются фрагменты липового леса, состоящего из очень старых мощных деревьев, рядом с которыми растут и молодые, что говорит о возобновлении широколиственных пород и смене лесных поколений. Там, где почва богата перегноем и не сбита ногами отдыхающих, порой встречается сплошной ковер из пролесника — травянистого растения с темно-зеленой розеткой листьев, которое также характерно для широколиственных лесов. Кое-где среди дубов и лип стоят могучие старые

вязы. Ненарушенный природный массив всегда полон птичьих голосов. Пожалуй, наиболее своеобразно и характерно для широколиственного тенистого леса пение пересмешки. В нем неизменно присутствует колено, похожее на гнусавое хихиканье.

* * *

Серебряноборская и Мневниковская излучины Москвы-реки — одни из наиболее интересных участков ее долины с геоэкологической⁷ точки зрения. Крупные природные массивы в городе — а их осталось совсем немного — создают психологические условия для снятия стрессовых состояний, постоянно возбуждаемых городской жизнью. Оздоровительный эффект этих природных территорий трудно подсчитать, но он явно гораздо сильнее, чем от очистных сооружений и тому подобных вещей. Полоса разнообразных природных ландшафтов, протянувшаяся вдоль Москвы-реки на 15 километров, — часть водно-зеленого диаметра столицы, ее экологического каркаса. Биоценозы⁸ долины обеспечивают взаимосвязь всех природных элементов города, улучшают климат, сохраняют чистоту воды, поддерживают биологическое разнообразие. Благодаря им внешняя изоляция от природы не оказывает столь пагубного влияния на город. Кроме того, эти территории несут рекреационную нагрузку как зоны отдыха.

* * *

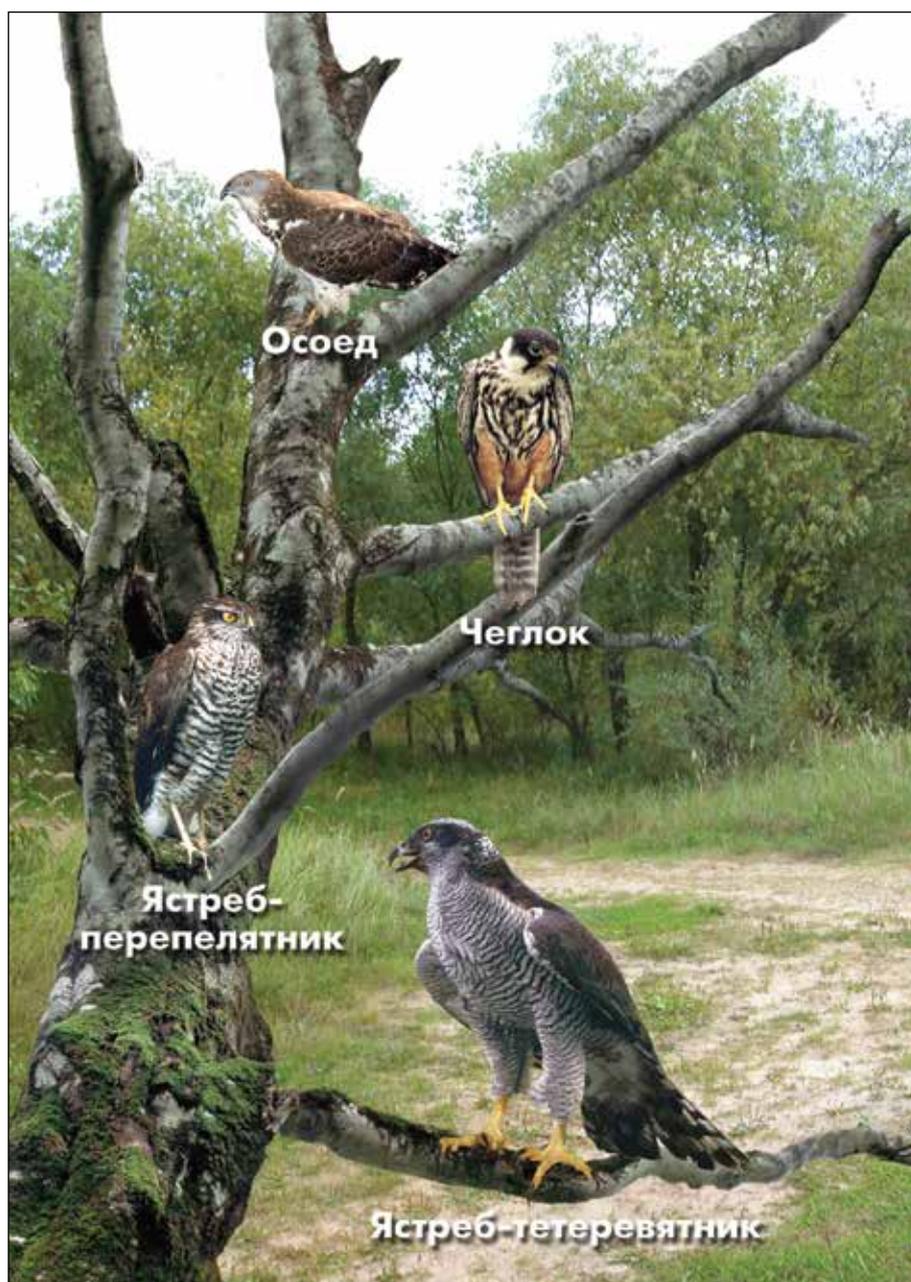
В центре Москвы техногенные изменения затронули экосистему особенно сильно. На речную сеть, рельеф и строение долины было оказано множество прямых и косвенных воздействий. Интенсивные преобразования начались с конца XVII века. Прямое воздействие привело к изменению русел, образованию новых водоемов, исчезновению болот и притоков. За Киевским вокзалом расположена Бережковская набережная, где в XVI–XVII столетиях была рыбацкая слобода Бережки. Сейчас здесь стоит ТЭЦ-21. Ниже по реке, у стен и башен Новодевичьего монастыря на месте бывшего Красного луга, давшего название Краснолужскому мосту Окружной железной дороги, разбит сквер. Пруд в сквере, когда-то являвшийся старицей Москвы-реки, ныне превращен в декоративный водоем, на котором летом полно

утиных выводков. Утки гнездятся по соседству на тихом зеленом Новодевичьем кладбище, не без помощи людей перемещаясь с маленькими утятами на пруд. Напротив монастыря в Москву-реку впадает река Сетунь. Против ее устья вода почти никогда не замерзает, что позволило водоплавающим птицам уже в 1960-х годах облюбовать это место для зимовки. Кроме обычных в городе крякв, здесь ежегодно зимовали чирки-свистунки и хохлатые чернети.

Первой в город уже очень давно пришла утка-кряква и закрепилась в нем. Кряква у нас доминирующий вид — 96% от всех водоплавающих птиц. Раньше вторым после нее был гоголь — лесная утка, специально интродуцированная⁹ в Москву. Гоголя в столице стали расселять в конце 1950-х годов по программе обогащения фауны перед Всемирным фестивалем молодежи и студентов (1957). Из Дарвинского заповедника на Рыбинское водохранилище привозили яйца и подкладывали их под крякв и мускусных уток. Одновременно развешивали на прудах искусственные домики-гоголятники. Гоголь делает кладки в дуплах старых деревьев — до недавнего времени их было немало в столице. С 2002 года начался подъем численности гоголей, достигшей в 2009-м 58 выводков. Но она резко упала после зимы 2010–2011 годов, когда в Москве прошли ледяные дожди с налипанием мокрого снега, в результате чего было поломано около сорока тысяч деревьев, в первую очередь дуплистых. Развеска искусственных гнездовых пока не смогла приостановить сокращение популяции гоголей — в 2015 году отмечено всего 6 выводков.

Огарь сейчас является вторым по численности видом в Москве после кряквы. Этот вид — как и гоголь — интродуцент. Его долго адаптировали, старались добиться самостоятельного размножения, это вначале не получалось. Но со временем накопился, видимо, некий популяционный резерв, и огарь стал гнездиться прежде в зоопарке, потом в городе. Несколько семей огарей нашли себе подходящие чердаки для гнездования — и «процесс пошел». Сейчас их в зоопарке около 1100 особей. В Европе огарь расширяет ареал к северу; западноевропейские города им уже заселены: будучи уткой крупной и агрессивной — супертерриториальной, он активно вытесняет там, как и у нас, местных водоплавающих.

*Все виды
дневных хищных птиц
занесены
в Красную книгу
города Москвы (2011)*

В Москве гнездятся две нырковые утки — хохлатая чернеть и красноголовый нырок. Хохлатая чернеть — третья по численности; она как бы незаметная, но очень упорная. Оба вида гнездились в одних и тех же местах на отстойниках. Для этих видов отстойники привлекательны еще и потому, что там в изобилии водятся озерные чайки, защищающие нырковых уток от их злейших врагов — ворон. Когда отстойники закопали, чернеть сразу пошла в город, раз за разом пытаясь закрепиться на разных прудах — удачная экстенсивная популяционная стратегия. Результат: численность держится на уровне 30 выводков. А вот красноголовый нырок почему-то этого не смог — оказался слаб. Он осел в Косино

на уровне численности около 8 выводков. А потом застроили Люберцы — и его численность выросла аж до 27 выводков — видимо, за счет подпитки откуда-то извне. Но дальше востока Москвы красноголовый нырок не двигается.

Есть еще утка-широконоска, однако она не выдерживает конкуренции с кряквой (всего несколько выводков).

Считаются гнездящимися в Москве два вида чирков. Тем не менее чирка-трескунка не находили уже три года, а чирка-свистунка — лет пять. Им нужны луговые болота, мелкие водоемчики — крупные утки их, видимо, вытесняют.

Негусеобразные птицы — это, например, чомга. У этого вида все складывается

Серая неясыть и ушастая сова занесены в Красную книгу города Москвы (2011). Домовый сыч в Москве встречается исключительно редко

благополучно. Чомга, как и красноглазый нырок, постепенно переселяется с техногенных водоемов в город — в Царицыно, на Лихоборку и так далее. В Царицыне она просто расцвела: ее численность по мере переселения с Люберецких отстойников выросла с 5–10 до 27 пар, и этот рост продолжается.

Относительно благополучна камышница — птица из отряда журавлеобразных. Она давным-давно, еще в 1970-х годах, адаптировалась к жизни в городе. Сначала тихо сидела по мелким болотцам — камышница ведь существо незаметное. Многие принимают ее за утку, пока не увидят ноги без перепонки. Сейчас численность камышницы дошла где-то до 35 выводков.

Редки в Москве черношейная поганка и лысуха. Последняя — в Европе обычная парковая птица, а у нас насчитывается только несколько пар.

У водоплавающих птиц есть экологические стратегии, помогающие им освоить город. Одна из таких стратегий — накопление особей в рефугиумах¹⁰ с последующим постепенным внедрением в городскую среду. Птицы используют техногенные водоемы, гнездясь по соседству с колониями чаек, которые защищают их от хищников. Подобные урочища, изобилующие самой разнообразной жизнью, часто встречаются на окраинах городов. Среди людей они считаются «нехорошими» местами и редко посещаются, что для птиц означает

отсутствие фактора беспокойства. Пролетные птицы с удовольствием используют техногенные водоемы для отдыха и кормежки, поскольку находят в них достаточное количество мелких беспозвоночных и водорослей; к тому же на таких водоемах никто не нарушает их покой, они в состоянии находиться там хоть месяц и даже зимовать. Те же, кому по силам выдержать психологическое давление города, могут отсюда начинать осваивать и другие городские водоемы с более агрессивной средой.

* * *

Ниже устья Сетуни начинается крутой зеленый склон Воробьевых гор. Это место в силу своего исторического значения и эстетической привлекательности стало одним из символов нашей столицы. Кроме того, Воробьевы горы — очень интересный геоэкологический объект.

«Чтобы понять Россию, надо отсюда (с Воробьевых гор. — *К. А.*) посмотреть на Москву», — говорил А.П. Чехов. На месте стадиона тогда лежал заливной луг — Лужники Малые Девичьи. Такие же зеленые круговины заливных лугов простирались вниз по реке против Коломенского и Братеева.

На Воробьевых горах обращает на себя внимание пьяный лес, изогнутые и наклоненные стволы деревьев которого — прямой признак оползневого склона. И действительно, Воробьевы горы — классический пример оползневой переработки склонов речной долины. Здесь насчитывается до пяти ступеней, образованных оползшими массивами песков и песчаников, скользящих по смоченной поверхности глин. В недалеком прошлом этот процесс был настолько интенсивным, что затронул не только берег, но и ложе реки. Ниже трамплинов на дне реки прослеживаются бугры выпирания, соответствующие подошве оползневых тел. Процессу оползания способствует и характерная трещиноватость пород, слагающих берег. Большинство трещин идет параллельно берегу, и это провоцирует заложение мелких речных долин и ручьев на высоком берегу вдоль Москвы-реки. Такова ныне взятая в подземный коллектор речка Кровянка, протекавшая вдоль Воробьевского шоссе к Андреевскому монастырю. Такова же и частично сохранившаяся в Филевском парке речка Филька. Именно указанные

речки «смазывают» водой глины, по которым блоки берега ползут вниз.

На самом же деле «горы» — не что иное, как крутой северный склон Теплостанской возвышенности. Перепад высот здесь достигает 135 метров. Воробьевы горы принято считать самым высоким местом в Москве. Однако в действительности наивысшая точка находится недалеко от санатория «Узкое», на пересечении Новоясеневского проспекта и Профсоюзной улицы. В этой точке (абсолютная отметка — 234 метра) лежит большой гранитный валун.

На невытопанных кручах Воробьевых гор сохранились участки широколиственного леса с характерными породами деревьев и типичным подлеском из орешника, с травяным покровом из осоки волосистой, сныти, гусяного лука, с популяциями ранневесенних первоцветов. Сохранились также древние оползневые склоны — типичный элемент естественного рельефа долины Москвы-реки, притеррасные болотца и множество родников. В малопосещаемых участках гнездятся лесные птицы: славки-черноголовки, горихвостки, пеночки-трещотки и веснички. Есть несколько колоний дроздов-рябинников, часты поползень и малый пестрый дятел, много скворцов.

* * *

На месте Крымского моста до 1785 года существовал Крымский брод. После строительства Бабьегородской плотины (см. ниже) он ушел под воду. За Крымским мостом Москва-река вступает в центр города, ограниченный Садовым кольцом. По правому берегу простирается территория Замоскворечья, входившего в бывший Земляной город. Миновав Бульварное кольцо, река протекает по самой древней части столицы — бывшему Белому городу. У стрелки от Москвы-реки отходит вправо водоотводный канал. Когда-то здесь на низком и плоском правом берегу были заливные луга, старицы, болота, существенно затруднявшие развитие города. По мере его роста и освоения окрестностей Москва-река мелела, а паводки становились все более бурными и высокими из-за сведения лесов в верховьях и на притоках. В 1785 году на месте одной из стариц для отвода полой воды и осушения болот прорыли канал, длина и конфигурация которого несколько раз изменялись (современный же вид он приобрел после открытия

канала Москва — Волга). Одновременно с каналом была построена Бабьегородская плотина, поддерживавшая уровень воды в канале и на лежащем выше участке реки. С началом поступления в Москву-реку волжской воды плотину разобрали.

* * *

Старая Москва славилась своими садами. Об их существовании до сих пор можно судить по некоторым названиям: Садовники в Замоскворечье, Берсеневская (то есть «крыжовниковая») набережная... Позднее появились бульвары и скверы.

Ну а природные леса и перелески разве нельзя отнести к насаждениям общего пользования? Так, собственно, и делают, включая городские леса в общую площадь озеленения города. Однако давайте посмотрим на проблему глазами эколога. На примере Серебряного Бора, Крылатского, Кунцева, Воробьевых гор мы уже познакомились с естественно сложившимися растительными сообществами, независимо и устойчиво существующими рядом с жилыми кварталами. Это березняки, боры, дубравы, липняки и другие фитоценозы¹¹ с характерным набором деревьев, кустарников, трав, мхов и разнообразными животными, в том числе насекомыми, зависящими от растений и «работающими»

на них. Подбирая ассортимент деревьев и кустарников для озеленения, часто в погоне за внешним эффектом помещают рядом представителей совершенно разных растительных сообществ, никогда не контактирующих между собой в естественных условиях. Так, в Александровском саду 13 видов деревьев и кустарников местные, а 69 — привозные. 39% видов, используемых при озеленении, — экзотические. Конечно, такие растения не могут образовывать устойчивые фитоценозы.

Необходимый компонент лесного сообщества — травы, образующие живой напочвенный покров. При посадке деревьев и кустарников травянистым растениям вообще не уделяют внимания, пуская их развитие на самотек. Это во много раз замедляет формирование «искусственного» леса, каковым по функции и должны являться озелененные участки. Основное отличие озелененной территории от лесной — в итоге практически полная потеря способности первой к самостоятельному существованию. Особенно резко это проявляется в центре города, где экологические условия приближаются к экстремальным: бедная, часто засоленная почва, сильное промерзание ее зимой и прогревание летом, нехватка света, отсутствие подстилки и многое другое. Сюда добавляются загрязнение воздуха, регулярная уборка листвы, отсутствие

В заказнике «Воробьевы горы» можно встретить даже лилию-саранку

ИССЛЕДОВАТЬ, ВОССТАНОВИТЬ, СБЕРЕЧЬ

полива, противогололедные реагенты... Обрезка нижних ветвей, а часто — кронирование до состояния «телеграфного столба» не добавляет растениям комфорта.

Исследования показывают, что зеленые насаждения оказываются тем эффективнее и долговечнее, чем больше приобретают свойств естественного сообщества. И если человек способствует, а не препятствует этому процессу, растения гораздо лучше «функционируют». Не нужно убирать листву, косить траву под пологом деревьев, вырубать дуплистые стволы, закатывать в асфальт все свободные участки. Пока же, к сожалению, все перечисленное идет вразрез с устоявшимися традициями озеленителей.

* * *

От природного комплекса древнейшей части столицы — территории Кремля — сохранился только рельеф. С экологической точки зрения, Боровицкий холм, на котором стоит Кремль, представляет собой третью надпойменную песчаную террасу (Ходынскую, по московской номенклатуре) Москвы-реки, когда-то занятую сосновым лесом. Чтобы подчеркнуть уникальность главного из «семи холмов» Москвы,

в 1987 году Боровицкий холм объявили памятником природы, а позднее — объектом всемирного культурного наследия.

* * *

На правом берегу между Москвой-рекой и водоотводным каналом расположена местность, именуемая Болотом, — по чертам, свойственным ей до осушения. Часть набережной также носит характерное название — Раушская (от слова «ровушки» — рвы, прорытые к реке для спуска почвенно-грунтовых вод). Название улицы Балчуг тоже означает «болото»¹².

От Нагатинского моста начинается новое прямое русло, проложенное в 1968 году. Русло и пойма реки подверглись целому комплексу преобразований. Возведенные дамбы подняли уровень воды, затопив пойменные озера, старицы и общегородскую свалку — Сукино болото. Исчезли озера Постылое, Черное, Ратное, Кривая Баба, Карташиха, Нагатинское и другие. Образовались Нагатинский рукав и одноименный затон. Отсеченный дамбами участок старого русла превратился в очистное сооружение автозавода — зимой там много водоплавающих птиц. На новом водоеме начали функционировать грузовой

Озерная чайка на речке Раменке в Парке имени 50-летия Октября

порт и речной вокзал. Гидротехническое сооружение, благодаря которому Москва-река расширилась в районе Сукина болота до 610 метров, а ее уровень повысился на 3 метра, — построенный в 1937 году Перервинский гидроузел, куда входят железобетонная плотина, гидроэлектростанция, деривационный канал и два шлюза.

* * *

Одна из наиболее значительных природных территорий долины Москвы-реки — бывшая усадьба Коломенское — расположена на восточном склоне Теплостанской возвышенности. Склон хорошо дренированный, сухой и теплый, что значительно улучшает здешние климатические и гидрологические условия.

Коломенский участок реликтовой дубравы, покрывавшей пространство Теплостанской возвышенности, находился, очевидно, в особенно благоприятной среде — об этом свидетельствуют сохранившиеся 500–600-летние дубы. Геологические и гидрологические особенности места позволили деревьям достичь столь почтенного возраста. В частности, состав грунтовых вод Коломенского отличается редким богатством элементов минерального питания растений. Подземные потоки на склонах, обращенных к реке, и в оврагах, прорезающих эти склоны, вскрываются многочисленными родниками, большинство из которых отличаются чистотой, функционируют круглый год и очень популярны у посетителей усадьбы. Древние, покрытые деревьями и кустами овраги так же характерны для Коломенского, как и для Татаровских высот. На склоне возвышенности есть валы и микротеррасы, образованные оползнями. Одна оползневая ступень — Чёртов городок — названа так за обилие в обнажениях «чёртовых пальцев» (окаменевших раковин белемнитов — вымерших головоногих моллюсков). Другая крупная ступень находится под Иоанно-Предтеченским храмом. Архитектурные памятники Коломенского неотделимы от природных. Наиболее выразительны и познавательны система прибрежных оврагов с древесно-кустарниковой растительностью по склонам и луговая пойма со старицей. Характерные птицы: славка-черноголовка, садовая камышевка, зарянка, зеленая пеночка, соловей, зеленушка, зяблик, пересмешка, чечевича,

дрозд-рябинник; неоднократно здесь видели редкую для Московского региона ястребиную славку. По опушкам и на открытых участках обитают луговой чекан, пеночка-весничка, серая славка, белая трясогузка. В луговой пойме и по берегам старицы гнездятся болотная камышевка, желтая трясогузка, речной сверчок, варакушка. Весной и в начале лета разноголосый хор певчих птиц разительно контрастирует с городским шумом, а осенью склоны звенят от переклички выводков больших синиц, наполняются предполетным пением и свистом скворцов.

* * *

Что заставляет животных обитать в тесной близости к человеку, в мозаичной и неустойчивой городской среде? Причин несколько, и они напрямую связаны с ростом и развитием городов.

Во-первых, животные оказываются вовлеченными в развивающийся город и вынуждены существовать в нем. После прокладки в 1960 году Московской кольцевой автомобильной дороги и отчуждения от области в 1984-м десяти тысяч гектаров «резервных» территорий в Москве осталась значительная часть лесопаркового защитного пояса с его богатой фауной. Крупный городской природный парк (например, Битцевский), кажется, ничем не напоминает город. Но не заметные на первый взгляд изменения леса, вызванные частыми посещениями его людьми, неизбежно затрагивают всю лесную живность. Люди разводят костры, выгапывают заросли, где можно прятаться, пугают и беспокоят животных, заставляя их покидать последние укромные места. С такими условиями лоси, например, мирятся с трудом. Кабаны же приспособились: ходят за город и обратно по трубам, проложенным для стока дождевых и талых вод. Зайцам и ежам, лягушкам и ящерицам нелегко выжить под натиском людей и особенно собак. В более выигрышном положении те, кто способен закопаться, как лисы, ласки, землеройки, полевки; укрыться в дуплах, как белки и летучие мыши; плавать, как норки и водяные крысы. При этом частое присутствие людей в городском лесу не всегда угнетает представителей лесной фауны. Остатки пищи, накапливающиеся в местах отдыха, привлекают и зверьков — белок, лесных мышей и полевок,

и птиц — соек, синиц, поползней, дятлов, дроздов. Они поселяются недалеко от пикниковых стоянок, привыкают посещать их в определенные часы, а иногда берут пищу прямо из рук. Следом идет перегруппировка хищников: к местам концентрации мелких животных подтягиваются лисы, ласки, хорьки, неподалеку гнездится ястреб. Обилие вытопанных «пролысин» и насекомых вблизи импровизированных лесных помоек привлекает некоторых насекомоядных птиц: мухоловок, трясогузок, зарянок.

Еще одна категория городской фауны — животные, сознательно или случайно выпущенные человеком на волю. Ежегодно в лесу оказываются попугайчики, канарейки, бурундуки и хомячки, сбежавшие из клеток. Индийских скворцов-майн несколько лет подряд продавали в московских зоомагазинах. За несколько лет на юго-восточной окраине Москвы из беглых майн сформировалась и несколько десятилетий существовала небольшая колония. Животные, попавшие не по своей воле в городскую обстановку, вписываются в нее по-разному. Каждую весну над Москвой с гортанными криками парами летают рыжие утки-огари. Когда-то несколько этих птиц завезли в Московский зоопарк из степной зоны, а затем они образовали свободно живущую группу. Выводить птенцов огари улетают в город: гнездятся на чердаках, а выращивают потомство на городских прудах. Только зимой все они снова собираются в зоопарке. Недалеко от теплых сбросов на Москве-реке и в самих сбросных каналах образовалась устойчивая популяция тепловодных рыбок гуппи, когда-то выпущенных аквариумистами. На незамерзающей Яузе и других речках в черте Москвы регулярно встречаются отдельные экземпляры красноухих и болотных черепах. Настоящим бедствием для амфибий стал завезенный с Дальнего Востока бычок-ротан. За несколько лет он распространился по московским водоемам и во многих уничтожил икру и головастиков размножавшихся там лягушек и тритонов.

Следующая категория обитающих в городе животных самостоятельно осваивает городское пространство и более или менее удачно вписывается в него. Среди самых заметных птиц здесь можно выделить группу чайковых, особенно обыкновенных чаек, гнездящихся большими (до нескольких тысяч пар) колониями на заболоченных топких берегах пригородных водоемов. Го-

родское хозяйство использует различные технологические водоемы — пруды-отстойники, охладители, очистные сооружения, часто напоминающие природные озера и болота. Они быстро зарастают и становятся пригодными для жизни птичьих колоний. Поселения чаек привлекательны для уток и куликов: чайки, о чем уже не раз говорилось выше, — надежная защита от «мародерства» ворон. Пример быстрого и успешного освоения города птицами — городские группировки уток-крякв. Утки начали зимовать в городах с появлением незамерзающих водоемов. Постепенно на крупных парковых прудах образовались оседлые размножающиеся утиньи сообщества. Утки постоянно контактировали с людьми, перестали их бояться, активно выпрашивали еду, посещали автобусные остановки и окрестности булочных, где люди привыкли их кормить. Еще пример внедрения — группа дроздовых птиц: рябинник, соловей и варакушка. Первый поселяется в садах и скверах, второй — в сырых низинах и зарослях по границам жилых кварталов и парков, третья — вдоль берегов мелких рек и городских прудов, богатых водной живностью. Из хищных птиц хорошо адаптировались к городским условиям ястреб-тетеревятник, пустельга и ушастая сова. Активно внедряется в город полевая мышь: городская популяция полевых мышей даже превысила природную.

Упомянем о синантропных зверях и птицах¹³, «мирских захребетниках» — серой крысе, домовой мыши, серой вороне, сизом голубе, домовом воробье. Они занимают наиболее устойчивое положение в экосистеме города. Именно их мы обычно и воспринимаем как истинно городские виды, считая существование в городе остальных в той или иной степени временным и случайным, хотя это не так. Набор указанных видов невелик, зато численность бывает огромной: в подвале московского жилого дома может обитать от ста до двухсот крыс, численность ворон в 1990-х годах в Москве составляла 700–800 тысяч.

На разных стадиях синурбанизации¹⁴ находятся в Москве большие синицы и лазоревки, белые трясогузки и зеленушки, варакушки и соловьи, лысухи и камышницы, пустельги и сизые чайки. У всех этих птиц в городе уменьшается негативная реакция на человека, они становятся доверчивей, часто попадают на глаза. Весной в период полета к таким городским птицам

временно присоединяются дикие, следующие к местам гнездования. Тогда прямо у подъезда можно услышать песни зарянок, коноплянок, пеночек; некоторые из них могут задержаться в городе и дать начало новой урбанизированной группировке. Отмечена следующая зависимость: чем больше город, тем богаче его фауна.

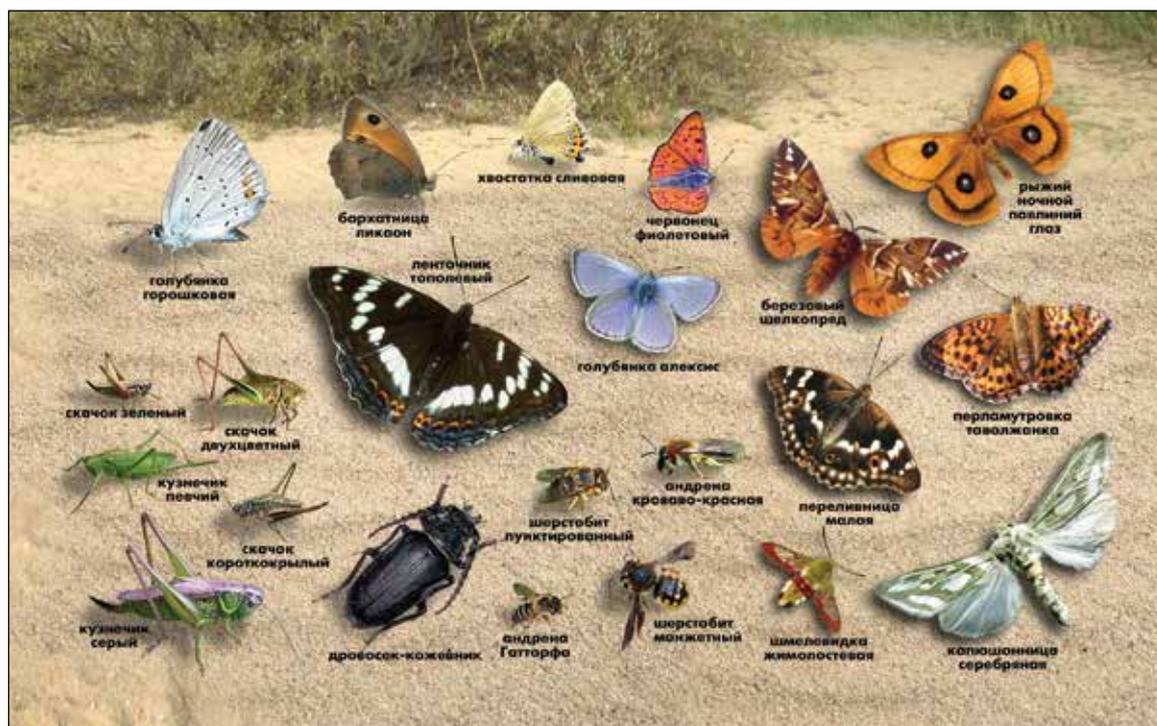
Самым обычным для Москвы лесным насекомоядным зверьком стала в последние годы обыкновенная землеройка-бурозубка. Кроме нее, встречаются два вида землероек-белозубок — обыкновенная и малая. Последняя даже более многочисленна в столице, чем в области. Кроты — широко распространенные, но малочисленные насекомоядные звери. На них отрицательно сказывается уплотнение почвенного покрова, ограничивающее возможности перемещений под землей. Сильно сократилось количество ежей — в первую очередь из-за больших размеров их индивидуальных участков, обходя которые, они попадают под колеса машин. Численность летучих мышей в городе недавно была высокой, но в последнее время снижается по причине убыли ночных насекомых — основного корма этих рукокрылых.

Из хищников в Москве наиболее многочисленна ласка — например, в Измайловском лесу приблизительно на каждой

сотне гектаров обитают один-два зверька. Второе место занимает лисица, хорошо приспособливающаяся к обитанию в различных искусственных убежищах и укрытиях (строительных отходах, трубах, насыпях), вблизи свалок, где охотится на крыс и мышей. Значительно реже встречаются горностаи, черный хорь и норка. Довольно уверенно в последние годы московские леса обживает куница — она приурочилась ловить, кроме лесных грызунов и птиц, еще и крыс. В конце XX века из Москвы исчезли барсуки и не выдержавшие конкуренции с лисицей акклиматизированные в 1930–1940-х годах дальневосточные енотовидные собаки.

Кабаны забредают в города и пригороды на помойки, добывают плохо убранные с огородов овощи, подкапывают постройки в поисках пищи. В Москве кабаны то и дело появлялись в микрорайонах Зюзино, Богородское, Измайлово, куда они по ночам выходили кормиться из заболоченных участков леса. Сейчас их осталось всего несколько особей. Общее сокращение числа кабанов связано с интенсивной застройкой, уничтожением глухих болотистых пойм малых рек, уменьшением площадей сельскохозяйственных культур.

На пустырях, в садах и на огородах Москвы обитает заяц-русак, который

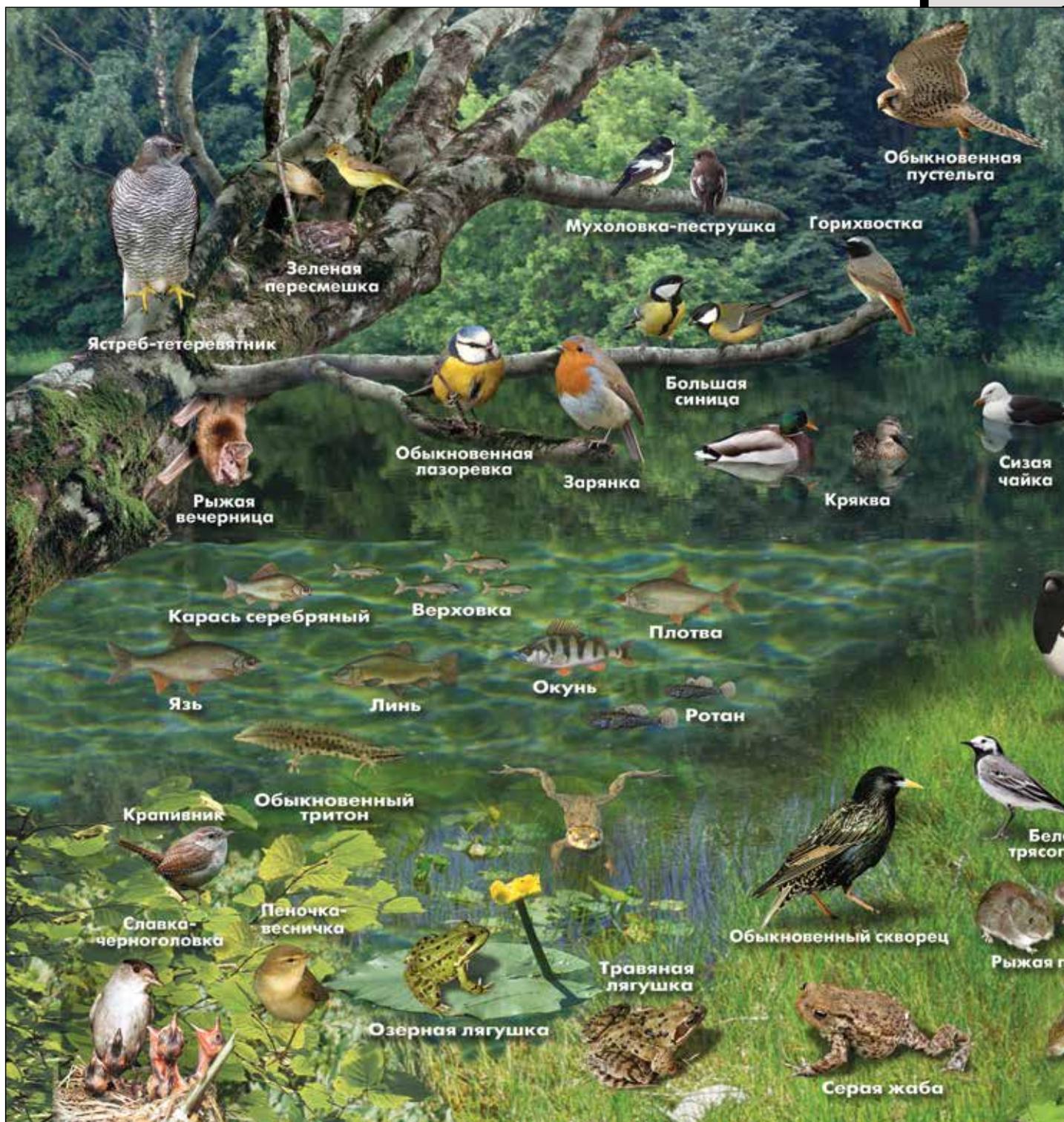
Некоторые виды насекомых, обитающих на природных территориях Москвы

ИССЛЕДОВАТЬ, ВОССТАНОВИТЬ, СБЕРЕЧЬ

превзошел по численности населяющего лесные массивы зайца-беляка.

Наиболее многочисленно и разнообразно городское население грызунов. В парках живут оседлые группы белок, выводящие потомство в дуплах и скворечниках. Часто встречается ондатра — на Косинских озерах, в Бутове, на мелких речках юго-

запада, куда она попала из Подмосковья. Еще недавно был очень распространен обыкновенный хомяк. Он считался злостным сельскохозяйственным вредителем, и ему была объявлена беспощадная война. В результате на полях Московской области хомяк полностью исчез, а в городе, где борьба с ним не велась, сохранился: жилые

Примерный видовой состав млекопитающих, птиц, земноводных и рыб, которые встречаются в относительно нетронутых участках природного комплекса Москвы

ИССЛЕДОВАТЬ, ВОССТАНОВИТЬ, СБЕРЕЧЬ

норы хомяков до сих пор можно видеть в долинах Сетуни и других городских рек. На природных территориях Москвы обитают лесная мышовка, мыш-малютка, водяная полевка, экономка, обыкновенная, пашенная и рыжая полевки.

В Москве относительно хорошо чувствуют себя живущие в малых реках озерные

лягушки. Остальные амфибии находятся в поистине катастрофическом положении. Причина — не только традиционно негативное отношение горожан к гадам. Эти малоподвижные животные отличаются повышенной уязвимостью. Для благополучного существования им нужны мелкие, теплые и чистые водоемы, а зимой —

Все виды летучих мышей, еж, ласка, все виды дневных хищных птиц, сов, чаек, все виды амфибий, кроме озерной лягушки, занесены в Красную книгу города Москвы (2011)

непромерзающие укрытия. На автомагистралях массово гибнут травяные и остромордые лягушки, серые и зеленые жабы, совершающие сезонные переходы от места зимовки к нерестовому водоему и обратно. Стремительное исчезновение двух видов тритонов обусловлено загрязнением водоемов нефтепродуктами.

Скажем несколько слов и о некоторых насекомых.

Значительное число специфичных для Москвы видов бабочек (крапивница, траурница, лимонница, дневной павлиний глаз и другие) отражает закономерность, о которой уже упоминалось выше: чем больше город, тем богаче фауна.

Проблемой для городских муравьиных сообществ становится кошение травы в местах их обитания и увеличение с каждым годом площадей искусственных газонов, что ведет к утрате естественных луговин.

Стрекозы — важнейшие беспозвоночные хищники пресных вод. Их численность и разнообразие — показатели состояния всей пресноводной биоты¹⁵, поскольку зависят от численности и разнообразия других беспозвоночных — пищи стрекоз. Недаром видовое богатство последних используют в целом ряде международных и национальных биотических индексов качества водотоков. По подсчетам, в 2007–2009 годах фауна Москвы включала 31 вид стрекоз (цифра, однако, варьируется в зависимости от водоема). В Московском регионе за тот же период обнаружен 41 вид. Негативное антропогенное влияние налицо. Замечено, что инженерное обустройство водоемов (сооружение искусственных набережных, устраняющих береговую травянистую растительность, уничтожение макрофитов¹⁶ во время чисток) приводит к полному исчезновению стрекоз. Их нет, например, в таких московских прудах, как Чистые, Большой Новодевичий, пруды Хамовнического парка, ЦПКО имени Горького, Нескучного сада.

* * *

Не будь природы в нашем мегаполисе, нам жилось бы намного хуже: как обойтись без зеленой лужайки, утинового выводка на пруду; без речек и ручейков, некогда омывавших московские холмы?

В Москве осталось около 70 малых рек и ручьев, а когда-то было несколько сотен. В центральной части города малые реки давно исчезли, сохранившись лишь на

окраинах. Там, где уцелела пойма, жизнь бурлит: в двух шагах от жилых и промышленных кварталов поют птицы и цветут растения. Без пристального внимания и заботы эти «вместилища жизни» могут быть поглощены агрессивным городским пространством, что часто и происходит.

В Москве более 15 тысяч гектаров пойменных территорий. Реабилитация малых рек — это не только очистка русел. Необходимо оставить нетронутой полосу как минимум в 30–50 метров с камышами и родниками. Реке нужен естественный берег, а не бетонированный, иначе это — канавка. К сожалению, у нас до сих пор плохо понимают, что такое река в городе.

* * *

Известный орнитолог, природоохранитель, просветитель доцент биологического факультета МГУ Константин Николаевич Благосклонов (1910–1985) одну из своих статей выразительно назвал «Полезное? Вредное? Нет, живое!». Уже только этой фразой он решительно развенчал уныло-прагматический подход в сфере взаимодействия природы и человека. Среди его начинаний исключительное место занимала работа по изучению и обогащению фауны Москвы. «Экосистемы города создаются людьми, — писал Константин Николаевич. — Однако в вынужденном соревновании с природой им, людям, часто не хватает элементарных экологических знаний, чтобы стать истинными творцами». И еще: «Порой очень трудно решить, что для города хорошо, а что плохо. <...> Управлять природой города — дело сложное и малоизученное. Ясно пока одно: осуществлять его следует с экологических позиций, то есть во главу угла ставить не интересы инженеров, архитекторов, лесоводов и т. д., а интересы жителей города — рекреационные, здравоохранительные, эстетические».

Среди мероприятий, проведенных в 2010 году в ознаменование 100-летия со дня рождения К.Н. Благосклонова, важным событием стало научно-практическое совещание по охране живой природы и природного комплекса Москвы, состоявшееся 11–12 января в Ботаническом саду МГУ. В принятой совещанием резолюции, направленной руководству города, говорится: «В Москве есть необходимая правовая база и градостроительная основа

для сохранения разнообразных природных комплексов и сообществ, растительного и животного мира. К сожалению, в практике управления природными и озелененными территориями укоренился стереотип обязательного «облагораживания» уцелевшей в городе дикой природы, не учитывающий ни ее средообразующей роли, ни во многом сохранившейся способности к саморегуляции. В качестве основы и обязательного условия сохранения и восстановления биологического и ландшафтного

разнообразия города необходимо разработать и реализовать городскую целевую программу формирования московской экологической сети — системы экологически связанных между собой природных и озелененных территорий, которая должна стать единым комплексным объектом природоохранного управления». Эти слова актуальны и сегодня.

Фотографии, кроме оговоренной, выполнены автором

¹Беседы — село на правом берегу Москвы-реки неподалеку от пересечения Бесединского шоссе и МКАД.

²Здесь: уменьшение, исчезновение органов в связи с утратой их функций.

³Исторически сложившаяся совокупность особей одного или многих видов животных в пределах какой-либо территории (акватории); в отличие от фауны характеризуется не только видовым составом, но и численностью особей.

⁴Геоморфология — наука о рельефе суши, дна океанов и морей.

⁵Растения, ткани которых пронизаны судисто-волокнистыми пучками; сюда относятся все высшие растения, за исключением мохообразных.

⁶Насекомые, питающиеся другими насекомыми, главным образом вредителями растений.

⁷Геоэкология — устоявшегося определения пока нет; одно из существующих: «наука, изучающая взаимодействие географических, биологических и социально-экономических систем (экологические аспекты природопользования, вопросы взаимоотношений человека и природы)» (dic.academic.ru).

⁸Биоценоз — совокупность растений, животных и микроорганизмов, населяющих данный участок суши или водоема.

⁹Интродукция (биол.) — переселение особей какого-либо вида животных или растений за пределы естественного ареала в места, где их раньше не было.

¹⁰Рефугиум — ареал временного обитания, где тот или иной вид живых организмов переживает неблагоприятный для него период.

¹¹Фитоценоз — совокупность видов растений на однородном участке. Часть биоценоза.

¹²От тюркского *балчык* — «грязь, болото».

¹³Синантропы — неодомашненные животные, существование которых тем не менее связано с человеком и его жильем.

¹⁴Синурбанизация — процесс заселения города дикими видами животных.

¹⁵Биота — совокупность видов растений, животных и микроорганизмов, объединенных общей областью распространения. В отличие от биоценоза может характеризоваться отсутствием экологических связей между видами.

¹⁶Макрофиты — растения сравнительно больших размеров.

Литература

Авилова К.В., Орлов М.С. Экологические экскурсии по Москве. Пособие для средней школы. М., 1994.

Авилова К.В., Благосклонов К.Н. Город и природа. М., 2002.

Благосклонов К.Н. Гнездование и привлечение птиц в сады и парки. М., 1991.

Горышина Т.К. Растение в городе. Л., 1991.

Горышина Т.К., Игнатьева М.И. Ботанические экскурсии по городу. СПб., 2000.

Животные в Москве. Млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы. М., 2004.

Красная книга города Москвы. 2-е изд. М., 2011.

Лихачева Л.А. О семи холмах Москвы. М., 1990.

Мальчевский А.С. Орнитологические экскурсии. Л., 1981.

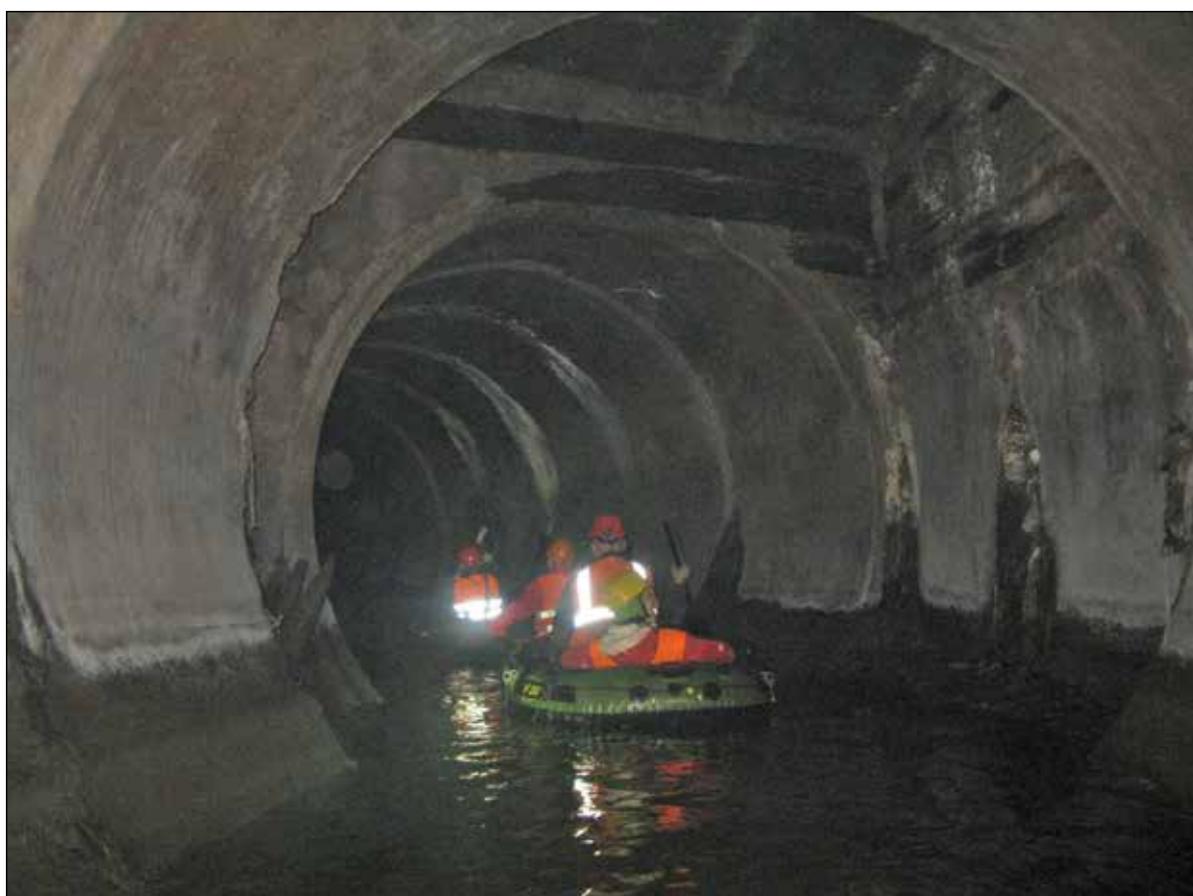
Петров В.В. Жизнь леса и человек. М., 1981.

Семенова-Тян-Шанская А.М. Мир растений и люди. Л., 1986.

Даниил Юрьевич Давыдов

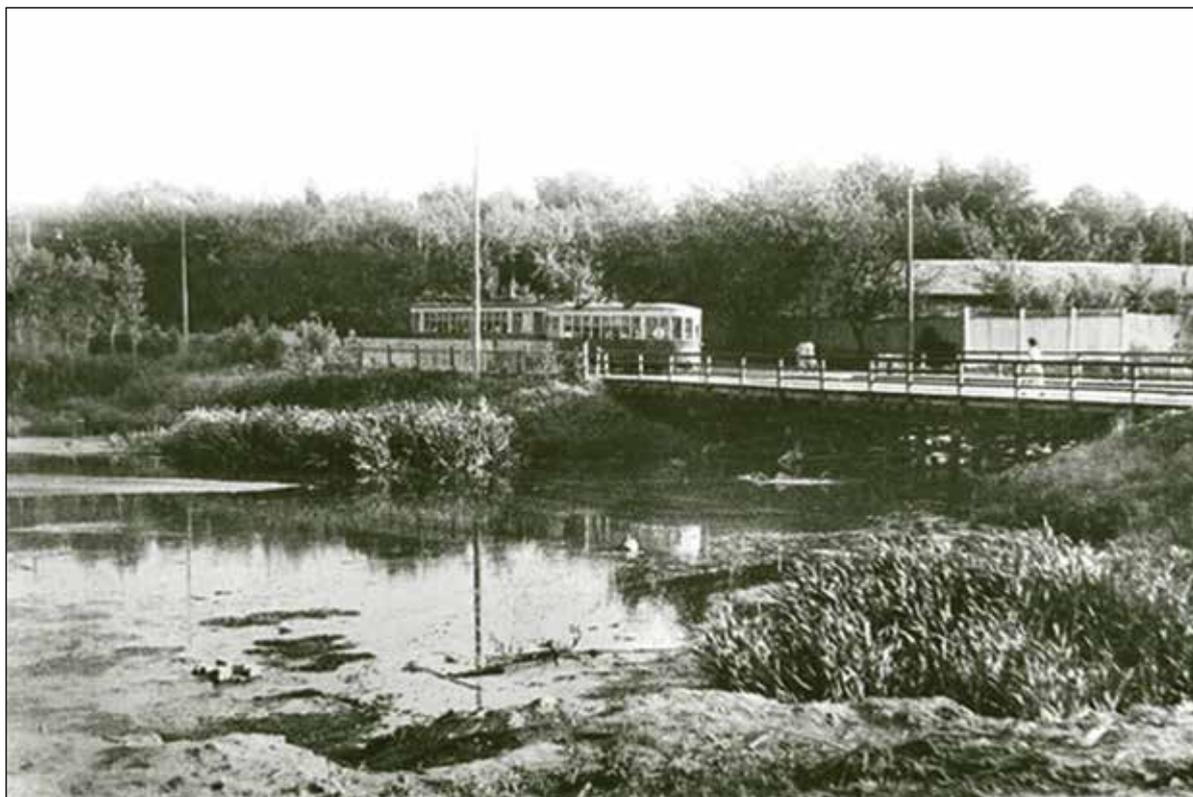
Сплав по подземной реке

О диггерском¹ путешествии по реке Хапиловке

Когда говорят о сплаве на лодках, обычно имеют в виду сплав по горным рекам — с колючей кристально-чистой водой, с огромными валунами, скатившимися с уступов прямо на путь отважных рафтеров². Но мало кто догадывается о том, что сплавиться по реке можно и внутри Москвы, и не просто по реке, а по реке-невидимке, под землей!

На сегодняшний день в пределах Москвы насчитывается порядка ста восьмидесяти природных рек — это в два раза больше, чем в Петербурге, — но москвичи могут наблюдать из них лишь те, русла которых пролегают в парковых зонах или зонах, свободных от жилой застройки. Конечно, такие крупные реки, как Москва, Яуза, Сетунь, Сходня испокон века текут

Река Хапиловка. 1950-е годы

в своих естественных, хотя и измененных руслах, зато их сестры, значительно меньшие по расходу воды, давно упрятаны под землю. Первыми в трубы попали реки и ручьи, протекавшие через центр Москвы: китайгородская Рачка (для которой еще в 1750 году князь Дмитрий Ухтомский спроектировал подземный коллектор), знаменитая Неглинка, ручей Черторый. Сначала частично, а затем, превращаясь в целые подземные гидросистемы, зашумели, заревели под асфальтом улиц малые московские реки. Но я хочу рассказать об особенной подземной реке — может быть, не самой известной, зато самой крупной и полноводной — московской Хапиловке.

Хапиловка образовывается слиянием двух других речек — Серебрянки и Сосенки, имеющих истоки за МКАД. Сосенка ли является притоком Серебрянки или наоборот — неизвестно, но только после впадения одной речки в другую, чуть ниже Большого Черкизовского пруда, начинается под землей быстрая и мощная Хапиловка. Название это появилось благодаря купцу Хапиле, имевшему когда-то на реке плотину и водяную мельницу. Кстати, Хапиловский пруд просуществовал до начала 1930-х годов и был спущен, а напоминание о нем в виде заболоченного и замусорен-

ного участка речного берега сохранилось вплоть до 1970-х годов, пока Хапиловку по всей протяженности не убрали в коллектор. Внимательные москвичи и сегодня еще смогут отыскать старый шлюз, чудом уцелевший возле жилых домов по улице Девятая Рота.

Я же впервые увидел Хапиловку еще в детстве, когда гулял зимой неподалеку от Преображенского кладбища и вдруг заметил над заснеженной поверхностью облачко пара. Несколько шагов через сугробы — и я стоял над открытым люком, через который подземелье дышало на меня влажным теплом, затхлостью и манящей тайной. Ни лесенки, ни скоб в люке не было, а прямо под моими ногами, под дорогой, под сквером бежала черная блестящая вода. Тогда я уже слышал и читал кое-что о диггерах, но представления о том, как подготовиться к подземному спуску и где купить все необходимое снаряжение, конечно, не имел. Будущее мое сложилось таким образом, что диггером впоследствии я все-таки стал, и не просто диггером, а профессиональным, то есть зарабатывающим на жизнь именно подземельями, но вот в Хапиловку попал совсем недавно, благодаря коллеге, предложившей организовать там сплав на лодках.

ХОЧУ ВАМ РАССКАЗАТЬ...

Не сказать чтобы идея подземного сплава была новаторской — сплавлялись ведь по коллекторам и прежде (надо заметить, вполне успешно). На наш сплав собрались настоящие подземные энтузиасты и те, для кого подземка стала прямо-таки образом жизни, ведь кто еще согласится вымокнуть до нитки, когда на улице бушует настоящая русская зима? Кстати, зима — это самое безопасное время для спуска в коллекторы рек, так как в устойчивый температурный минус вероятность внезапно начавшегося дождя равна нулю, а значит, никакие внешние факторы не способны поднять уровень воды в коллекторе.

С одним из таких энтузиастов — Мишей — судьба свела меня в 2000 году, на праздновании диггерями Нового года в Неглинке. Тогда мы, 15-летние подростки, условились непременно осуществить подземное плавание, но вскоре растерялись и снова нашлись лишь спустя десять лет, на одном из тематических интернет-форумов. В нашей компании было две девушки: одна — диггер-альпинист с надувной байдаркой, другая — моя супруга. В назначенный день все мы собрались возле люка, ведущего в систему, и стали готовиться к сплаву. Спешащие по своим делам люди не обращали на нас ни малейшего внимания, да и едва ли кого могла привлечь группа рабочих в оранжевой униформе, опускающих на веревках в парящий колодец бесчисленные мешки, свертки, палки, насосные шланги и весла. Когда с технической частью спуска было закончено, я прикрыл люк и перегнал машину к порталу, из которого через несколько часов мы планировали выплыть в Язу. Вернувшись на автобусе, я переоделся в резиновый рыбацкий костюм, моментально задубевший на морозе, и, открыв тяжелую крышку люка, заглянул вниз. Глубоко под землю, где меня дожидались товарищи, вела ржавая металлическая лестница. Дна видно не было, так как примерно на пятом метре колодец искривлялся. Постояв над черной дырой, я с удовольствием несколько раз вдохнул пахучий подземный пар, затем сел на край колодца и поставил ноги на лесенку.

— Иди осторожно, тут ступени через одну! — послышался из подземелья голос.

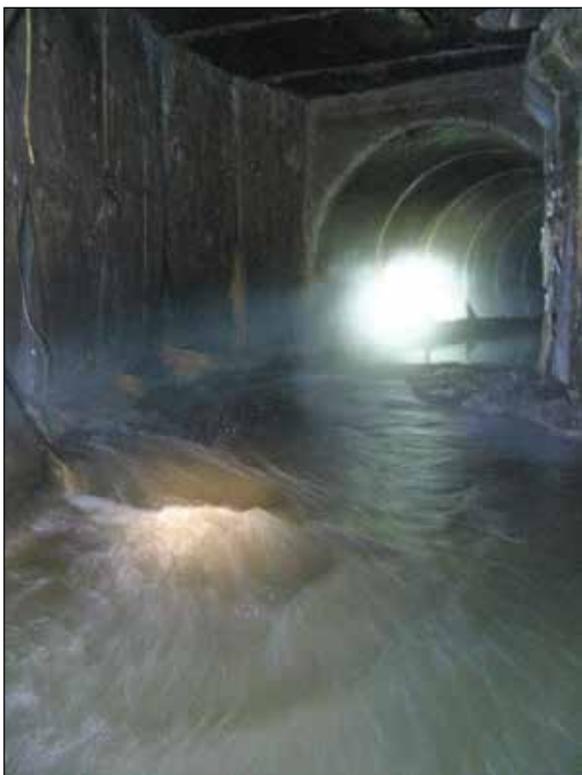
Я спустился на несколько скоб и сдвинул над собой крышку: теперь день пробивался сюда только через тоненькую щель люка. Еще немного усилий — и крышка, жадно чавкнув, села на свое место. Неко-

торых ступеней действительно не доставало, это я ощутил очень скоро, повиснув на руках в узком колодце и пытаюсь нащупать ногой нижнюю скобу. Мешал рюкзак, как назло каска съехала набок, и фонарь светил куда-то в сторону, вместо того чтобы освещать путь вниз. Но для меня в таких моментах (и не только в таких) как раз и кроется вся прелесть исследования городского дна, ведь охотнику тоже порой не столько важна добыча, сколько охотничий азарт. Внизу колодца оказался сухой коллектор, поперечно соединявший два других коллектора, по которым с шумом бежала вода.

— У нас лодка что-то сдувает! — пожаловалась жена.

Я проверил лодку, подкачал, но довольно быстро давление снова упало. Как же так?! Ведь до этого лодка простояла накачанная целые сутки — и хоть бы что! Осмотрев поверхность, я обнаружил две трещины в резине. Сомнений не было: порвали при спуске, зацепив за шершавую стенку колодца. К счастью, у второй девушки в рюкзаке оказался клей «Момент», поэтому, отрезав от своего костюма внутренний аккумуляторный карман, я принялся за ремонт. Хотя говорить так неверно, ведь у нас собрался коллектив единомышленников, а значит, беда одного участника была бедой всего коллектива.

Ремонт лодки больше всего напомнил мне смену резины на авторалли, когда к гоночному болиду подбегает команда и в мгновение ока снимает колеса, устанавливая вместо них другие. Пока я намазывал клеем округлый лодочный бок, кто-то уже зачищал наждачкой кусочек резины на заплатку, третий обезжиривал место другого пореза. Через пятнадцать минут лодка, вопреки нарушению всей техники склеивания, указанной в инструкции на тубике, была починена и даже не спускала. Этим внеплановым ремонтом завершилась подготовка к отплытию.

Мы вынесли свои лодки из сухого коллектора и поставили на воду. Распределились следующим образом: впереди девушка диггер-альпинист на одноместной байдарке, затем мы с женой (наша лодка оказалась самой широкой, что было очень удобно в ограниченном пространстве), за нами Миша. Байдарка, умело управляемая хозяйкой и имеющая небольшую осадку, быстро понеслась вперед. Наши же лодки, скребя бортами по стенам и норвя то и дело сесть на мель, неуклюже поползли вниз по течению.

Местами скорость потока усиливалась, если уровень спадал. И тогда нужно было глядеть в оба, чтобы не зацепить какую-нибудь арматуру, торчащую из бетонного дна. Первую остановку сделали

метров через пятьсот. У Мишиного судна прорезало днище, и оно постепенно наполнялось водой. Порез решили не заделывать — как повреждение, не влияющее на ходовые качества плавсредства, — и, перекурив, двинулись дальше. Через некоторое время коллектор, приняв в себя параллельный, стал квадратным и огромным. А по левому берегу обозначилась небольшая песчаная коса. Причалив, мы стали располагаться на пикник, достали мангал, угли и шашлык. Вскоре коллектор наполнился запахом жареного мяса. Весь дым тянуло вверх по течению, поэтому дышалось вполне свободно, воздух под землей оставался свежим. Журчала речка, а угли бросали на бетонные стены красноватый отблеск. Интересно, когда на берегу Хапиловки последний раз кто-то так же отдыхал — с костерком и чаем на плитке?

Отдохнули и поплыли дальше. Уровень воды гулял: перед порогами становился выше, после — заметно спадал. Поэтому приходилось то и дело выпрыгивать из лодки и обходить ее вокруг мелей, чтобы не порвать. Правда, девушки на байдарке это не касалось. Она ловко лавировала мимо препятствий, перелетала через пороги и в широких участках даже подплывала к нам против течения.

Уровень поднялся, вода, казавшаяся зеленоватой, начала лениво течь по широкому бетонному руслу, дна уже не было видно. Вдруг я заметил, как под лодкой что-то промелькнуло, какая-то тень... Еще одна! Сначала справа, затем по левому борту. Это же рыба! Через мутноватую воду хорошо были видны крупные, лениво поводящие хвостами плотвицы. Всякая мелочь бросалась от лодок врассыпную, а рыбешки побольше медленно уходили на дно, не теряя при этом чувства собственной важности. Зимой из мелководья Яузы рыба заходит в глубокие участки коллекторов, где всю зиму температура остается плюсовой.

Потянуло затхлостью и сероводородом, впереди показался сток. По белесоватому налету на стене можно было безошибочно определить — канализация. Оказывается, рыба кормится пищевыми отходами, попадающими по канализационной трубе в реку. Течение неумолимо несло наше суденышко прямо под зловонную струю, и хотя жидкость, вытекавшая из трубы, казалась прозрачной, глаз опытного диггера не верил обманчивой воде. Что есть силы мы принялись грести в сторону. Конечно, ничего

особенно страшного в том, чтобы принять канализационный душ, не было — и не такие принимали! — однако неприятно. Сток удалось обойти, его брызги оросили нас, но все ж не вымочили насквозь. Затем коллектор разделился на два рукава, и впереди показались прямоугольные порталы в Язу.

Из теплого и уютного подземелья мы выплывали в ледяной мир серого гранита набережных и грязного снега. Первая девушка из нашей команды уже поднималась на лесенку и привязывала лодку, когда Миша, вылезший из своего судна и пробиравшийся вдоль берега к лесенке, вдруг отчаянно взмахнул руками и с головой ушел в черную маслянистую воду Язу. Вынырнул, пытаясь удержаться на единственной оставшейся накачанной лодочной камере, но та, предательски провернувшись, вновь сбросила его в воду. Время шло на секунды: еще мгновение — и резиновый костюм, наполнившись, утянет нашего товарища в ледяную воду! Что делать? Кинуться пешком вдоль берега? Но илистая донная взвесь не выдержит меня, как не выдержала веса Миши, и тогда спасать придется нас обоих.

— Веревка! — послышался сверху голос нашей спутницы. — Держи веревку!

Не растерявшись, наша подруга в один момент взбежала по снежному пролету лестницы и, привязав веревку одним концом к фонарному столбу, бросила другой конец утопающему.

Через пять минут в полном составе мы уже были на берегу. Влажная одежда ментально схватывалась ледяной коркой, от холода зуб на зуб не попадал. Товарищ, прыгая вокруг машины, скидывал с себя мокрые вещи, надевая сухие свои и наши.

Мы зашли в ближайшее кафе выпить по кружке горячего чая и обсудить наше путешествие. По улице к метро спешили озябшие прохожие, на светофоре тормозили автомобили. Я смотрел через окно на вечернюю суету и думал о том, как это все-таки странно, что вместо этой улицы когда-то текла река, а теперь, казалось бы, от реки не осталось и следа, но она продолжает течь под ногами у ничего не подозревающих горожан. И это самая настоящая живая река, в которой журчат родники, водится рыба, а проплывающий по ней на лодке, если хочет, может отдохнуть на песчаной отмели.

¹Диггерство (от английского *to dig* — «копать») — исследование подземных коммуникаций. Первоначально была формой краеведения, поэтому диггерами становились профессиональные археологи и историки. Например, зачинателем диггерского движения в России является Игнатий Яковлевич Стеллецкий (1878–1949). Сегодня диггерство стало привлекать не только исследователей, но и любителей экстремального отдыха.

²Рафтинг — спуск по горным или порожистым рекам на плотках или на лодках (рафтах) с веслами.

ПОДПИСКА-2016

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал можно:

- В любом почтовом отделении.

Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,
«Почта России» — 99716, «Пресса России» — 42158.
Подписку также можно оформить через агентство
«МК периодика»: (495) 681-91-37,
(495) 684-50-08 (для зарубежных подписчиков).

Подписной купон на обороте.

- На сайте www.vm.ru

- В редакции по адресу: 127015, Москва, Бумажный пр-д, д. 14, стр. 2.
Телефон для справок: (499) 557-04-07.

Стоимость подписки с доставкой по почте — 900 рублей.

- В книжном магазине ТД «Библио-Глобус»
ежедневно с 10.00 до 19.00
по адресу: Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, зал 8, оф. 30.

Электронная версия журнала — на www.pressa.ru

Галина Владимировна Аксенова

«Здесь родная стихия художника...»

Борисоглебская земля в рисунках
Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904)

*Ф.П. Рябушкин(?). Андрей Рябушкин в Борисоглебске. Бумага, картон. 1886 год.
Альбом рисунков А.П. и Ф.П. Рябушкиных 1880–1881, 1886. ОР РНБ*

Об А.П. Рябушкине — замечательном русском живописце исторического жанра, монументалисте, книжном и журнальном графике — на страницах «Московского журнала» достаточно подробно рассказывалось уже дважды¹. Данный очерк посвящен оставшейся неотраженной в этих публикациях части художественного наследия Рябушкина, к которой с тем большим правом можно отнести слова поэта, критика, историка искусства Сергея Константиновича Маковского (1877–1962) по поводу одной из исторических рябушкинских кар-

тин: «Вы чувствуете, что здесь родная стихия художника»².

Напомним: родился А.П. Рябушкин в селе Станичная Слобода Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (сейчас — Воронежская область; село входит в состав Борисоглебского городского поселения). Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, затем окончил Императорскую академию художеств в Санкт-Петербурге (1890). Совершил ряд творческих поездок по древним русским городам — Орел, Тула, Киев, Великий

АЛЬБОМ

*Верхняя и нижняя крышки
обложки альбома рисунков.
Холст, краски*

Новгород, Сергиев Посад, Тверь, Ярославль, Углич, Ростов, Кострома, Нижний Новгород, Владимир... Не раз побывал на своей малой родине — в Борисоглебске. Художника влекли к себе «вещественные остатки русской старины в крестьянском быте, во многих деталях сохранявшем древнерусские костюмы и обычаи»³. В путешествиях по Руси А.П. Рябушкин обрел «живую натуру»⁴. Потомкам он «успел оставить мир, который нашел в <...> душе среди воспоминаний о русском прошлом»⁵.

Андрей Петрович имел при жизни немало добрых друзей. Они стали главными держателями творческого наследия «ясновидца и правдолюбца минувших жизней»⁶ — картин, акварелей, этюдов, эскизов. Художник, музыкант, либреттист, сценограф, публицист Илья Федорович Тюменев (1855—1927), а потом его сын бережно хранили несколько альбомов и дневников Рябушкина, которые тот вел во время поездок и путешествий, делая быстрые наброски, карандашные и акварельные зарисовки, фиксируя идеи будущих картин.

Огромный архив И.Ф. Тюменева (1192 единицы) содержит около трехсот рисунков А.П. Рябушкина. Значительная их часть включена в девяти томную тюменевскую автобиографию (29 рисунков), а также в папки рисунков «По Руси» (65 рисунков — 104 сюжета)⁷. Есть и несколько альбомов с рисунками, выполненными Рябушкиным во время ученических поездок для сбора материалов к картинам на заданные темы: ярмарка, сельская жизнь, деревенские праздники.

Этот изобразительный материал уникален. Он не только помогает заглянуть в «творческую лабораторию» художника, но и позволяет нам сегодня увидеть то, что уже давно ушло из нашей жизни: старинные избы, хозяйственные постройки, косы, плуги, телеги, прялки, посуду, одежду и тому подобные объекты, запечатленные с «удивительным изяществом» и «тонкостью исполнения»⁸.

Первый из известных на сегодняшний день сохранившихся альбомов А.П. Рябушкина⁹ был начат в 1881 году. Основная часть имеющихся в нем рисунков относится к лету указанного года, ко времени обучения в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Есть также зарисовки, сделанные несколько лет спустя — в 1885 и 1886 годах, то есть в ака-

демический период. Этот альбом когда-то назвали «загадкой»¹⁰ — видимо, потому, что в нем собраны часто неподписанные рисунки троих братьев Рябушкиных — старшего Федора, младшего Александра и Андрея, и во многих случаях приходилось гадать, где чей. Открывается альбом фронтисписом, в котором неожиданно закомпонованы фрагмент античного фронтона, деревенская изба, готическое окно, дерево со скворечником, ноты, скрипка, палитра с возвышающейся над ней античной фигурой, дубовая ветвь и лавровый венок с лентой «Художнику». Сюда же включена надпись «Ф. Рябушкин 1881 г.». Помимо портретных зарисовок, в том числе изображения Андрея Рябушкина за работой в родном доме (Ф.П. Рябушкин), есть замечательные майские и июньские пейзажи, наброски изб, сараев, животных. И хотя подписи отсутствуют, сегодня никто из исследователей не сомневается: автор этих рисунков — Андрей Петрович Рябушкин¹¹. Завершенностью и многоплановостью композиции выделяется пейзаж с обозначением «30 мая 1881 года Борисоглебск»: правый берег реки Вороны, стреноженная лошадь, деревенские домики, холмы и лес, известный как Теллермановская роща¹². Зарисовки, сделанные А.П. Рябушкиным в этом альбоме, стали основой для целого ряда графических работ, часть которых хранится в Государственном Русском музее. Это прежде всего «Летний вечер в деревне» (1881), «Катанье на колесе на Масленицу» (1881) и «Гаданье девушек на Святках» (1881 и 1885).

Второй альбом¹³, созданный Рябушкиным в селе Чигорак Борисоглебского уезда Тамбовской губернии¹⁴, представляет собой цельную художественную работу — книжку в красивой авторской обложке. Переплет одет в небеленый грунтованный холст. По центру верхней крышки надпись красками — «Album», внизу фиолетовыми чернилами — автограф А.П. Рябушкина. На нижней крышке в полукруге — простенький пейзаж: травы на берегу реки Чигорак. 16 листов альбома заполнены зарисовками интерьеров крестьянских изб с домашней утварью и их обитателями, набросками дворовых строений, лодок, ветряной мельницы, огородных растений (огуречная плеть, веточка цикория), а также отдельных предметов обихода — прялок, ткацкого станка, телеги, плуга, цепя, косы. Интересны женские и мужские

АЛЬБОМ

Борисоглебск в начале XX века

*Ф.П. Рябушкин. Портрет А.П. Рябушкина.
Бумага, картон. 1881 год*

фигурки в характерной для этого края одежде. На одном из листов Рябушкин изобразил и себя за работой. Эти наброски художник использовал при создании журнальных иллюстраций и эскизов к картинам (например, «Воскресенье в деревне», 1892).

Ценность рисунков, собранных в двух названных альбомах, заключается и в том, что все имеющиеся старые фотографии и открытки с видами Борисоглебска и Борисоглебского уезда относятся к началу XX столетия, рисунки же А.П. Рябушкина запечатлели для нас уездную жизнь 1880-х годов.

Во время путешествий по Тамбовщине Рябушкин не только делал зарисовки,

но и собирал фольклор. Так, в 1892 году художник преподнес И.Ф. Тюменеву рукописную книжицу «псалмов черничек»¹⁵: «В Алферовке [летом 1891 года] я списал канты, т. е. Псалмы, для чего два раза ходил к черничкам <...> и слушал их пение»¹⁶. Книжица вместе с архивом Тюменевых попала в Отдел рукописей РНБ. В архивной описи она представлена следующим образом: «Рябушкин А.П. Псалмы (канты) (9), записанные им факсимиле с рукописи черничек в с. Алферовке Воронежской губернии Новохоперского уезда с виньеткой и рисунками на переплете. 1892». Эти данные почерпнуты из самой рукописи, где на первом листе после заставки, выполненной пером

и тушью, значит: «Напевы сих Псалмъ записаны у черничекъ <...> в с. Алферовке Воронежской губ. Новохоперского уезда. Тексты списаны с рукописи, имеющейся у них же. Списано факсимиле». Дальше идет пояснение: «Все Псалмы поются хором, в 4, в 6 и 10 голосов»¹⁷. Десять «псалмов» начертаны поздним «бытовым» быстрым полууставом, которым обычно пользовались старообрядцы при изготовлении обиходных книг¹⁸. Помимо особенностей графики письма, Рябушкин воспроизвел характерные черты оформления рукописи, бывшей у черничек. Заглавие украшено: над словом «псалмы» нарисован цветок. Имеется и заставка в виде примитивного растительного орнамента. Все сделано пером и тушью.

Первые картины А.П. Рябушкина, обратившие на автора внимание ценителей живописи, создавались еще в годы московского ученичества. Он был увлечен творчеством «летописца крестьянской жизни» Василия Максимовича Максимова (1844–1911). Некоторые искусствоведы считали, что Андрей Петрович, увидев известное

полотно Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875), «поддался <...> очарованию» и по-своему интерпретировал композицию¹⁹, написав свою первую большую картину «Крестьянская свадьба в Тамбовской губернии» (1880) — «бойкий ученический эскиз» с «отпечатками грубоватого передвижничества» (С.К. Маковский). Но вот что еще важно отметить. В 14-летнем возрасте Андрей Рябушкин покинул Станичную Слободу. Среди множества созданных им полотен фактически нет ни одного, посвященного непосредственно его малой родине. И только в художественном повествовании о крестьянской свадьбе речь идет о Тамбовской губернии. А сохранившиеся в альбомах карандашные рисунки и акварельки с изображением домашней утвари, костюмов, мужских и женских типажей, выполненные Рябушкиным во время недолгих посещений отчего дома, говорят нам о том, что эта крестьянская свадьба была «подсмотрена» художником не просто на Тамбовщине, а, может быть, даже в самой Станичной Слободе.

¹Аксенова Г.В. «...Жил только своим, народным, русским» // Московский журнал. 2011. №9. С. 84–97; Она же. Память друзей и потомков // Там же. 2014. №2. С. 89–97.

²Маковский С.К. Силуэты русских художников. М., 1999. С. 163.

³Машковцев Н. Вводная статья // Андрей Петрович Рябушкин. Альбом. М., 1960. С. 6.

⁴Письма А.П. Рябушкина И.Ф. Тюменеву. 1886–1900 гг. (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 21).

⁵Воскресенский А.К. Рябушкин. Биографический очерк. СПб., 1912. С. А.

⁶Бенуа А. Художественные письма. Две выставки // Речь. 1912. №280. 12 октября.

⁷Тюменев И.Ф. Моя автобиография (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 12–21. Рисунки А.П. Рябушкина вклеены в тома с V по VII и в IX); Тюменев И.Ф., Павлов В.П., Рябушкин А.П., Беляев В.В., Воскресенский А.К. По Руси. Коллекция рисунков. Папка №5. Табл. 475 (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 266–282. Рисунки А.П. Рябушкина находятся в составе единиц 268, 276, 277). Данные приводятся по: Соловьева Б.А. Рисунки А.П. Рябушкина в Отделе рукописей Российской нацио-

нальной библиотеки // Власова Р.И. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. 1861–1904. М., 2014. С. 161, 164.

⁸Воскресенский А.К. Указ. соч. С. 15.

⁹Рябушкин А.П., Рябушкин Ф.П. Альбом рисунков. 1881–1886 (ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 2. Ед. хр. 353).

¹⁰Соловьева Б.А. Указ. соч. С. 170.

¹¹Там же. С. 171.

¹²Название имеет тюркское происхождение и обозначает «лес на холме» или «лес непроезжий».

¹³ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 2. Ед. хр. 356.

¹⁴Село Чигорак в настоящее время является частью Борисоглебского городского округа.

¹⁵ОР РНБ. Ф. 796. Оп. 2. Ед. хр. 365. Чернички — монахини.

¹⁶Там же. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 21–21 об.

¹⁷Там же. Ф. 796. Оп. 2. Ед. хр. 365. Л. 1.

¹⁸Однако протограф (первоначальная рукопись, к которой восходят более поздние списки) книжки не старообрядческий, поскольку каждому «псалму» предпосланы ноты, и нотация — линейная, а не крюковая.

¹⁹Масалина Н.В. Андрей Петрович Рябушкин. М., 1966. С. 6.

АЛЬБОМ

*Рисунки А.П. Рябушкина, сделанные им в Борисоглебске
в мае – июне 1881 года. ОР РНБ*

АЛЬБОМ

АЛЬБОМ

*Рисунки А.П. Рябушкина, сделанные в селе Чигорак Тамбовской губернии Борисоглебского уезда.
1886. ОР РНБ*

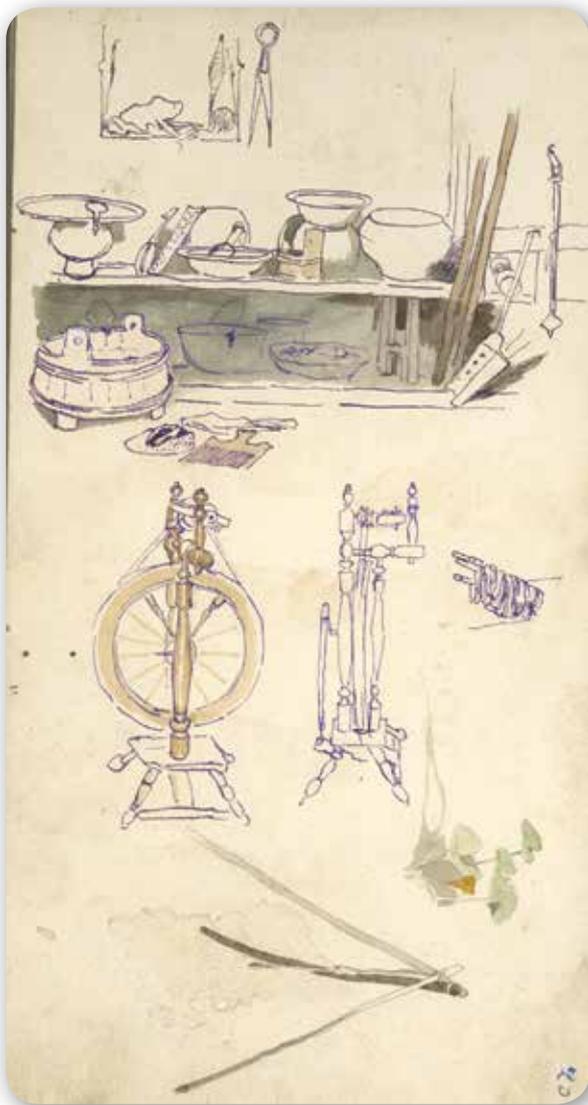
*За работой.
Бумага, перо, чернила*

*Угол крестьянской избы.
Бумага, акварель*

*На мельнице.
Бумага, карандаш*

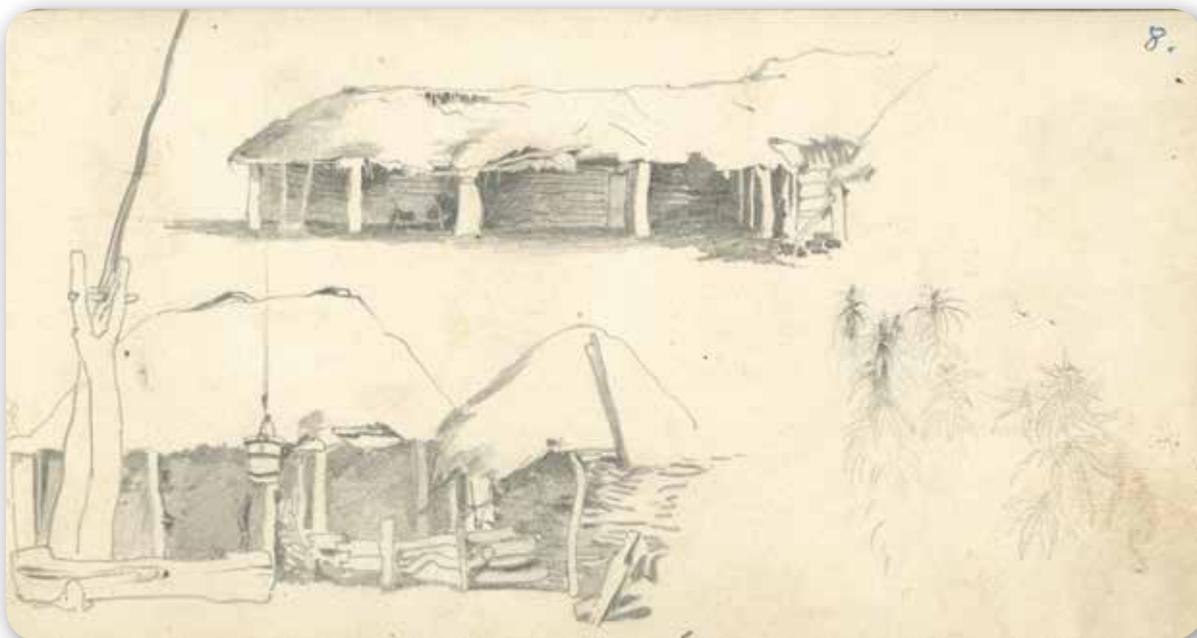
АЛЬБОМ

*Мельница.
Бумага, перо, чернила*

*Домашняя деревенская утварь.
Бумага, чернила, перо, карандаш*

*Сараи, колодец, растения.
Бумага, карандаш*

АЛЬБОМ

Сарай, растения, женщины

Женские и мужские одежды. Бумага, тушь, акварель

Утварь, растения, двор. Бумага, акварель, карандаш

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**«Рудное место», или как в Москве
близ Андреевского монастыря в начале XVIII века
«нашли» серебряную руду**

**История одного из древнейших городов Урала —
Чердыни (Перми Великой)**